

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 08-04-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 08-04-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublei str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4].... А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

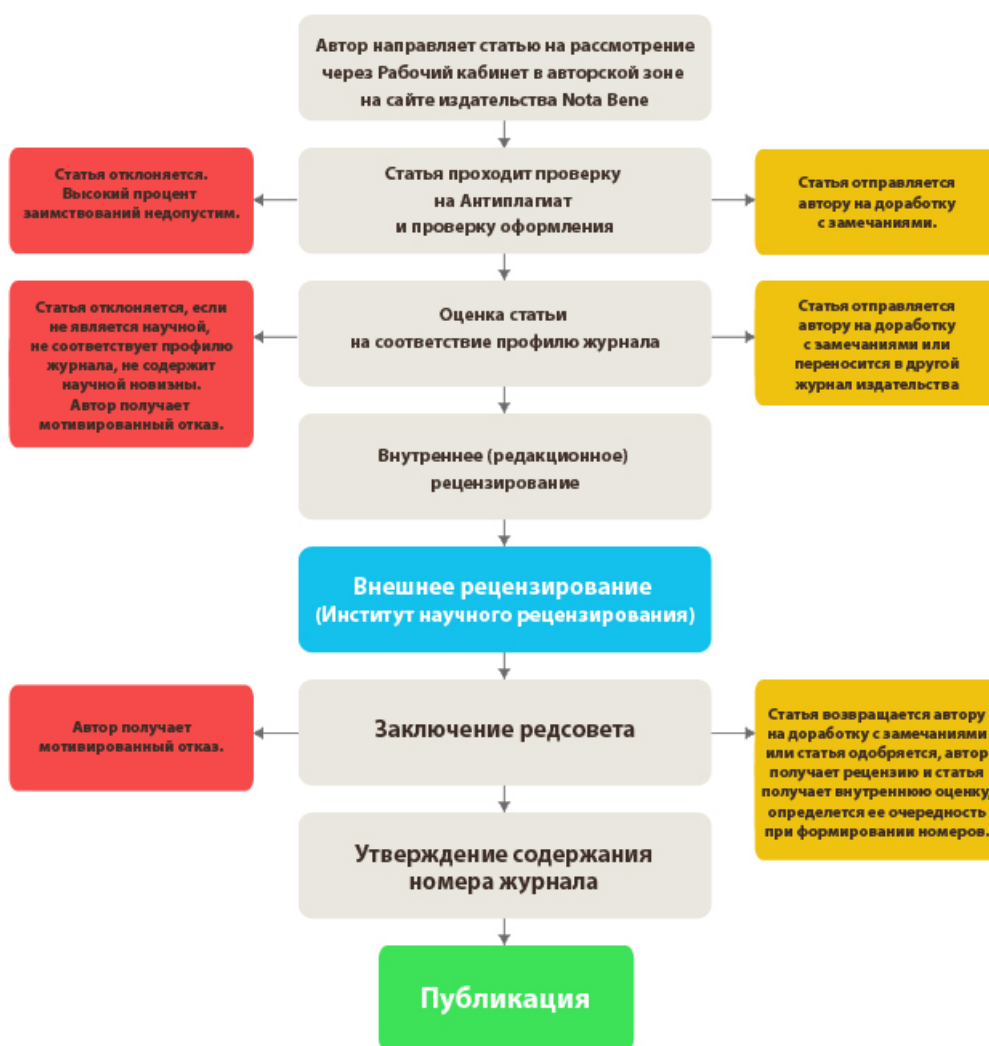
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Рыжаков В.С. Лингвистика интертекста. Цитаты в художественной прозе Хулио Кортасара (на материале испанского языка)	1
Грозан Н.Ф., Прудникова Т.И., Ибрагимова В.Ф. Фразеологическая микросистема «Девиантное поведение человека» в русском, украинском и крымскотатарском языках	14
Сунь С., Воробьев В.В. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «собственность»	23
Дондик Л.Ю., Южанинова Е.В. Особенности перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский и немецкий языки	36
Божанова К.С. Синтаксические характеристики художественных текстов XIX века в аспекте межъязыковой передачи	49
Шагбанова Х.С. Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв.	67
Филиппова А.А., Башарина З.К. «Метафора-олицетворение» в сибирских рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла)	80
Найденова Р.Р. Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд	89
Гайбарян О.Е., Мясичев Г.И., Косых А.О., Попов А.М. Прагмалингвистический аспект выбора речевых единиц в авторских стратегиях памятников литературы XV – XVI вв.	96
Жабин Д.В. Темпо-ритмическая характеристика спонтанной речи говорящих некоторых типов психических акцентуаций личности в состояниях психоэмоциональной напряженности	105
Найденова Р.Р. Нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд.	114
Фарафонова О.А. Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования	122
Чилингарян К.П., Сорокина Л.С. В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур	137
Англоязычные метаданные	155

Contents

Ryzhakov V.S. Linguistics of intertext. Quotations in Julio Cortázar's fiction (based on the material of the Spanish language)	1
Grozyn N.F., Prudnikova T.I., Ibragimova V.F. Phraseological microsystem "Deviant human behavior" in Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages	14
Sun X., Vorobyev V.V. Russian and Chinese national personalities: based on the material of phraseological units, proverbs and sayings with the concept of "property"	23
Dondik L.Y., Yuzhaninova E.V. Features of translation of English-language horror filmonyms into Russian and German	36
Bozhanova K.S. Syntactic characteristics of literary texts of the XIX century in the aspect of interlanguage translation	49
Shagbanova K.S. The place and role of Chinese themes in Russian literature of the XIX – early XX centuries	67
Filippova A.A., Basharina Z.K. "Metaphor-personification" in V.G. Korolenko's Siberian short stories (based on the material of the Yakut cycle)	80
Naydenova R.R. Mythological heroes, historical figures and characters of world literature in the works of Margaret Atwood	89
Gaibaryan O.E., Myasishchev G.I., Kosyh A.O., Popov A.M. The pragmalinguistic aspect of the choice of speech units in the author's strategies of literary monuments of the XV – XVI centuries.	96
Zhabin D.V. Tempo-rhythmic characteristics of spontaneous speech of speakers of certain types of mental accentuations of personality in states of psychoemotional tension	105
Naydenova R.R. Narrative strategy of life story in the literature of Margaret Atwood	114
Farafonova O.A. Titles of Russian memoirs of the XVIII - early XIX century as a meta-textual element of the narrative	122
Chilingaryan K.P., Sorokina L.S. In search of an optimal method for analyzing deep structures: frame semantics and classification of argumentative structures	137
Metadata in english	155

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рыжаков В.С. Лингвистика интертекста. Цитаты в художественной прозе Хулио Кортасара (на материале испанского языка) // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70021 EDN: TANIOV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70021

Лингвистика интертекста. Цитаты в художественной прозе Хулио Кортасара (на материале испанского языка)

Рыжаков Вадим Сергеевич

ORCID: 0000-0003-2661-5065

ассистент, кафедра Теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1

✉ vadimryzhakov@mail.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70021

EDN:

TANIOV

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2024

Дата публикации:

02-03-2024

Аннотация: В современных гуманитарных науках круг вопросов, связанных с проявлением интертекстуальности в текстах различных знаковых систем, их интерпретацией адресатами, а также употреблением интертекстуальных включений составителями как вербальных, так и невербальных текстовых порождений в собственных сочинениях сохраняет значительный интерес исследователей. Кроме того, интертекст играет существенную роль в речетворческой деятельности авторов современности и широко распространен в текстах разных дискурсивных систем, что обуславливает необходимость изучения его структурных характеристик с целью развития техник порождения интертекстуальных единиц, а также их воспроизведения при переводе. Таким образом, объектом настоящего исследования становятся интертекстуальные включения в постмодернистском художественном дискурсе,

предметом являются лингвистические характеристики интертекстов-лексико-грамматических цитат. В качестве материала исследования автором были избраны художественные прозаические тексты аргентинского писателя-постмодерниста Хулио Кортасара, особенно богатые на проявления интертекстуальности. Для разграничения существующего в современной науке множества определений явления интертекстуальности согласно широким и узким подходам и конкретизации собственного видения сущности данного феномена автором были применены методы когнитивных наук и семиотики. При анализе структурных свойств отобранных интертекстуальных единиц использовались общелингвистические методы описания и наблюдения. Новизна данной статьи заключается в описании лингвистических особенностей различных типов интертекстуальных единиц-цитат лексико-грамматического материала, встречающихся в художественных прозаических сочинениях Хулио Кортасара. В ходе анализа автором были выделены цитаты, основанные на сохранении и буквальном воспроизведении оригинального плана выражения интертекстуально заимствуемого высказывания, а также интертекстуальные включения, в которых план выражения заимствуемых лексико-грамматических последовательностей отличается от такового в тексте-источнике. Особое внимание автор уделяет изучению роли атрибуции как ключевого компонента интертекстуальной единицы-цитаты. Результаты настоящего исследования могут лечь в основу дальнейших исследований в области лингвистики интертекста, а также представлять практический интерес для авторов, употребляющих в собственных текстах интертекстуальные включения, и переводчиков произведений Хулио Кортасара и других писателей-постмодернистов.

Ключевые слова:

теория интертекстуальности, интертекст, интермедиаальность, постмодернизм, Хулио Кортасар, художественная литература, интертекстуальная единица, цитаты, аллюзии, лингвистика

Введение

Языковая личность аргентинского писателя XX века Хулио Кортасара отличается самобытностью, находящей проявление в непрекращающемся поиске инновационных средств выражения в текстах авторской индивидуальности. При этом, оригинальность стиля распространяется как на план содержания, так и на план выражения произведений писателя [\[27\]](#). Данная черта творчества автора обусловлена принадлежностью писателя постмодернистской эстетике, представляющей собой динамическую систему, находящуюся в состоянии постоянного развития и обновления за счет включения и семантического преобразования инодискурсивных элементов [\[20\]](#). Таким образом, произведения искусства, создаваемые в рамках постмодернистской эстетической парадигмы, представляют собой репрезентативный материал для исследований различных манифестаций явления межтекстового взаимодействия [\[12\]](#).

Несмотря на то, что отдельные приемы установления межтекстовых связей были известны составителям текстов с древнейших времен [\[31\]](#), в науке данное явление стало активно исследоваться лишь во второй половине XX века благодаря деятельности французского ученого Юлии Кристевой, предложившей в 1967 году для его обозначения термин «интертекстуальность» [\[23\]](#). Следует отметить, что зарождение теории интертекстуальности и последующий всплеск исследовательской активности в данной

области именно в вышеуказанный период можно считать следствием повышенного интереса к возможностям принципа текстопорождения и смыслообразования путем включения в собственное сочинение элементов ранее созданных произведений со стороны творивших в середине XX века авторов-постмодернистов [21].

Стремительное развитие теории интертекстуальности приводит к формированию множества точек зрения относительно сути исследуемого явления и возникновению ситуации отсутствия единообразия в теоретической базе, посвященной проблематике межтекстового взаимодействия. На наш взгляд, имеющееся на данном этапе сосуществование не пересекающихся и до определенной степени противоречащих друг другу описаний явления «интертекстуальность» усложняет исследовательскую работу как на теоретическом, так и на практическом уровне. Данный факт делает необходимым предварение каждого отдельного практического исследования уточнением, что именно в нем подразумевает автор под понятием «интертекстуальность» [6].

Результаты исследования

Для разграничения существующих определений понятия «интертекстуальность» согласно «широким» и «узким» подходам нами были изучены данные когнитивных наук, а также поставлен эксперимент, направленный на выявление особенностей интерпретации объективных, подразумеваемых автором интертекстуальных включений в текстах невербальных знаковых систем [7]. В результате применения методов когнитивного и семиотического анализа нами был сделан вывод, что «широкие» и «узкие» подходы к пониманию феномена интертекстуальности не по-разному описывают одно и то же явление, но говорят о двух отличающихся друг от друга явлениях: с одной стороны, свойство мышления человека, проявляющееся в любом сознательном акте, включая текстопорождение, которое заключается в программировании новых действий с опорой на ранее полученный опыт самого индивида или других известных ему людей; с другой стороны, особый стилистический прием эксплицитного заимствования автором в собственное сочинение элементов чужих текстов [8].

Существенное различие между двумя вышеописанными явлениями заключается в степени осознанности личностью процесса воспроизведения ранее осуществленных действий. Так, на наш взгляд, первое явление отличается автоматическим привлечением индивидом различного объема хранящейся в сознании информации о схожих ситуациях, в то время как стилистический прием интертекстуального заимствования представляет собой полностью осознаваемый автором интенциональный акт культурной деятельности, направленный на смыслообразование и оказание определенного воздействия на адресата путем эксплицитного отчуждения авторства того или иного элемента действия, содержащего заимствование.

Таким образом, становится понятно, что утверждения исследователей литературного наследия Хулио Кортасара касательно наблюдаемой ими высокой интертекстуальной плотности текстов сочинений писателя как одной из ведущих черт его идиостиля [19] относятся к повышенной частотности употребления писателем именно приема текстуального заимствования. В подтверждение этой мысли следует привести ключевую идею сторонников «широких» подходов к описанию феномена интертекстуальности, указывающую на тотальное присутствие первого явления во всех сознательных действиях человека [22]. Иными словами, «широкая» интертекстуальность будет присуща любому тексту любого автора в равной степени.

Ввиду значительного интереса Хулио Кортасара к возможностям приема интертекстуального заимствования в художественных текстах, сочинения автора представляют собой оптимальный материал для изучения различных аспектов его употребления в данной дискурсивной системе.

Следует отметить, что в ходе анализа существующих практических трудов, посвященных вопросам интертекстуальности, нами была выявлена сравнительно низкая разработанность лингвистических аспектов реализации исследуемого приема. При этом, на наш взгляд, данные о возможных формах существования и структуре интертекстуальных включений могли бы представлять интерес для авторов, испытывающих необходимость в использовании подобных единиц в собственных текстовых порождениях, в том числе переводных.

Интертекстуальный анализ избранного корпуса текстов (художественные прозаические сочинения Хулио Кортасара) выявил, что исследуемый прием реализуется в текстах посредством употребления интертекстуальных единиц, которые имеют две формы существования – цитата и аллюзия. В современной науке сложились представления о том, что эти два типа интертекстов главным образом отличаются друг от друга протяженностью интертекстуально заимствуемого фрагмента. Так, Н.А. Фатеева к цитатам относит заимствования протяженностью не менее двух лексем. Единичные инодискурсивные элементы, репрезентирующие в принимающем тексте целые источники заимствования, ученый называет аллюзиями [\[10\]](#). Кроме того, следует отметить, что интертекстуальному заимствованию может подвергаться материал различных типов: лексико-грамматические последовательности, компоненты сюжета и фабулы, элементы стиля, идейно-образная составляющая [\[3\]](#).

Применение метода компонентного анализа к описанию отобранных в текстах романов Хулио Кортасара интертекстуальных единиц позволило установить, что единицы данного типа отличаются дискурсивной билатеральностью, одновременно сложностью структуры и целостностью, адресностью [\[8\]](#).

Дискурсивная билатеральность выражается в том, что, являясь частью авторского текста, интертекстуальная единица репрезентирует в нем фрагмент иного дискурса. Структурная сложность заключается в наличии у интертекстов-цитат неотъемлемых элементов (последовательность заимствуемых единиц иного текста и атрибуция), а также дополнительных компонентов (глагол, связующий атрибуцию с заимствуемым текстом, авторский комментарий, средства графического и пунктуационного маркирования цитации). Атрибуция относится нами к обязательным элементам, т.к. именно она указывает в тексте на отчуждение авторства и наличие заимствования, а также устанавливает связь с его источником, тем самым отличая интертекстуальность (эксплицитное заимствование) от плагиата (имплицитное заимствование).

Адресность интертекстуальных единиц обуславливается тем, что их семантика, складывающаяся из прямого значения составных единиц и коннотации прецедентного феномена, к которому апеллирует интертекст [\[9\]](#), создает подтекст произведения [\[5\]](#), декодирование которого доступно только определенному типу адресата [\[26\]](#), знакомому с подразумеваемым автором имплицитным коннотативным значением прецедентного феномена, лежащего в основе интертекста.

В ходе исследования лингвистических свойств интертекстуальных единиц, встречающихся в избранном корпусе текстов, нами был описан ряд разновидностей

цитат лексико-грамматического материала. Настоящее исследование посвящено описанию именно данного типа интертекстуальных единиц ввиду их высокой частотности употребления Хулио Кортасаром в художественных прозаических сочинениях.

Первой разновидностью интертекстуальных единиц-цитат лексико-грамматического материала, выделенной нами на материале избранного корпуса текстов и предлагаемой к рассмотрению в настоящей статье, являются буквальные цитаты, сопровождаемые атрибуцией. В качестве примера такой цитаты предлагаем проанализировать интертекст из романа *Los Premios* (1960 год):

«- En despedida a mi querido hermano y a su simpática novia, les voy a cantar el tango de Visca y Cadícamo, *Muñeca brava*.

<...>

- Che madám que parlás en francés

Y tirás ventolín a dos manos,

Que cenás con champán bien frappé

Y en el tango enredás tu ilusión...

<...>

- Tenés un cambia que te acamala

Y veinte abriles, que son diqueros...

<...>

- Te llaman todos muñeca brava

Porque a los giles mareas sin grupo...

<...>

- Pa mi sos siempre la que no supo

Guardar un cacho de amor y juventú...» [\[17\]](#).

В данной интертекстуальной единице буквально заимствованная лексико-грамматическая последовательность маркирована полной атрибуцией в препозиции («el tango de Visca y Cadícamo, *Muñeca brava*»). Как видим, источником заимствования анализируемого интертекста является вербальный текст вокального танго. Иными словами, источник представляет собой поликодовый текст. Данный факт подчеркивается автором, указывающим в атрибуции, наряду с именем поэта, имя композитора. Кроме того, низкая семантическая включенность отдельных лексем заимствованной последовательности в принимающий контекст позволяет считать анализируемую вербальную цитату аллюзией на музыкальный текст указанного в атрибуции источника. Таким образом, рассматриваемая интертекстуальная единица, формально представляющая собой буквальную атрибутированную цитату-аллюзию, является примером интермедиальности в художественном дискурсе Хулио Кортасара [\[1\]](#).

Вербальные тексты песен становятся для писателя частым источником буквальной цитации. При этом, наряду с испаноязычными цитатами автор вводит в собственные

тексты интертекстуально заимствованные лексико-грамматические последовательности на иных языках, отличных от основного языка произведения и, следовательно, от языка целевого адресата. Данный факт служит еще одним аргументом в пользу того, что подобные цитаты выполняют в художественном дискурсе Хулио Кортасара функцию аллюзий на невербальные тексты и служат нуждам интермедальности [\[2\]](#).

Следующий предлагаемый на рассмотрение интертекст, встречающийся в романе *Divertimento*, также представляет собой буквальную атрибутированную цитату вербального текста песни. Однако, в отличие от предыдущего примера, в данном случае писатель заимствует иноязычный текст:

«- I gotta right to sing the blues, I gotta right to moun and cry – nos informó Lena Horne. Todos la queríamos bastante entonces, y oímos la canción de punta a punta. El Cuyano pasó bajo el puente de Avenida San Martín, y oímos sus pitadas de desollado vivo. Jorge se enderezó en el sofá, rígido.

- Hembra de plesiosaurio recibiendo un enema de vitriolo – dijo, y se volvió a acostar-. He's got a right to spit his steam – murmuró como soñando» [\[14\]](#).

Следует отметить, что анализируемый интертекст маркирован частичной атрибуцией в постпозиции, в которой указывается имя исполнителя музыкального произведения-источника цитации, а не его авторов, что, на наш взгляд, подтверждает доминирование интермедальной природы в данной единице.

Помимо вышеописанной цитаты рассматриваемый фрагмент содержит каламбур («He's got a right to spit his steam»), обыгрывающий повторяющийся в цитате оборот «gotta right to do sth». Несмотря на очевидную семантическую вовлеченность лексем каламбура в контекст произведения, иноязычный план выражения данного высказывания ограничивает возможность его интерпретации для читателей, не владеющих языком, на котором он составлен. Данный факт демонстрирует одну из установок постмодернизма, заключающуюся в опциональности и поливариантности трактовки отдельных единиц постмодернистского произведения искусства [\[25\]](#).

В художественных текстах Хулио Кортасара буквальные цитаты из иноязычных источников воспроизводятся не только на языке оригинала, но и в переводе на испанский язык. На наш взгляд, в подобных случаях следует обращать внимание, осуществляется ли непосредственно заимствование лексико-грамматической последовательности из официального перевода (см. эпиграф к повести *El perseguidor*, буквально цитирующий фрагмент канонического перевода на испанский язык «Откровения Иоана Богослова» [см. 16]) или же интертекстуальное включение создается непосредственно автором методом перевода иноязычного текста на основной язык сочинения (см. эпиграф к рассказу *Anillo de Moebius*, представляющий собой цитату из романа бразильской писательницы Клариси Лиспектор *Perto do coração selvagem* (1943 год), официально переведенного на испанский язык лишь в 2002 году [см. 13]).

Примечательным для русскоязычного читателя является эпиграф к роману *Los premios*, представляющий собой буквальную цитату из романа Ф.М. Достоевского «Идиот»:

«¿Qué hace un autor con la gente vulgar, absolutamente vulgar, cómo ponerla ante sus lectores y cómo volverla? Es imposible dejarla siempre fuera de la acción, pues la gente vulgar es en todos los momentos la llave y el punto esencial en la cadena de asuntos: si la suprimimos se pierde toda probabilidad de verdad.

DOSTOIEVSKI, *El idiota*, IV, 1.» [\[17\]](#).

Как видим, данная цитата маркирована полной атрибуцией, находящейся в постпозиции и графическим выделением курсивом.

Обращение Хулио Кортасара в его первом романе к наследию Ф.М. Достоевского является свидетельством влияния, оказанного классиком отечественной литературы на становление писательской идентичности аргентинского постмодерниста [\[28\]](#). Следует отметить, что творчество Ф.М. Достоевского также служило источником вдохновения и для ряда других представителей аргентинской литературы. Так, в произведениях Роберто Арльта и Эрнесто Сабато можно проследить наличие переключек на мотивном и тематическом уровнях с сочинениями великого представителя русской мысли [\[4\]](#). Кроме того, увлекавшимся живописью Эрнесто Сабато был создан портрет Ф.М. Достоевского. Также этот аргентинский писатель в своей автобиографии особым образом отмечал влияние, которое оказал на его мироощущение и будущие творческие воззрения прочитанный в юношеском возрасте роман «Преступление и наказание» [\[29\]](#).

Еще одним подтверждением значения фигуры Ф.М. Достоевского в испаноязычной лингвокультуре является тот факт, что в течение XX века было выполнено свыше десятка различных переводов на испанский язык источника анализируемого интертекста – романа «Идиот». Последний из переводов вышел в свет в 2021 году, а наиболее ранний был издан в 1914 году в Буэнос-Айресе [\[11\]](#).

Следующий фрагмент романа *Rayuela* примечателен тем, что в нем, согласно нашим представлениям, содержится целый ряд интертекстуальных единиц различного типа:

«Wittgensteinianamente, los problemas se eslabonan *hacia atrás*, es decir que lo que un hombre sabe es el saber de un hombre, pero del hombre mismo ya no se sabe todo lo que se debería saber para que su noción de la realidad fuera aceptable. <...> Pero el higiénico retroceso de un Descartes se nos aparece hoy como parcial y hasta insignificante, <...>. Por si fuera poco, un sueco acaba de lanzar una teoría muy vistosa sobre la química cerebral. Pensar es el resultado de la interacción de unos ácidos de cuyo nombre no quiero acordarme. *Acido, ergo sum*. Te echás una gota en las meninges y a lo mejor Oppenheimer o el doctor Petiot, asesino eminente. Ya ves cómo el *cogito*, la Operación Humana por excelencia, se sitúa hoy en una región bastante vaga, entre electromagnética y química, y probablemente no se diferencia tanto como pensábamos de cosas tales como una aurora boreal o una foto con rayos infrarrojos» [\[18\]](#).

Ввиду того, что данная статья посвящена лексическим особенностям интертекстов-цитат, ключевой единицей анализа данного фрагмента станет высказывание «*Acido, ergo sum*», характеризующее нами как трансформированная цитата философского утверждения Рене Декарта высокой прецедентности *Cogito, ergo sum*, образующее в принимающем тексте каламбур. Интертекстуальное заимствование маркировано выделением курсивом и частичной атрибуцией-указанием имени автора в неконтактном положении.

Следует обратить внимание на употребление имени автора заимствуемого высказывания в атрибуции с неопределенным артиклем. В нашем понимании, подобная особенность предвещает вызывающую языковую игру трансформированность оригинального плана выражения заимствуемого изречения в интертексте. Кроме того, анализируемая атрибуция семантически оторвана от собственно цитаты и на смысловом уровне взаимодействует с высказыванием, содержащим основанный на прецедентном

антропониме окказионализм *Wittgensteinianamente*. Данное окказиональное наречие, на наш взгляд, также является атрибуцией рассматриваемого нами как резюмированная цитата высказывания «los problemas se eslabonan *hacia atrás*». При этом, ввиду измененности плана выражения и свернутости плана содержания данной цитаты, текстологический анализ не позволяет установить соответствий с конкретным сочинением Людвиг Витгенштейна, чтобы считать его непосредственным источником анализируемого интертекста-резюмированной цитаты. Имя Рене Декарта вступает в семантическое взаимодействие с данным высказыванием через оборот «el higiénico retroceso de», представляющего собой перифраз маркированного курсивом элемента цитаты.

В продолжение предлагаем рассмотреть следующий пример интертекста-цитаты из романа *Examen*:

« Acordate de San Agustín cuando se le murió el amigo: "Yo no lloraba por él sino por mí, por lo que había perdido"» [\[15\]](#).

Как видим, рассматриваемая интертекстуальная единица маркирована как атрибуцией, так и синтаксическими средствами (кавычки, двоеточие), т. е. имеет все характеристики буквальная цитаты. Однако в ходе текстологического анализа переводов на испанский язык сочинений Блаженного Аврелия Августина подобных строк нами обнаружено не было. Таким образом, можно сделать вывод, что данное высказывание является резюмированным изложением Хулио Кортасаром содержания четвертой книги «Исповеди» Святого Августина, в которой автор повествует о собственных чувствах, вызванных смертью друга. Следовательно, анализируемый интертекст также предлагается классифицировать как резюмированную цитату. Кроме того, созданный Хулио Кортасаром план выражения интертекста обнаруживает стилистические переключки с текстом перевода философского труда Блаженного Аврелия Августина на испанский язык, выполненного в 30-е годы XX века монахом Анхелем Кустодьо Вегой [см. 30]. Таким образом, анализируемая интертекстуальная единица может также рассматриваться как пример интертекста-заимствования стиля.

В художественных прозаических текстах Хулио Кортасара нередки случаи употребления неатрибутированных буквальных цитат. Поскольку атрибуция рассматривается нами как ключевой элемент интертекстуальной единицы, указывающий на принадлежность иной дискурсивной системе того или иного фрагмента авторского текста, в неатрибутированных цитатах содержатся иные элементы, позволяющие читателю распознать наличие интертекстуальности и установить связь заимствования с его источником.

Классическим примером неатрибутированной буквальной цитаты является иноязычное высказывание в следующем фрагменте романа *Rayuela*:

«– Perchance to dream – murmuró Etienne que habría rumiado las variantes a razón de una por peldaño» [\[18\]](#).

На наш взгляд, иноязычный план выражения какого-либо высказывания является потенциальным свидетельством его инотекстуального происхождения. Текстологический анализ данного высказывания подтвердил, что оно является заимствованным из знаменитого монолога Гамлета из одноименной пьесы Уильяма Шекспира. Данный монолог имеет высокую прецедентность и репрезентируется в мировой культуре своими первыми строками «To be, or not to be». По нашему мнению, семантически высказывание

именно с подобным планом содержание подразумевал автор в принимающем контексте. Таким образом, менее известные строки источника можно считать аллюзией, репрезентирующей в тексте романа его наиболее узнаваемое высказывание. Иными словами, для семантической интерпретации данного фрагмента необходимо декодировать зашифрованную автором интертекстуальную связь.

Следует отметить, что трагедия «Гамлет» Уильяма Шекспира является распространенным источником интертекстуальных заимствований в тексте романа *Rayuela*. Так, в следующем фрагменте писатель употребляет цитату высокой прецедентности из данного источника, не нуждающуюся в маркировании и сопровождении атрибуцией для установления интертекстуальных связей читателем:

«Sí, esto es como el negativo de la realidad tal-como-debería-ser, es decir... Pero no hagás metafísica, Horacio. Alas, poor Yorick, ça suffit. No lo puedo evitar, me parece que está mejor así que si encendiéramos la luz y soltáramos la noticia como una paloma» [\[18\]](#).

Таким образом, можно предположить, что встречающиеся в тексте высказывания, которые не нуждаются в указании источника их заимствования ввиду их высокой прецедентности, служат своего рода неконтактной атрибуцией для менее распознаваемых цитат из того же текста-донора.

Следующий фрагмент романа *Divertimento* содержит яркий пример неатрибутированной и немаркированной иными средствами цитаты лексико-грамматического материала:

«Cada vez que alguien se toma del brazo y echa a andar es la marea, la vuelta dolorosa, las canciones tontas para llorar, el cuarteto de Borodin, la muerte de Platero, Tú nos ves, Platero. Platero, ¿verdad que tú nos ves?» [\[14\]](#).

В анализируемой интертекстуальной единице («la muerte de Platero, Tú nos ves, Platero. Platero, ¿verdad que tú nos ves?»), несмотря на отсутствие традиционной атрибуции, элементом, позволяющим идентифицировать источник заимствования, является прецедентное имя собственное, репрезентирующее в цитате имя персонажа романа Хуана Хименеса *Platero y yo* ослика Платеро, которое, в свою очередь, как видим, фигурирует в названии текста-источника. Сама же цитата воспроизводит высказывание, неоднократно повторяющееся в завершающих главах романа (*La muerte* и *Nostalgia*) [см. 24].

Выводы

Реализация стилистического приема интертекстуального заимствования автором элементов иных текстов производится посредством включения интертекстуальных единиц, которые могут осуществляться в виде цитат или аллюзий. Интертекстуальные единицы-цитаты представляют собой структурно сложные образования, состоящие из заимствуемого материала и атрибуции. Заимствованию может подвергаться различный материал: лексико-грамматические последовательности, элементы стиля, сюжетная линия и др.

Цитаты лексико-грамматического материала могут представать с сохранением оригинального плана выражения или с отказом от такового. В художественных прозаических сочинениях Хулио Кортасара встречаются буквальные цитаты как из испаноязычных, так и из иноязычных источников. В случае обращения к источникам, чей язык оригинала отличается от испанского, писатель буквально цитирует лексико-грамматические последовательности как из непосредственно иноязычных текстов, так и

из их переводов на основной язык сочинения. При этом, переводы источников могут быть как полные официальные, так и собственные частичные, подготовленные писателем специально в рамках создания основного произведения.

Лексико-грамматическая цитация с отказом от оригинального плана выражения может быть основана на механизмах трансформации или резюмирования. В трансформированных цитатах заимствующий автор вносит единичные изменения в исходное высказывание, примерно сохраняя его протяженность. При резюмированной цитации автор стремится сокращенно передать план содержания заимствуемого текста посредством собственного плана выражения. При этом, вносимые автором изменения на уровне плана выражения могут также затрагивать и оригинальный план содержания. Возникающие в интертексте искажения зачастую не позволяют установить точную связь между ним и его конкретным источником в случае отсутствия полной атрибуции.

Следовательно, в многих случаях атрибуция является единственным компонентом интертекстуальной единицы, позволяющим идентифицировать источник заимствования. Таким образом, заимствования с нулевой атрибуцией должны обладать выраженными иными характеристиками для их отличия от плагиата. К таким характеристикам мы относим точность воспроизведения заимствуемого высказывания при его высокой прецедентности; упоминание источника в пределах того же текста, что и неатрибутированная цитата; наличие в непосредственно цитируемом тексте элементов, репрезентирующих в сознании адресата текст-донор.

Данные выводы были сделаны в ходе анализа художественных прозаических сочинений постмодернистского писателя Хулио Кортасара и могут отличаться применительно к иным дискурсивным системам. На сегодняшний день в теоретической базе, посвященной вопросам интертекстуальности, не накоплено значительных сведений о лингвистических свойствах интертекстуальных единиц различных типов. Подобные данные могли бы служить практическим руководством для составителей текстов, испытывающих необходимость в употреблении приема интертекстуального заимствования в собственных текстовых порождениях, в том числе создаваемых в контексте перевода.

Библиография

1. Бушев А.Б. Лингвистика интертекстуальности и интермедиальности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2019. С. 76-95.
2. Ильгова Д.А. Визуальная поэзия XX века в контексте интермедиальности: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2022. 178 с.
3. Линниченко С.И. Интертекстуальность как современная лингвокогнитивная практика: новые способы языкового выражения в литературе немецкого постмодерна // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 2. С. 103-111.
4. Морильяс Ж. Русский герой на аргентинской земле. Восприятие, влияние и переводы Ф.М. Достоевского в Аргентине // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 198-224.
5. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
6. Рыжаков В.С. Интертекстуальность: феноменологический и понятийный анализ и классификация типов интертекстов // Международный научно-исследовательский

- журнал [Электронный ресурс]. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.83> (дата обращения: 27.02.2024).
7. Рыжаков В.С. Когнитивные и семиотические подходы к пониманию феномена интертекстуальности // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 437-447.
 8. Рыжаков В.С. Лингвистические основы теории интертекстуальности // Litera. 2024. № 1. С. 57-64.
 9. Стратиенко Ю.А. Сказочные прецедентные феномены в англоязычном медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2020. 301 с.
 10. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 3-е, стереотипное. М.: «КомКнига», 2007. 280 с.
 11. Biblioteca Nacional de España [Электронный ресурс]. URL: <https://datos.bne.es/obra/XX1953439.html?date=DESC&version=XX1953441> (дата обращения: 27.02.2024).
 12. Çolak, M. Intertextuality, pastiche and parody in postmodern cinema // Pamukkale University Journal of Social Sciences Institute. Issue 49. 2022. Pp. 261-274.
 13. Cortázar J. Anillo de Moebius [Электронный ресурс]. URL: <https://www.literatura.us/cortazar/moebius.html> (дата обращения: 27.02.2024).
 14. Cortázar J. Divertimento [Электронный ресурс]. URL: <https://guao.org/sites/default/files/biblioteca/Divertimento.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).
 15. Cortázar J. Examen [Электронный ресурс]. URL: <https://literaturaeimaginarios.files.wordpress.com/2016/05/julio-cortc3a1zar-el-examen.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).
 16. Cortázar J. El Perseguidor [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/docs/119-2014-02-19-Cortazar.ElPerseguidor.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).
 17. Cortázar J. Los Premios [Электронный ресурс]. URL: <https://guao.org/sites/default/files/biblioteca/Los%20premios.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).
 18. Cortázar J. Rayuela [Электронный ресурс]. URL: <https://web.seducoahuila.gob.mx/biblioweb/upload/Cortazar,%20Julio%20-%20Rayuela.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).
 19. Gabbay C. Julio Cortázar's Lyricism: Intertextuality and the Literary "Other": Thesis submitted for the degree of "Doctor of Philosophy". Jerusalem, 2012. 372 p.
 20. Gallegos Rivera J.C. Híbridez y fractalidad: rasgos posmodernos en la literatura de Alberto Chimal // Microtextualidades. Revista Internacional de microrrelato y minificción. 2023. No. 14. Pp. 40-55.
 21. Golam Shahariar Md. Intertextuality in Arts and Literature: A Postmodern Phenomenon // South Asian Research Journal of Arts, Language and Literature. Volume 5, Issue 6. 2023. Pp. 190-195.
 22. Guadu A. Intertextuality as an Inherent Tool for the Composition and Interpretation of Texts: A Theoretical Reappraisal // International Journal of Literature and Arts. 2023. Vol. 11, No. 3. Pp. 91-103.
 23. Hope S. Kristeva par Kristeva: les enjeux de l'intertextualité: Thesis submitted for the degree of "Doctor of Philosophy". Tuscaloosa (Alabama), 2016. 227 p.
 24. Jiménez J. Platero y yo [Электронный ресурс]. URL:

- <https://www.suneo.mx/literatura/subidas/Juan%20Ram%C3%B3n%20Jim%C3%A9nez%20%20Platero%20y%20yo.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).
25. Koberska T., Panfilova T., Kryhina O., Ren J., Zinkevich V. Historical Evolution of Knowledge: Interpretation of Truth in Postmodernism // Postmodern Openings. 2021. No. 12. Pp. 215-227.
26. Munari A. The double nature of "source criticism": Between philology and intertextuality // Forum Italicum. 2019. Vol. 53 (1). Pp. 27-52.
27. Nicolás V. Andrés García Cerdán: El árbol del lenguaje. Sobre la poesía de Julio Cortázar // Diablotexto Digital. 2021. No. 10. Pp. 424-426.
28. Rios Castano V. Cortázar, el lector que escribe // Les Ateliers du Séminaire Amérique Latine. 2020. Vol. 16. pp. 109-132.
29. Sabato E. R. Antes del fin. Barcelona: Seix Barral, 1998. 192 p.
30. San Agustín. Las Confesiones [Электронный ресурс]. URL: <https://www.augustinus.it/spagnolo/confessioni/index2.htm> (дата обращения: 27.02.2024).
31. Taiwo E.F. Intertextuality in the Works of Ancient Roman Poets // Ibadan Journal of Humanistic Studies [Электронный ресурс]. 2019. Vol 29. No. 1. URL: <https://www.ajol.info/index.php/ibjhs/article/view/200161> (дата обращения: 27.02.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Лингвистика интертекста. Цитаты в художественной прозе Хулио Кортасара (на материале испанского языка)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению языковой личности аргентинского писателя XX века Хулио Кортасара.

Интертекстуальность как феномен является объектом изучения не только филологии, но и других гуманитарных наук. Факт отсутствия единства в современной теории интертекстуальности существенно затрудняет реализацию прикладных исследований в данной предметной области, поэтому одной из задач, стоящих перед автором исследования, является определение данного лингвистического феномена в рамках настоящей работы, а также выделение стилистического потенциала интертекста в произведениях исследуемого писателя.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общелингвистические методы наблюдения и описания, а также методы дискурсивного и когнитивного анализа, семиотическая методика и методика моделирования языка.

Практическим материалом явился корпус текстов (художественные прозаические сочинения Хулио Кортасара).

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В теоретической части представлены многие отечественные и зарубежные исследователи, однако автор обошел своим внимание ленинградскую

научную школу и ее руководителя И.А. Арнольд, а также советского ученого В. Кухаренко. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 31 источник, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так на иностранном.

Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах, таких как стилистика, теория интерпретации и теория текста. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Лингвистика интертекста. Цитаты в художественной прозе Хулио Кортасара (на материале испанского языка)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Грозян Н.Ф., Прудникова Т.И., Ибрагимова В.Ф. Фразеологическая микросистема «Девиянтное поведение человека» в русском, украинском и крымскотатарском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70154 EDN: GYCFCJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70154

Фразеологическая микросистема «Девиянтное поведение человека» в русском, украинском и крымскотатарском языках

Грозян Нина Федоровна

доктор филологических наук

доцент, кафедра русской и украинской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8

□ n.f.grozyan@mail.ru

Прудникова Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и украинской филологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова"

295047, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Героев Сталинграда, 9, кв. 60

□ t.i.prudnikova@inbox.ru

Ибрагимова Венера Февзиевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и украинской филологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова"

295010, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Кузнечная, 20

□ ibragimova.venera@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70154

EDN:

GYCFCJ

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2024

Дата публикации:

21-03-2024

Аннотация: Статья посвящена идеографической и семантической характеристике фразеологических единиц. Предметом исследования являются фразеологизмы русского, украинского языка и крымскотатарского языков, обозначающие девиантное поведение человека. Цель статьи – выделить из фразеологического состава русского, украинского и крымскотатарского языков группу фразеологических единиц, общий семантический признак которых имеет экстралингвистическую природу (все они обозначают девиантное поведение человека), и описать семантические особенности этих фразеологических единиц с учетом достижений современной фразеологической и психологической наук. В работе использовалась схема идеографической классификации языка, предложенная профессором Ю. Ф. Прадидом и апробированная в работах его учеников. Идеографическая классификация имеет такую структуру: синонимический ряд → семантическая группа → семантическое поле → тематическая группа → тематическое поле → идеографическая группа → идеографическое поле → архиполе. В тематическом поле фразеологических единиц «Девиантное поведение человека» выделены две тематические группы: «Преступное поведение человека», «Уголовно не наказуемое (непротивоправное) безнравственное поведение человека». Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области фразеологии и психологии. При написании статьи был использован описательный метод. Научная новизна исследования определяется комплексным подходом к анализу сложного механизма фразеологической микросистемы «Девиантное поведение человека» в русском, украинском языке и крымскотатарском языках. Комплексное применение идеографического и семантического аспектов позволило получить новые результаты относительно сущности и семантической организации этого слоя фразеологических единиц, места фразеологической микросистемы «Девиантное поведение человека» в структуре фразеологической системы русского, украинского и крымскотатарского языков. Идеографический и семантический анализ фразеологических единиц, объединяемых в фразеологическую микросистему «Девиантное поведение человека», дал основания сделать вывод, что структура этого тематического поля соответствует рубрикации девиантного поведения, представленной в психологической науке. Анализ фразеологизмов, обозначающих девиантное поведение человека, будет способствовать дальнейшему лингвистическому исследованию фразеологической идеографии, выработке общей типологии методов исследования фразеологических микросистем в идеографическом и семантическом аспектах.

Ключевые слова:

идеография, фразеологическая микросистема, фразеологическая единица, девиантное поведение человека, тематическая группа, семантическое поле, синонимический ряд, украинский язык, русский язык, крымскотатарский язык

Исследование фразеологических единиц по тематическим группам перемещается в настоящее время в центр внимания лингвистов, поскольку повышенный интерес к системному изучению фразеологии поставил перед исследователями проблему

идеографического описания фразеологического состава языка [1, с. 9; 2, с. 60]. Что касается лексического состава языка, то проблемы описания его в идеографическом аспекте гораздо активнее прорабатывались в лингвистической литературе [3; 4 и др.]. Иногда необходим труд нескольких поколений исследователей, которые иногда относятся к полностью отдаленным участкам человеческих знаний, чтобы в конечном итоге представить явление во всей его общности и системности. Фразеологическая идеография не исключение.

Цель статьи – выделить из фразеологического состава русского, украинского и крымскотатарского языков группу фразеологических единиц (ФЕ), общий семантический признак которых имеет экстралингвистическую природу (все они обозначают девиантное поведение человека), и описать семантические особенности этих ФЕ с учетом достижений современной фразеологической и психологической наук.

В психологических словарях понятие «девиантное поведение (от лат. *deviatio* – отклонение» [5, с. 94] толкуется как «система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам» [6, с. 407; 5, с. 257]. В происхождении девиантного поведения, как свидетельствуют психологи [5; 6], большую роль играют дефекты правового и морального сознания, потребности личности, особенности характера, эмоционально-волевой сферы. Ученые признают основные виды девиантного поведения: 1) преступное поведение человека; 2) уголовно не наказуемое (непротивоправное) безнравственное поведение человека. По мнению психологов, связь между этими видами девиантного поведения человека состоит в том, что совершению правонарушений нередко предшествует безнравственное поведение, ставшее привычным для человека.

В украинском языке фразеологические средства выражения девиантного поведения человека уже исследовались, хотя и не комплексно [7; 8; 9], а в русском и крымскотатарском языке – не являлись предметом исследования.

В реферируемом исследовании использована схема идеографической классификации языка, предложенная профессором Ю. Ф. Прадидом и апробированная в работах его учеников. Эта классификация имеет структуру: синонимический ряд → семантическая группа → семантическое поле → тематическая группа → тематическое поле → идеографическая группа → идеографическое поле [1, с. 40]. К каждому из этих элементов может быть применен употребляемый в современной лингвистике термин «фразеологическая микросистема», которым обозначают сравнительно небольшие в своем количественном составе структуры группирования фразеологических единиц.

Семантический анализ ФЕ, объединяющихся в тематическое поле ФЕ «Девиантное поведение человека» дают основания предложить структуру тематического поля ФЕ (Рис. 1), которая соответствует рубрикации девиантного поведения, представленной в психологической науке:

Тематическое поле ФЕ	Девиантное поведение человека. Преступное поведение человека.
Тематическая группа ФЕ	

	Уголовно не наказуемое (непротивоправное) аморальное поведение человека.
--	--

Рис. 1. Структура тематического поля ФЕ «Девиантное поведение человека»

Исследованный материал свидетельствует, что идеографическая структура фразеологической микросистемы «Преступное поведение человека» не является разветвленной. В ней отсутствуют звенья: семантическая группа, семантическое поле. Тематическая группа ФЕ «Преступное поведение человека» состоит непосредственно из синонимических рядов. Приведем примеры нескольких синонимических рядов ФЕ, зафиксированных в исследуемых языках, со значениями:

1) убивать, умерщвлять:

в русском языке: **отправить на тот свет** [10, с. 305], **отправить в мир иной** [11, с. 70], **отправить к праотцам** [11, с. 69], **вышибить душу (дух)** [12, с. 133], **выпустить кишки** [12, с. 96], **свернуть (снять) голову (башку)** [11, с. 218], **сводит в могилу** [11, с. 223], **вгонять в гроб** [12, с. 64], **лишить жизни** [12, с. 354] и др.;

в украинском языке: **вкоротити віку (життя)** [13, с. 136], **відбирати (віднімати) / відібрати (відняти) життя** [13, с. 114], **перерізати жили** [13, с. 159], **уложити у копи** [13, с. 913], **позбавляти / позбавити життя (віку)** [13, с. 661], **випустити кишки (тельбухи, бандури)** [13, с. 100] и др.;

в крымскотатарском языке: **эджелъсиз мезаргъа [ерге, къабирге] къоймакъ** – 'сводит[свести, загнать, уложить] в могилу' [14, с. 275], **эллерини къангъа боямакъ** – 'обагрять (обагрить) руки в крови' [14, с. 267], **эсабыны кесмек** – 'покончить счета' [14, с. 271], **джаныны алмакъ** – 'вгонять [вогнать, загнать] в гроб; отправлять (отправить) на тот свет' [14, с. 253], **эджелине етмек** – 'отправлять (отправить на тот свет)' [14, с. 275], **къара ерге къоймакъ** – 'вгонять в гроб; сводить [свести, загнать, уложить] в могилу' [14, с. 160], **къара ерге чекмек [сюйремек]** – 'вгонять [вогнать, загнать] в гроб'

[14, с. 160 и др.]; 2) избить (побить) кого-нибудь: в русском языке: **дать памятку** [12, с. 176], **дать щипачиху** [12, с. 177], **всыпать горячих** [15, с. 94], спустить шкуру (три шкуры, семь шкур) [15, с. 94], **задать баню** [15, с. 94], **прописать ижицу** [15, с. 94], **намять бока** [11, с. 14], **намять холку [шею]** [11, с. 14], **пересчитывать ребра [кости]** [11, с. 84-85], **дать березовой каши** [12, с. 176] и др.;

в украинском языке: **обламати (обломити) / обламувати ребра (боки)** [13, с. 569], **годувати бебехами (буханцями)** [13, с. 179], **обідрати / обдирати шкуру** [13, с. 566], **натовкти (натерти) морду (пику)** [13, с. 537] и др.;

в крымскотатарском языке: **юмрукъ салламакъ [сильтемек]** – 'давать(дать) волю кулакам' [14, с. 278], **эшек киби дёгмек** – 'драть [порочь, сечь] как сидорову козу' [14, с. 275], **шамар [таякъ, сопа] чекмек [яндырмакъ]** – 'всыпать [влепить] горячих' [14, с. 275]

[2571](#), **акъкъындан кельмек** – ‘жестоко избить кого-либо, **песасыны бермек** – ‘жестоко избить кого-либо’ [\[16, с. 39\]](#), **запарта бермек (чекмек)** – ‘бить кого’ [\[16, с. 39\]](#), **яхшы этип къыздырмакъ** – ‘бить кого’ [\[16, с. 39\]](#), **иш кесмек (косътермек)** – ‘бить кого’ [\[16, с. 39\]](#), **эзмесини чыкъармакъ** – ‘жестоко избивать, колотить кого-либо’ [\[16, с. 39-40\]](#), **акъыл къоймакъ** – ‘побив, разбив кого-либо’ [\[16, с. 40\]](#), **акъкъындан кельмек** ‘побив, разбив кого-либо’ [\[16, с. 40\]](#), **эзмесини чыкъармакъ** – побить кого-нибудь [\[16, с. 83\]](#), **чубукъ пайы пичмек** – дать берёзовой каши [\[14, с. 249\]](#) и др.

Структура тематической группы ФЕ «Уголовно не наказуемое (непротивоправное) аморальное поведение человека» имеет следующий вид (Рис. 2):

Тематическая группа ФЕ	Уголовно не наказуемое (непротивоправное) аморальное поведение человека.
Семантическое поле ФЕ	Пьянство человека. Корыстолюбие человека.

Рис 2. Структура тематической группы ФЕ «Уголовно не наказуемое (непротивоправное) аморальное поведение человека»

Семантические поля ФЕ, обозначающие уголовно наказуемое (непротивоправное) безнравственное поведение человека, состоят непосредственно из синонимических рядов. В структуре идеографической классификации подобных ФЕ отсутствует одно звено – семантическая группа. Следовательно, тематическую группу ФЕ «Уголовно не наказуемое (непротивоправное) аморальное поведение человека» образуют семантические поля ФЕ, характеризующие :

1) пьянство человека:

в русском языке: **в стельку** [\[15, с. 193\]](#), **как сапожник** [\[15, с. 193\]](#), **как зюзя** [\[15, с. 193\]](#), **в доску** [\[15, с. 193\]](#), **до чертиков** [\[15, с. 193\]](#), **до зеленого змия** [\[15, с. 193\]](#), **едва держаться на ногах** [\[12, с. 202\]](#), **в доску** [\[12, с. 213\]](#), **в стельку** [\[11, с. 279\]](#), **как стелька** [\[11, с. 279\]](#), **пить магарыч** [\[11, с. 176\]](#), **с пьяных глаз** [\[12, с. 137\]](#) и др.;

в украинском языке: **тинятися по шинках (по корчмах, з корчми в корчму)** [\[13, с. 883\]](#), **в горілці киснути** [\[13, с. 373\]](#), **з кругу (з пуття) спитися** [\[13, с. 848\]](#) и др.;

в крымскотатарском языке: **тутмагъа ери ёкъ [къалмамакъ]** быть пьяным, быть сильно пьяным [\[14, с. 237\]](#); **аякъ устюнде турамамакъ чи аякълары тутмакъ** с трудом ходить, двигаться от опьянения [\[16, с. 45\]](#); **зиль-сархош; кёр-сархош** очень сильно напиваться [\[16, с. 55\]](#) и др.;

2) корыстолюбие человека. Как свидетельствуют психосемантические исследования [\[17, с. 305-306\]](#), общее значение семантического поля ФЕ «Корыстолюбие человека» включает признак нечестности. По мнению В.Ф. Петренко, этот признак «семантически очень многоплановый и сложный. Нечестность заключается в несоответствии индивидуальных

ценностей субъекта и формах их реализации общественным ценностям и нормам при внешней демонстрации признания этих норм» [17, с. 305–306]. Самыми многочисленными синонимическими рядами этого семантического поля ФЕ в русском, украинском и крымскотатарском языках являются:

а) обмануть, перехитрить, вводить в заблуждение (использовать другого человека как средство для достижения собственных целей; поставлять другому человеку неправильную информацию о собственных целях, социальной и предметной действительности и т.п.):

в русском языке: **водить за нос** [12, с. 88], **втирать очки** [12, с. 111], **замазывать глаза** [12, с. 249], **водить за нос** [12, с. 88], **играть в кошки-мышки** [12, с. 270], **втирать очки** [12, с. 111], **обводить вокруг пальца** [11, с. 43], **напускать (наводить) туману** [11, с. 16], **мутить воду** [12, с. 387], **наводить тень (на плетень, на ясный день)** [11, с. 7], **заговаривать зубы** [12, с. 241] и др.;

в украинском языке: **пускати (перти) пустити туман [у вічі]** [13, с. 718], **наводити / навести полуду (більмо) на очі** [13, с. 520], **напускати / напустити дурману** [13, с. 532], **замилювати (милити) / замилити очі** [13, с. 312], **обвести (обкрутити, обернути, обмотати) / обводити (обкручувати, обертати, обмотувати) круг (кругом, навколо, довкола) пальця (пучки)** [13, с. 563], **лишати (залишати) / лишити (залишити) з носом** [13, с. 432], **водити / поводити за ніс (за носа)** [13, с. 142], **обвести / обводити за ніс** [13, с. 563], **брати / взяти на арапа** [13, с. 51], **забивати / забити баки** [13, с. 297], **замовляти (заговорювати) / замовити (заговорити)зуби** [13, с. 313], **накинути ласим оком** [13, с. 586], **замазувати / замазати очі** [13, с. 311] и др.;

в крымскотатарском языке: **баш (башыны) кутьмек** – ‘намеренно вводит в заблуждение, обманывать’ [16, с. 29], **алдар агъачына миндирмек** – ‘намеренно вводит в заблуждение, обманывать’ [16, с. 29], **айын-оюн япмакъ** – ‘ловко обманывать’ [16, с. 50–51], **Алининъ къалпагъаны Велиге** – ‘ловко обманывать’ [16, с. 50–51], **Велининъ къалпагъаны Алиге кийдирмек** – ‘обводит вокруг пальца’ [16, с. 50–51], **йымырта косьтерип, бор туттырмакъ** – ‘ловко, хитро обманывать’ [16, с. 78], **сугъа алып кетип** – ‘ловко, хитро обманывать’ [16, с. 78], **сугсыз къайтармакъ** – ‘ловко, хитро обманывать’ [16, с. 78], **козь боямакъ** – ‘ловко, хитро обманывать’ [16, с. 78], **козь боямакъ** – ‘обманывать, вводить в заблуждение’ [16, с. 47], **эсаме окъумакъ** – ‘врать’ [14, с. 271], **масал окъумакъ** – ‘врать, рассказывать небылицы’ [16, с. 48], **уфуртме ягъдырмакъ** – ‘бессовестно, беззастенчиво врать, рассказывать небылицы’ [16, с. 62], **ялан патлатмакъ** – ‘бессовестно, беззастенчиво врать, рассказывать небылицы’ [16, с. 62], **масал уйдурмакъ** – ‘говорить или писать вздор, глупости, врать’ [16, с. 73], **ифтира атмакъ** – ‘наговаривать, клеветать на кого-либо’ [16, с. 73] и др.;

б) изменять ценностные ориентиры:

в русском языке: **и нашим и вашим** [11, с. 21] (о поведении лица, стремящегося угодить двум различным по своим взглядам и интересам сторонам); **держат нос по ветру** (безпринципно менять свои взгляды, убеждения, приноравливаясь к обстоятельствам),

куда ветер дует [12, с. 72] (непостоянный в своих мнениях, решениях и ненадежный человек); **куда ветер дунет** [12, с. 72] (применяясь к обстоятельствам, не имея своих твердых убеждений); **себе на уме** [11, с. 327] (скрытен, хитер, не открывает своих мыслей, намерений) и др.;

в украинском языке: **і нашим і вашим** [13, с. 538], **тримати (держати) ніс (носа) за вітром (по вітру)** [13, с. 897], **собі на умі** [13, с. 914] и др.;

в крымскотатарском языке: **эм сизден эм бизден** – 'и нашим и вашим' [14, с. 269], **тавшан сен къач, тазы сен тут** – 'и нашим и вашим' [14, с. 223], **о якъта-бу якъта** – 'там и сям; то там, то тут' [14, с. 205], **о якъ-бу якъ (о якъкъа-бу якъкъа)** – 'пока то да сё; туда и сюда' [14, с. 205], **сёзюни бозмакъ** – 'нарушать (нарушить) слово' [14, с. 217], **догъру ёлдан чыкъмакъ** – 'изменять свое поведение в плохую сторону' [16, с. 98] и др.

Фразеологические единицы этого семантического поля передают, по мнению психологов, поведение субъекта, связанное с изменениями ценностных ориентиров, целей и задач в зависимости от жизненных обстоятельств, но в пользу самого субъекта и в конечном итоге с ущербом для других участников совместной деятельности, в которую этот субъект включен. Вот как на этот счет утверждает В.Ф. Петренко: «...Некоторый субъект оказывается слабым звеном в совместной деятельности за счет неустойчивости ценностно-мотивационной структуры его личности: на него нельзя положиться» [17, с. 306]. Фразеологические единицы семантического поля "Корыстолюбие человека" передают отсутствие у субъектов некоторых сверхиндивидуальных «трансцендентальных» ценностей, стоящих выше непосредственных прагматических ценностей и обуславливающих устойчивость поведения человека и его кооперацию с другими людьми в ситуациях, когда совместная деятельность требует стать выше эгоистических и эгоцентрических интересов [17, с. 306].

Таким образом, как показал исследуемый фразеологический материал, девиантное поведение человека передается широким диапазоном фразеологических средств русского, украинского и крымскотатарского языков. В результате исследования выявлены 2 тематические группы фразеологических единиц, обозначающих девиантное поведение человека: 1) «Преступное поведение человека»; 2) «Уголовно не наказуемое (непротивоправное) безнравственное поведение человека». Первая тематическая группа ФЕ менее многочисленна во всех исследуемых языках и состоит непосредственно из синонимических рядов. Вторая тематическая группа состоит из двух семантических полей ФЕ. Самым многочисленным в исследуемых языках является семантическое поле фразеологических единиц «Корыстолюбие человека». Идеографический и семантический анализ фразеологических единиц, объединяемых в фразеологическую микросистему «Девиантное поведение человека», дал основания сделать вывод, что структура этого тематического поля соответствует рубрикации девиантного поведения, представленной в психологической науке.

Анализ фразеологизмов, обозначающих девиантное поведение человека, будет способствовать дальнейшему лингвистическому исследованию фразеологической идеографии, выработке общей типологии методов исследования фразеологических микросистем в идеографическом и семантическом аспектах.

Девиантное поведение человека.

Библиография

1. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія : проблематика досліджень / Ю. Ф. Прадід. К.; Сімферополь: Доля, 1997. 252 с.
2. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. Ташкент: ФАН, 1988. 91 с.
3. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики / В. В. Морковкин. М.: Из-во Московского ун-та, 1977. 168 с.
4. Соколовская Ж. П. «Картина Мира», Системность, Моделирование и Лексическая семантика / Ж. П. Соколовская. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2000. 176 с.
5. Психология: словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. 494 с.
6. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова.– М.: Педагогика-Пресс, 1998. 440 с.
7. Грозан Н. Ф. До питання дослідження тематичної групи фразеологічних одиниць «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини» в психосемантичному аспекті / Н. Ф. Грозан // Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди». Переяслав-Хмельницький, 2006. Випуск 9. С. 138-142.
8. Грозан Н. Ф. Семантичне поле фразеологічних одиниць «Корисливість людини» в українській мові: ідеографічний і психосемантичний аспекти / Н. Ф. Грозан // Вісник Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2006. С. 67-73.
9. Грозан Н. Ф. Фразеологічні засоби вираження девіантної поведінки людини в українській мові / Н. Ф. Грозан // Культура народів Причорномор'я. Сімферополь, 2002. №32. С. 30-34.
10. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 543 с.
11. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. Т.2: Н-Я. М.: Цитадель, 1997. 391 с.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А. И. Федоров. Т.1: А-М. М.: Цитадель, 1997. 396 с.
13. Фразеологічний словник української мови. К.: Наукова думка, 1993.
14. Куркчи У. Крымскотатарско-русский фразеологический словарь / У. Куркчи. Симферополь: Издательство «Крымучпедгиз», 2011. 296 с.
15. Жуков В. П. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. М.: Рус.яз., 1987. 448 с.
16. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А. М. Эмирова. Симферополь: Доля, 2004. 178 с.
17. Петренко В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. М.: МГУ, 1997. 400 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Фразеологическая микросистема «Девиянтное поведение человека» в русском, украинском и крымскотатарском языках» предлагаемая

к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, в которой представлено изучение фразеологии на материале трех языков народов Российской Федерации.

Цель статьи – выделить из фразеологического состава русского, украинского и крымскотатарского языков группу фразеологических единиц, общий семантический признак которых имеет экстралингвистическую природу, и описать семантические особенности этих ФЕ с учетом достижений современной фразеологической и психологической наук.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы языкознания.

Практическим материалом послужил данные, полученные методом сплошной выборки из словарей. Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на русском украинском и крымско-татарском языках, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно во введении отсутствует постановка проблематики, четких целей и задач, что не позволяет сопоставить вводную часть с выводами по итогам работы. Библиография статьи насчитывает 17 источников, среди которых представлены работы на русском и украинском языке. Считаю, что обращение к работам зарубежных авторов по сходной тематике, несомненно, обогатило бы теоретическую составляющую работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов, а также дальнейшему лингвистическому исследованию фразеологической идеографии, выработке общей типологии методов исследования фразеологических микросистем в идеографическом и семантическом аспектах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Фразеологическая микросистема «Девiantiное поведение человека» в русском, украинском и крымскотатарском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сунь С., Воробьев В.В. Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «собственность» // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70260 EDN: PQJHTY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70260

Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «собственность»

Сунь Сюйна

аспирант, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1161799398@qq.com

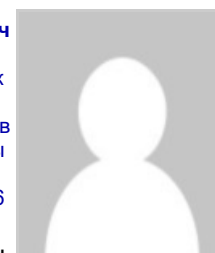
Воробьев Владимир Васильевич

доктор филологических наук

профессор, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ ryss_yur_rudn@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70260

EDN:

PQJHTY

Дата направления статьи в редакцию:

23-03-2024

Дата публикации:

30-03-2024

Аннотация: Данная статья посвящена лингвокультурологическому описанию национальной личности в русском и китайском языках. Предметом данного исследования является русская и китайская языковая личность. Объект представляют собой

национальные культурные сходства и различия. Цель исследования — выявление универсальных, национально-специфических и типологических лингвокультурологических особенностей русской национальной личности (РНЛ) и китайской национальной личности (КНЛ) на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок русского и китайского языков, в которых находит отражение концепт «собственность». Практическая значимость работы заключается в том, что лингвокультурологический анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок, посвященных собственности, может быть использован в учебной деятельности в курсах лингвокультурологии. Положения и выводы исследования могут найти применение в лексикографической практике при составлении словарей фразеологизмов, а также в практике преподавания русского языка как иностранного, распространения китайской культуры в России. Для решения поставленной проблемы применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки материала из словарей русского и китайского языка, метод тематической классификации и систематизации языкового материала, метод лингвокультурологического комментария и сопоставительно-контрастивный метод. В статье впервые рассмотрена проблема русской и китайской национальных личностей, которая ранее не была описана в лингвокультурологическом аспекте, впервые анализируются существенно важнейшие денежные ценности РНЛ и КНЛ, указываются их стереотипные представления и отношения к деньгам, бедности, богатству, выгоде, жадности и долгам. В этом заключается научная новизна данного исследования. В результате исследования показано, что зафиксированные в русских и китайских лексикографических источниках фразеологизмы, пословицы и поговорки с концептом «собственность» отличаются в количественном и содержательном отношении. Русская и китайская личности рассматривают представление собственности по-разному. В отличие от русского народа, который уделяет больше внимания духу, чувству и эмоциям, внутреннему миру личности, а не деньгам и материальному благополучию, китайский народ характеризуется сознанием богатства, жадностью, коммерческой жилкой и стремлением к выгоде, наживе. И РНЛ, и КНЛ отличаются такими духовными характеристиками, как запасливость, бережливость, экономия. Им не свойственны расточительность и мотовство.

Ключевые слова:

Лингвокультурология, русская национальная личность, китайская национальная личность, концепт собственность, фразеологизмы, пословицы, поговорки, черты характера, культурные ценности, доминанты

Информация об источниках финансирования или грантах:

Публикация поддержана Китайским советом по стипендиям (China Scholarship Council) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202107040006, и в рамках темы № 202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).

Введение

Как составляющий компонент когнитивной совокупности национально-духовной культуры представление «собственность» находит свое отражение в системе фразеологических единиц, пословиц и поговорок, главное назначение которых — фиксировать

ментальность и картину мира национальной личности. Актуальность темы исследования определяется активным развитием межкультурных связей, межличностного общения и гуманитарного обмена русского, китайского обществ, их интересом к вопросам национальной личности и лингвокультуры.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить состав русских и китайских фразеологизмов, пословиц и поговорок, в которых находит отражение концепт «собственность».
- 2) сопоставительно анализировать денежные стереотипные представления русской и китайской национальных личностей во фразеологизмах, пословицах и поговорках в отношении к деньгам, бедности, богатству, выгоде, жадности, долгам.
- 3) выявить доминирующие общечеловеческие, национально-специфические и типологические духовные характеристики и культурные ценности сопоставляемых национальных личностей.

Для решения поставленной проблемы применяются следующие **методы** исследования: метод сплошной выборки материала из словарей русского и китайского языка, метод тематической классификации и систематизации языкового материала, метод лингвокультурологического комментария и сопоставительно-контрастивный метод.

В качестве **материала** исследования были использованы 40 русских фразеологизмов, пословиц и поговорок, 55 фразеологизмов, пословиц и поговорок китайского языка, отобранных методом направленной выборки из следующих словарей:

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М.: Рус. кн., 1993 [\[8\]](#).

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус.яз., 1998 [\[10\]](#).

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996 [\[21\]](#).

Михельсон А.Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка. М.: Си ЭТС : Бука, 2008 [\[15\]](#).

Тишков А. Китайские народные поговорки, пословицы и выражения. М.: Издательство иностранной литературы, 1962 [\[22\]](#).

Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь. М.: Восточная книга, 2009 [\[23\]](#).

Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007 [\[6\]](#).

郝景江, 李靖, 张秀芳. 新华成语词典. 北京, 2009 (Хао Цзинцзян, Ли Цзин, Чжан Сюфан. Фразеологический словарь Синьхуа. Пекин, 2009) [\[24\]](#).

Теоретической базой исследования послужили публикации российских и китайских авторов, в которых рассматриваются проблемы русской национальной личности в аспекте лингвокультурологии (Воробьев [\[4, 5\]](#), Рапопорт [\[18\]](#), Недосугова [\[16\]](#), Летова [\[13\]](#), Василюк [\[3\]](#)), а также проводится анализ китайской культуры, китайской языковой

картины мира (Абрамова [2], Тань Аошун [20], Гурулева [7], 沙莲香 [26], Е Лан, Чжу Лянчжи [9], 李磊荣 [14]).

Основная часть

Лингвокультурология — это наука, решающая важнейшие проблемы взаимовлияния языка и культуры. Триада «Язык – культура – личность» [5], которая рассматривается как константа метаязыка лингвокультурологии [11], позволяет глубже познать менталитет и духовные установки изучаемого языка.

Личность есть «человек как носитель каких-н. свойств, лицо» [17, с. 334]. Национальная личность определяется как субъект национального языка и культуры, «обладающий культурно-языковой компетенцией» [12, с. 84]. Описание проблем национальной личности занимает принципиальное место в лингвокультурологических исследованиях в связи с тем, что «личность может оказывать глубокое влияние на деятельность общества в целом» [4, с. 97]. Изучение национальной личности представляется важным, необходимым, поскольку каждая нация обладает своей собственной логикой и духовными ценностями, которые могут быть поняты и оценены в контексте их уникальной «системы отсчета». Проведение исследования национальной личности в аспекте лингвокультурологии позволяет глубже и осознаннее понять сущность этого явления, рассматривая его, как бы изнутри самой личности.

Та или иная национальная личность и ее характерные культурные особенности в пространстве языка данной нации закрепляются в виде концептов. Для моделирования системы традиционных культурных ценностей русской и китайской национальных личностей и выявления их доминирующих компонентов предлагается интегрировать изучаемый материал (фразеологизмы, пословицы и поговорки) в метасистему концептов.

На основе общечеловеческого концепта «собственность» могут быть рассмотрены составляющие — концепты «деньги», «бедность», «богатство», «выгода», «долги» и т.п.

Собственность является существенно важнейшим денежным представлением каждой нации и ее любого члена. Через призму концепта «собственность», который закрепляется в русском и китайском языках, могут быть отражены не только некие стереотипные представления материальной культуры, но и определенные духовные ценности обеих национальных личностей.

«Жители Запада любят власть, а китайцы — деньги... Деньги могут приносить удовольствие, поэтому китайцы рассматривают деньги как объект сильного желания. Многие китайцы присваивают и принимают взятки, даже рискуя смертью. Жители Запада жаждут денег, но они видят в них только инструмент власти, а не сами деньги» [25, с. 63]. Для КНЛ деньги, выгода, прибыль, собственность имеют большое значение, что иллюстрируется в следующих поговорках:

«Деньги не всесильны, но без денег абсолютно невозможно».

«С деньгами можно заставить и чертей крутить жернова».

«За большие деньги и богов купить можно» .

Культурной традиции РНЛ присуща ценность бедности. Жизненный прагматизм и стремление к материальному благополучию изначально не характерны для русского народа («Счастье лучше богатства»).

Русским народом богатство традиционно воспринималось как нечистое. Для русских людей деньги, материалы, богатство не должны стать объектом устремлений человека, о чем свидетельствует ряд пословиц:

«Богатому черти деньги куют».

«Пусти душу в ад, будешь богат».

«Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом».

Из-за уникальных исторических особенностей развития России с долговременным доминированием внеэкономических форм принуждения здесь практически отсутствуют культура благосостояния, культура быта. Это отразилось (иногда продолжает отражаться) в познании к труду в стране, приводя к психологическому отчуждению русских от работы. Например:

«Мужик не живет богат, а живет горбат».

«От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь».

«С топора не богатеют, а горбатеют».

В сознании и мировоззрении китайского народа характеристики бедности и зажиточности проявляются, прежде всего, в состоянии одежды, еды, проживания и транспорта:

锦衣玉食 «Богатая одежда и изысканная пища — роскошная праздная жизнь».

炊金馔玉 «Пища из золота и самоцветов — роскошная жизнь».

丰衣足食 «Богатая одежда, обильная пища — благополучная жизнь».

掣襟露肘 «Потянешь за полу — видны локти».

衣衫褴褛 «Одет в лохмотья — бедность».

缺衣少食 «Недостаток еды и одежды — бедность».

食不果腹 «Не иметь достаточную пищу, чтобы быть сытым — бедность».

衣食无着 «Одежду и пищу взять негде — бедность».

饥寒交迫 «Жить в голоде и холоде — бедность».

家徒四壁 «В доме только четыре стены — бедность».

居无定所 «Без определённого места жительства».

肥马轻裘 «Сытая лошадь, легкая шуба — сытая, благополучная жизнь».

乘肥衣轻 «Ездить на откормленных лошадях [и одеваться в лёгкие одежды] — жить в роскоши».

А для русского народа через наличие или отсутствие одежды и хозяйства:

«Щеголь Матрешка: полтора рубля застежка».

«В доме у Макара кошка, комар да мошка».

Тайна русской души, по мнению кинорежиссера Н. Михалков, заключается в силе бескорыстия [\[13\]](#). Бескорыстие — значит отсутствие в подсознании и поведении РНЛ стремления к наживе и выгоде.

«Чем богаче человек, тем больше у него проблем, тем он хуже» — это мировоззрение русских людей к деньгам и богатству, что подтверждается следующими фразеологизмами:

«Лишние деньги — лишние заботы».

«Богатому не спится: богатый вора боится».

«Через золото слезы льются».

Известную роль и важность денег тоже знает русский человек, для которого характерно бесребреничество и бескорыстие:

«Богатство разум рождает».

«Были б денешки в кармане, будет и тетюшка в торгу».

«Золотой молоток и железные ворота отпирает».

Трудно сказать, что китайцы меркантильны, но в сравнении с русскими, это несомненно. Рассматривая доминирующие характеристики КНЛ, мы уже указали такие основные черты характера китайского человека, как «коммерциализация, коммерческая жилка, талант торговый» [\[19\]](#). С точки зрения самого китайского народа, 无商不奸, 无奸不商 «нет такого торговца, который бы не обманывал, не хитрый – не бизнесмен». Много китайских поговорок отражает, что китайский народ сосредоточен на поиске прибыли и выгоды, например, китайский человек часто говорит:

不做赔本的买卖 «Не заниматься убыточным бизнесом».

无利不起早 «Не вставать рано если нет наживы».

人为财死, 鸟为食亡 «Люди гибнут в погоне за богатством, птицы гибнут в погоне за пищей».

А русские пословицы на эту тему:

«Не с богатством жить, а с человеком».

«Не с деньгами жить, а с добрыми людьми».

Отмечается, что определенный интеллект, ум, навыки помогают торговать. Это находит свое отражение в ряде русских пословиц:

«Не бойся убытка, так придут барыши».

«Купить — то и внучек купить, а продать и дед намеется».

И РНЛ, и КНЛ свойственна запасливость, бережливость:

РНЛ:

«Деньга деньгу наживает».

«Копейками рубль крепок».

КНЛ:

细水长流 «Маленький ручей далеко течёт».

开源节流 «Изыскивать источники [доходов, средств] и сокращать их утечку (расходование)».

精打细算 «Тщательно подсчитывать».

省吃俭用 «Считать каждую копейку».

节衣缩食 «Экономить на одежде и пище».

开源节流 «Изыскивать источники [доходов, средств] и сокращать их утечку (расходование)».

Перейти от бережливости к расточительству легко, а трудно перейти от расточительства к бережливости:

«Чем накапливать золото, лучше накапливать зерно».

«Богатство начинается с бережливости».

«Дождь может идти весь день; человек может нуждаться всю жизнь».

«Трудолюбие — ценное дерево, бережливость — скатерть-самобранка».

В сознании русского народа экономия, бережливость способствуют предотвращению бедности:

«Скупость — не глупость».

«Сегодня пир горой, а завтра пошел с сумой».

Ни русской, ни китайской наций не поощряются такие черты характера, как расточительность, беспечность, мотовство, скупость и жадность:

КНЛ:

浮云富贵 «Богатство и почёт подобны уплывающим облакам».

见利思义 «При виде выгоды не забыть о принципе».

РНЛ:

«Глаза завидуши, руки загребуши».

«Скупой копит, а черт кошку тачает».

«У скупого что больше денег, то больше горя».

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на отрицательное отношение к жадности в китайском языке, для КНЛ характерна жадность, что уже отметили многочисленные исследователи китайские и зарубежные [\[19\]](#). С нашей точки зрения, жадный характер и отрицательное отношение к жадности не противопоставлены.

Рассел считает, что жадность — один из трех главных недостатков китайцев [\[1\]](#). «Могущественные бюрократы в Китае почти всегда использовали свою власть для

удовлетворения своего единственного желания — поиска больших денег. Именно такого рода жадность привела к тому, что китайцы превратились из сильных в слабых» [\[1, с. 12\]](#).

В китайском языке найдено много фразеологизмов, посвященных жадности, например:

得寸进尺 «Получив цунь, продвинуться на чи — жадничать».

东食西宿 «У одного питаться, у другого ночевать — быть ненасытно жадным».

封豕长蛇 «Крупный кабан и длинный удав — жадный хищник».

蛇欲吞象 «Змея мечтает проглотить слона — безмерная жадность».

吃着碗里的, 看着锅里的 «Недоев из своей миски, уже заглядывать в котел — крайняя жадность».

爱财如命 «Любить богатство пуще жизни».

羊狠狼贪 «Упрямый [как козёл] и жадный [как волк]».

贪得无厌 «Быть жадным, не зная удовлетворения».

欲壑难填 «Бездонную бочку не наполнишь».

得陇望蜀 «Овладев областью Лун (Ганьсу), зариться на Шу».

垂涎三尺 «Слюнки текут (потекли)».

Отношение к своей собственности для русского народа более внимательное, бережливое, свое всегда милее и дороже:

«Без хозяина дом сирота».

«От хозяйского глаза скотина жиреет».

«И мышь в свою норку тащит корку».

И лучше воздерживаться от посягательств и не злоупотреблять чужим добром:

«Чужое добро впрок нейдет».

«Чужое взять — свое потерять».

«Чужое береги — свое Бог даст».

Бедность и для русского, и для китайского — это большое горе и несчастье:

По КНЛ:

«У бедной семейной пары и дела плохо идут».

«Бедняк всегда терпит лишения».

«У бедняка много начальников, у нищего много колдобин на пути».

«У худой лошади шерсть длинная, у бедняка желания короткие».

«Бедного человека и собака обижает».

«С деньгами и черта заставишь работать, без денег никто тебя не слушает».

«Кто богат — тот и прав, кто беден — тот и виноват».

«К бедняку и на людном месте никто не завернет, у богатого и в горах окажутся родственники».

Для РНЛ же:

«Привяжется сума - откажется родня».

«Нужда свой закон пишет».

«В нужде и кулик соловьем свищет».

Что еще касается бедности, то ее русский человек с юмором принимает, ведь находчивость и изобретательность придут на помощь в любой ситуации:

«Бедному горе, а богатому вдвое».

«Бедность учит, а счастье портит».

«Хоть есть нечего, да зато жить весело».

В афоризмах с концептом «долги» находят отражение руководство по определению платежеспособности и благонадежности заемщика, настоящая «политэкономия».

В русском языке закрепляются:

«Голод мутит, а долг крушит».

«От долгов — хоть в воду».

«Займом богат не будешь. Долг не разжива».

Сравним с китайскими поговорками:

冤有头, 债有主 «За каждой обидой стоит обидчик, за каждым долгом стоит должник».

欠债还钱, 天经地义 «Отдавать долги — святая обязанность».

杀人偿命, 欠债还钱 «Убийство оплачивается жизнью, долг — деньгами».

好借好还, 再借不难 «Кто вовремя отдаёт долги, тому снова легко дадут займы».

Концепт «собственность» представляет собой сложную, многослойную лингвокультуру, которая интегрирует важные характеристики материальной культуры и доминирующие духовные ценности. Концепт «собственность» на фоне разной национальной культуры обладает большой познавательной ценностью. Во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского и китайского языков, посвященных концепту «собственность», находят отражения общечеловеческие и национально-типические культурологические особенности РНЛ и КНЛ.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В результате сопоставительного анализа русских и китайских фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «собственность» установлено, что фразеологических единиц, зафиксированных в русских словарях, меньше, чем китайских — 40 против 55.

Собственность является несомненной общечеловеческой ценностью. И РНЛ, и КНЛ отличаются такими духовными характеристиками, как запасливость, бережливость, экономия. Им не свойственны расточительность и мотовство. Но большие различия РНЛ и КНЛ в отношении к собственности существуют. Русская и китайская личности рассматривают такие доминирующие денежные ценности, как бедность, богатство, выгода, прибыль по-разному.

Русская нация уделяет особое внимание духу, эмоциям и внутреннему миру личности. Для русского народа забота о деньгах и материальном благополучии не характерна. Русский народ принимает бедность и богатство с юмором и добром.

Для китайской личности же большей важностью обладают жизненный прагматизм и деньги. В отличие от русской нации, которой присуща ценность бедности, КНЛ характеризуется сознанием богатства, жадностью, коммерческой жилкой и стремлением к выгоде, наживе.

На наш взгляд, исследование характеристики русской и китайской национальных личностей является перспективным не только в плане конкретизации денежных стереотипных представлений обеих национальных личностей, но и в собственно лингвокультурологическом отношении. Таким образом, требуют дальнейшего лингвокультурно-типологического описания системы доминирующих материальных и духовных ценностей РНЛ и КНЛ.

Библиография

1. Russell B. The Problem of China. London: G. Allen & Unwin Ltd., 1922.-56 с.
2. Абрамова Н.А. Китайский этнос: от традиции к современности. Чита: читГУ, 2006.- 110 с.
3. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности: на материале афористики. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2004.- 20 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008.-338 с.
5. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии. дисс. ...д-ра филол. н. Москва, 1996.-170 с.
6. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.-596 с.
7. Гурулева Т.Л. Речевой портрет китайской языковой личности. М.: ИТЦ, 2017.-157 с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. М.: Рус. кн., 1993.-49 с.
9. Е Лан, Чжу Лянчжи. Хрестоматия по культуре Китая. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 2011.-262 с.
10. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус.яз., 1998.-69 с.
11. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.-752 с.
12. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018.-192 с.
13. Летова А.Д. Лингвокультурологический концепт "Английская национальная личность" в сопоставительно-контрастивном описании афористики. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2004.-200 с.
14. Ли Лэйжун. Культура Китая. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков. 2015.-341 с. 李磊荣. 中国文化简明教程. 上海:上海外语教育出版社, 2015. 341.

15. Михельсон А.Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка. М.: Си ЭТС : Бука, 2008.-110 с.
16. Недосугова А.Б. Лингвокультурологическое описание национальной личности в русском и китайском языках. дисс. ...к. филол. н. Москва, 2003.-224 с.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 27-е изд., испр. М.: Оникс, 2011.-13751 с.
18. Рапопорт Н.В. Лингвокультурологический концепт "Французская национальная личность": На материале афористики. дисс. ...к. филол. н. Уфа, 1999.-226 с.
19. Сунь Сюйна, Чжан Чэнмин. О китайской национальной личности // Вопросы истории. 2023. № 12. С. 180-183.
20. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.-271 с.
21. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.-288 с.
22. Тишков А. Китайские народные поговорки, пословицы и выражения. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.-29 с.
23. Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь. М.: Восточная книга, 2009.-34 с.
24. Хао Цзинцзянь, Ли Цзин, Чжан Сюфан. Фразеологический словарь Синьхуа. Пекин: Коммерческое издательство. 2009.-121 с. 郝景江, 李靖, 张秀芳. 新华成语词典. 北京:商务出版社, 2009. 121.
25. Чжан Чэнжан. Характер, святой покровитель судьбы // Вестник Танду. 1996. № 1. С. 63-91. 张丞让. 性格, 命运的守护神. 唐都学刊, 1996. 63-91.
26. Ша Ляньсян. Китайский национальный характер. Пекин: Издательство Китайского университета Жэньминь. 2012.-7 с. 沙莲香. 中国民族性. 北京: 中国人民大学出版社, 2012. 7

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Язык поистине является системой, которая фиксирует и отражает ментальность, индивидуальность, т.н. национальное личностное начало. Анализ устойчивых форм языка позволяет выйти исследователям к некоей объективации граней культурологического порядка. Следовательно, работы в рамках указанной магистрали востребованы, необходимы, актуальны. Автор точно останавливается в своем труде на оценке русской и китайской национальной личности на примере фразеологизмов, пословиц и поговорок. Точно выбран и концепт – «это собственность». Работа дробится на т.н. смысловые блоки, это удобно для восприятия материала. Во вводной части отмечено, что «как составляющий компонент когнитивной совокупности национально-духовной культуры представление «собственность» находит свое отражение в системе фразеологических единиц, пословиц и поговорок, главное назначение которых - фиксировать ментальность и картину мира национальной личности. Актуальность темы исследования определяется активным развитием межкультурных связей, межличностного общения и гуманитарного обмена русского, китайского обществ, их интересом к вопросам национальной личности и лингвокультуры», «для решения поставленной проблемы применяются следующие методы исследования: метод

сплошной выборки материала из словарей русского и китайского языка, метод тематической классификации и систематизации языкового материала, метод лингвокультурологического комментария и сопоставительно-контрастивный метод», «в качестве материала исследования были использованы 40 русских фразеологизмов, пословиц и поговорок, 55 фразеологизмов, пословиц и поговорок китайского языка, отобранных методом направленной выборки из следующих словарей...» и т.д. Считаю задел вполне фундаментально выстроен, собственно это и дает основание исследователю двигаться планомерно далее в режиме строгой логики. Информационная составляющая работы объективна: например, «личность есть «человек как носитель каких-н. свойств, лицо». Национальная личность определяется как субъект национального языка и культуры, «обладающий культурно-языковой компетенцией». Описание проблем национальной личности занимает принципиальное место в лингвокультурологических исследованиях в связи с тем, что «личность может оказывать глубокое влияние на деятельность общества в целом». Изучение национальной личности представляется важным, необходимым, поскольку каждая нация обладает своей собственной логикой и духовными ценностями, которые могут быть поняты и оценены в контексте их уникальной «системы отсчета». Проведение исследования национальной личности в аспекте лингвокультурологии позволяет глубже и осознаннее понять сущность этого явления, рассматривая его, как бы изнутри самой личности». Ссылки / цитации даются с соответствии с требованиями издания; при этом они поддерживают и объективность разверстки мысли. Работа системна, уже имеющийся блок данных вводится в авторский текст с учетом значимости. Привлекает иллюстративная составляющая сочинения: «из-за уникальных исторических особенностей развития России с долговременным доминированием внеэкономических форм принуждения здесь практически отсутствуют культура благосостояния, культура быта. Это отразилось (иногда продолжает отражаться) в познании к труду в стране, приводя к психологическому отчуждению русских от работы. Например: «Мужик не живет богат, а живет горбат». «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». «С топора не богатеют, а горбатеют», или «В сознании и мировоззрении китайского народа характеристики бедности и зажиточности проявляются, прежде всего, в состоянии одежды, еды, проживания и транспорта: 锦衣玉食 «Богатая одежда и изысканная пища — роскошная праздная жизнь». 炊金馔玉 «Пища из золота и самоцветов — роскошная жизнь». 丰衣足食 «Богатая одежда, обильная пища — благополучная жизнь». 掣襟露肘 «Потянешь за полу — видны локти». 衣衫褴褛 «Одет в лохмотья — бедность». 缺衣少食 «Недостаток еды и одежды — бедность». 食不果腹 «Не иметь достаточную пищу, чтобы быть сытым — бедность». 衣食无着 «Одежду и пищу взять негде — бедность». 饥寒交迫 «Жить в голоде и холоде — бедность» и т.д. Анализ выбранного материала конструктивен, критичен: например, «необходимо подчеркнуть, что несмотря на отрицательное отношение к жадности в китайском языке, для КНЛ характерна жадность, что уже отметили многочисленные исследователи китайские и зарубежные. С нашей точки зрения, жадный характер и отрицательное отношение к жадности не противопоставлены». Работа имеет открыто практический характер, следовательно, материал можно использовать в вузовском образовании при освоении дисциплин лингвистического порядка. Считаю, что серьезных фактических ошибок в тексте нет, наличного объема достаточно для раскрытия темы; главное же цель исследования достигнута. Необходимый вывод представлен в следующем виде: «концепт «собственность» представляет собой сложную, многослойную лингвокультуру, которая интегрирует важные характеристики материальной культуры и доминирующие духовные ценности. Концепт «собственность» на фоне разной национальной культуры обладает большой познавательной ценностью. Во фразеологизмах, пословицах и поговорах

русского и китайского языков, посвященных концепту «собственность», находят отражения общечеловеческие и национально-типические культурологические особенности РНЛ и КНЛ», «в результате сопоставительного анализа русских и китайских фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «собственность» установлено, что фразеологических единиц, зафиксированных в русских словарях, меньше, чем китайских — 40 против 55. Собственность является несомненной общечеловеческой ценностью. И РНЛ, и КНЛ отличаются такими духовными характеристиками, как запасливость, бережливость, экономия. Им не свойственны расточительность и мотовство. Но большие различия РНЛ и КНЛ в отношении к собственности существуют. Русская и китайская личности рассматривают такие доминирующие денежные ценности, как бедность, богатство, выгода, прибыль по-разному. Русская нация уделяет особое внимание духу, эмоциям и внутреннему миру личности. Для русского народа забота о деньгах и материальном благополучии не характерна. Русский народ принимает бедность и богатство с юмором и добром» и т.д. Разночтений с основной частью нет; привлекает и момент, где автор ориентирует читателя на новые исследования в рамках тематически смежной области. Список источников объемён, формально верен. Рекомендую статью «Русская и китайская национальные личности: на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок с концептом «собственность» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дондик Л.Ю., Южанинова Е.В. Особенности перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский и немецкий языки // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70069 EDN: NJHNRN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70069

Особенности перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский и немецкий языки

Дондик Людмила Юрьевна

ORCID: 0000-0001-5955-5017

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет

622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ dondik2006@yandex.ru

Южанинова Елена Владимировна

ORCID: 0000-0001-7623-0214

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ elena-yuzh@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70069

EDN:

NJHNRN

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье являются общие черты и специфические особенности перевода фильмонимов хоррор-дискурса с английского на русский и немецкий языки. Объектом исследования стали оригинальные англоязычные и переводные русско- и немецкоязычные фильмонимы хоррор-дискурса. В работе нас

будут интересовать стратегии и приемы перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса, так как жанр фильмов ужаса является одним из самых популярных в настоящее время, и на английском языке выпускается большое количество кинолент. При переводе названий фильмов переводчик сталкивается с рядом сложностей и должен решать их, выбирая прием и стратегию перевода. Нередко перевод фильмонима сопровождается сдвигом его ведущей функции, либо изменением типа фильмонима по особенностям его восприятия зрителем. В работе применяются метод сплошной выборки, сопоставительный лингвистический анализ параллельных фильмонимов, а также количественные методы обработки данных. Материалом исследования послужила выборка, включающая 150 оригинальных англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса и варианты их перевода на русский и немецкий языки. Научная новизна исследования заключается в том, что особенности перевода фильмонимов изучаются в сопоставительном аспекте на примере русско- и немецкоязычного хоррор-дискурса на материале заголовков фильмов, вышедших на экраны за последние два десятилетия. Разрабатывается методика сопоставительного исследования особенностей перевода фильмонимов на разные языки. В результате анализа сделаны выводы о том, что для русскоязычных переводных фильмонимов хоррор-дискурса высокочастотной является стратегия доместикации; для немецкоязычных переводных фильмонимов значительно более характерно использование стратегии форенизации. Особенностью немецкого кинопроката выступает высокая частотность комбинирования двух стратегий перевода, когда первая форенизированная часть фильмонима сочетается с доместикацией во второй части кинозаголовка после знака тире. В силу того, что немецкие переводные фильмонимы меньше подвергаются трансформациям, для них менее характерен функциональный сдвиг по сравнению с переводными фильмонимами в российском кинопрокате. При переводе на русский язык предпочтение отдается фильмонимам тонального типа, что соответствует особенностями жанра хоррор.

Ключевые слова:

перевод, стратегия перевода, прием перевода, фильмоним, хоррор-дискурс, аудитория перевода, прагматический аспект перевода, доместикация, форенизация, адаптация

Объектом исследования в статье являются оригинальные англоязычные и переводные русско- и немецкоязычные фильмонимы хоррор-дискурса. Предметом исследования выступают общие черты и специфические особенности перевода фильмонимов хоррор-дискурса с английского на русский и немецкий языки.

Проблема перевода англоязычных фильмонимов является актуальной: на английском языке за последние несколько десятилетий выпущено большое количество кинофильмов, и многие из них были переведены на разные языки мира. При этом кинодискурс относится к гибриднему типу дискурса: он сочетает черты художественного и медийного дискурса ^[1]. Следовательно, перевод фильмонима осложняется его многофункциональностью и способностью участвовать в реализации различных коммуникативных стратегий, свойственных медиазаголовкам художественной речи, рекламным сообщениям ^[2]. Кроме того, при переводе фильмонима должны учитываться его прагматические характеристики – автосемантическая или синсемантическая, аттрактивный потенциал, то есть способность привлечь внимание потенциального зрителя ^[3].

Материалом исследования послужила выборка, включающая 150 оригинальных англоязычных фильмонимов и варианты их перевода на русский и немецкий языки. Выборка составлена на основе кинорејтингов, афиш кинотеатров, материалов тематических интернет-сайтов.

Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что особенности перевода фильмонимов изучаются в сопоставительном аспекте на примере русско- и немецкоязычного хоррор-дискурса на материале фильмов, вышедших на экраны за последние два десятилетия. Полученные результаты вносят определенный вклад в развитие теории перевода онимов. Уточняется классификация стратегий и приемов перевода фильмонимов, разрабатывается методика сопоставительного исследования особенностей перевода фильмонимов на разные языки.

Фильм, как произведение, оперирующее для передачи своего содержания единицами языка, может быть объектом лингвистического исследования [4]. Вслед за Е. А. Сухановой мы считаем, что фильм жанра хоррор обладает теми характерными чертами, которые позволяют отнести его к сфере хоррор-дискурса. Прежде всего, подобно другим произведениям этого типа дискурса, фильмы ужаса имеют своей целью вызвать у реципиента чувство саспинса, или тревожного ожидания, беспокойства [5].

По своим функциональным характеристикам фильмоним имеет черты медиазаголовка [6], поэтому, несмотря на ряд возникающих при переводе фильмонима трудностей, представляется значимым сохранить акцент на его основных функциях, заложенных в оригинале. При переводе необходимо учитывать не только структурные и семантические особенности оригинальных фильмонимов, но и то, как переводной заголовок будет воспринят принимающей культурой [7]. Для фильмонимов хоррор-дискурса это важно, так как явления, вызывающие страх у представителей одной нации, могут оставлять равнодушными носителей другой культуры [8].

Успех кинокартины среди иностранных зрителей в немалой степени зависит от выбора стратегии перевода фильмонима [10]. Под переводом, вслед за В. Н. Комиссаровым, мы понимаем вид языкового посредничества, при котором взаимодействуют не только разные языки, но и культуры [11]. Преследуя цель сохранить жанровые характеристики фильмонима и отсылки к сюжету, переводчики могут отдавать предпочтение прагматическим эквивалентам, то есть следовать стратегии доместикации [12]. Доместикация противопоставляется форенизации, предполагающей глобальную установку переводчика на сохранение в переводе специфических черт оригинала [13,14]. Переводчик также может комбинировать доместикацию и форенизацию, чтобы добиться перевода, который отвечал бы прагматическим задачам оригинала [15].

Проведенный сопоставительный анализ оригинальных англоязычных и переводных русскоязычных фильмонимов хоррор-дискурса показал, что в процессе перевода фильмонимов зачастую теряется «изюминка», заложенная авторами оригинального заголовка фильма из-за различий между языками и в связи с различными трудностями перевода, например, в случае использования в оригинальном фильмониме безэквивалентной лексики. Кроме того, при переводе может изменяться функциональный тип фильмонима, его синтаксическая, морфологическая, семантическая структура. Было установлено, что стратегия доместикации при переводе англоязычных фильмонимов на русский язык используется в 85% случаев; форенизация выявлена в 15% примеров выборки. При переводе, основанном на форенизации, применяются такие приемы

перевода фильмонима, как транскрибирование (73%) и транслитерация (23%).

При этом в 5% примеров выборки произошел сдвиг функции фильмонима. Так, оригинальный сигнальный фильмоним *Jeepers Creepers* был переведен на русский язык при помощи транскрипции как Джиперс Криперс. Переводной фильмоним утратил сигнальную функцию и стал информативным, отражающим имя главного героя. В оригинале используется фонетическая и словообразовательная игра: в первом компоненте имени отражена тема дороги, которая прослеживается в сюжете фильма (*Jeepers* – от «Jeep»), а во втором – принадлежность этого существа не к человеческому роду (*Creepers* – от «creepers», что может указывать на рептилию). На наш взгляд, в данном случае выбор приема оправдан, так как сложно перевести фильмоним так, чтобы сохранить функцию оригинала, и чтоб он оставался благозвучным.

Оригинальный англоязычный фильмоним *Hostel* переведен на русский язык как Хостел. Переводной эквивалент представляет собой англицизм, который знаком носителям русского языка. Он обозначает небольшую недорогую гостиницу, но также отражает черты иностранной культуры, так как явление пришло в Россию с Запада.

Примерами использования транслитерации служат фильмонимы *Oculus* и *Poltergeist*. В данном случае именно графический состав слов был воспроизведен при помощи русского алфавита при переводе – Окулус и Полтергейст.

Другим примером стратегии форенизации выступает фильмоним *Doom*. Для российского кинопроката было принято решение сохранить иностранное название, чтобы показать связь кинокартины с серией видеоигр *Doom* и привлечь к просмотру ее многочисленных фанатов. Форенизированный фильмоним получился более аттрактивным, чем буквальный перевод лексемы «doom» на русский язык (рок/судьба/гибель). Такой вариант адаптации фильмонима не разрушает отсылку к названию игры.

В 42 % примеров в рамках стратегии доместикации переводчики использовали дословный перевод, серьезно не меняя структуру фильмонима. В 58 % случаев при переводе использовались различного рода трансформации, а именно: добавление лексических единиц (13%), их опущение (8%), перемещение единиц языка (3%), описательный перевод (2%), целостное преобразование (0,5%), комплексная замена (10%), контекстуальная замена (5%) и различного рода лексико-семантические замены (16,5%).

Сопоставительный анализ оригинальных англоязычных и переводных русскоязычных фильмонимов хоррор-дискурса показал, что основная функция оригинального фильмонима при переводе может отходить на второй план или утрачиваться совсем (10%). В отдельных случаях использование приемов, которые меняют восприятие фильмонима и смещают акцент с функции оригинального онима, неизбежно. В других случаях черты оригинального фильмонима могут быть сохранены за счет использования альтернативного приема перевода в рамках стратегии доместикации.

Примером использования приема добавления лексических единиц, которое привело к функциональному сдвигу, служит фильмоним *The Number 23*. При переводе он утратил свое интригующее назначение в русском варианте перевода. Фильмоним «Роковое число 23» стал в большей мере тональным, уже готовящим зрителя к тому, что данное число будет недобрым знаком для персонажа кинокартины. Оригинальный фильмоним *Shutter* (досл. «затвор») был переведен при помощи комплексной замены – «Фантомы». Таким образом, переводчик изменил акцент, сделанный в оригинальном заголовке на сигнальной функции, в сторону информативной, заранее сообщив, что в проблемах

главных героев будут виноваты потусторонние существа.

Тип фильмонима по особенностям восприятия при использовании доместикации изменился лишь в 6% примеров перевода с английского на русский язык. Пояснение появляется, например, при использовании приема добавления лексических единиц в переводе фильмонима *The Meg* (рус. – Мег: монстр глубины). Оригинальный заголовок не указывал на то, где будет происходить действие кинокартины, однако был сигнальным, интригующим за счет постановки перед именем собственным определенного артикля, наводящего на мысль о том, что существо по имени Мег есть нечто страшное. Для русскоязычного переводчика английский артикль – лакуна, поэтому переводной фильмоним дополнен предикатом как следствие использования приема добавления лексических единиц и перешел в категорию заголовков информативного типа.

В целом, для русского кинопроката следует отметить более частотное использование стратегии доместикации. Стратегия форенизации применяется достаточно редко. При следовании стратегии доместикации фильмонимы в большей степени оказываются подвержены переводческим трансформациям. Они могут требовать помещения в малый контекст (указания жанра или соответствующего постера), либо, утратить интригу, передаваемую при помощи контекста, например, при использовании конкретизации или добавления лексических единиц.

Проведенный сопоставительный анализ оригинальных англоязычных и переводных немецкоязычных фильмонимов хоррор-дискурса, представленных в кинопрокате Германии, показал, что при переводе англоязычных фильмонимов на немецкий язык также используются различные стратегии перевода. Чаще всего используется стратегия форенизации (61%). Значительно менее частотна стратегия доместикации (19%). Кроме того, в 20% примеров перевода фильмонимов на немецкий язык выявлено применение комбинации двух стратегий перевода.

Как и в русскоязычных переводах фильмонимов, стратегия форенизации проявляется в использовании транскрибирования и транслитерации. Но также значительное количество переводных названий фильмов ужасов (92% кинозаголовков в рамках стратегии форенизации) в немецком прокате просто повторяют оригинальный англоязычный фильмоним. Очевидно, предполагается, что англоязычный фильмоним сам по себе будет понятен немецкоязычному массовому зрителю. Такие фильмонимы, как *The Messenger*, *The Others*, *Lights Out*, *Insidious* или *Get Out* полностью повторяют оригинальное англоязычное название. При графическом воспроизведении оригинального фильмонима редко используются переводческие трансформации: добавление лексических единиц обнаружено в 7% примеров выборки, опущение лексем – в 3% случаев. Транскрибирование при переводе названий кинофильмов данной выборки на немецкий язык использовалось достаточно редко (1%).

Особенностью, характерной для адаптации англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса для немецкого кинопроката, оказалось то, что приемы добавления и опущения лексических единиц, свидетельствующие об использовании доместикации, комбинируются с использованием стратегии форенизации. Например, оригинальные англоязычные заголовки *Annabelle Comes Home* и *Annabelle: Creation* подверглись приему опущения лексических единиц, но при этом не были переведены на немецкий язык: *Annabelle 3* и *Annabelle 2*. Интересным является пример *Texas Chainsaw 3D – The Legend Is Back* (нем.), где к оригинальному фильмониму *Texas Chainsaw 3D* была добавлена часть на языке оригинала.

Также в афишах кинотеатров Германии можно увидеть фильмоним, первая часть которого содержит оригинальный заголовок фильма на английском языке, а вторая его часть, через тире, содержит перевод, пояснение, либо дополнение к оригинальному названию на немецком. Например: *The Fog – Nebel des Grauens* (оригинал: *The Fog*). Такой способ перевода можно расценивать как комбинацию двух стратегий перевода: к нему прибегают, если понимание англоязычного фильмонима требует более высокого уровня владения английским языком. К такой технике перевода фильмонимов, построенной на комбинации форенизации и доместикации, могут быть отнесены 20% примеров немецкоязычного корпуса выборки исследования. Добавленная переводная часть следует за оригинальной частью фильмонима на английском языке, выступая в роли некоего уточнения на немецком языке. При использовании данной стратегии изменилась ведущая функция фильмонима в 26% примеров выборки.

Например, использование приема добавления лексических единиц отмечено при переводе фильмонима *The Shallows – Gefahr aus der Tiefe* (оригинал – *The Shallows*). Здесь сигнальная функция оригинала уступает место тональной функции переводного заголовка, так как последний – за счет пояснения после тире – вызывает у зрителя более определенные эмоции (тревогу, страх), чем оригинальный заголовок.

В переводном фильмониме *Take Shelter – Ein Sturm zieht wahre Geschichte* (англ. – *Take Shelter*) дополнительные лексические единицы дают больше сведений о сюжете картины, что делает фильмоним более информативным по сравнению с оригинальным кинозаголовком тонального типа.

В некоторых случаях дополнительные лексемы добавляются для пояснения английского слова, которое, как предполагается, мало известно массовой немецкой публике. Например, это объясняет необходимость использования добавления в названии фильма *Orphan: Das Waisenkind* (англ. – *Orphan*). Это добавление не влияет на функционал фильмонима, но выступает в качестве своеобразной сноски при переводе. Подобные гибридные варианты перевода фильмонимов восходят, на наш взгляд, к типичному для немецкого языка словообразовательному явлению, при котором первый компонент производного слова заимствован из английского, а второй – немецкий. Стоит отметить, что словосложение, в принципе, выступает наиболее продуктивным способом словообразования в немецком языке, что объясняет причины возникновения и аналогичного способа образования словосочетаний, применяемого при переводе кинозаголовков.

Иногда в результате использования приема добавления лексических единиц фильмоним дополняется пояснением, но содержащим уже не перевод на немецкий язык, а именно дополнительную информацию, уточняющую название. Например, фильмоним *The Amityville Horror – Eine wahre Geschichte* (англ. – *The Amityville Horror*) сообщает, что события, разворачивающиеся в сюжете кинокартины, когда-то происходили в реальности.

Всего в рамках такой техники перевода, предполагающей комбинацию двух стратегий перевода за счет использования двучленного переводного онима с тире, зафиксировано применение приема опущения лексических единиц в 7% примеров выборки, приема модуляции в 3% случаев и дословный перевод части заголовка на немецкий язык в 7% примеров выборки.

К случаям использования стратегии доместикации (без комбинирования ее с элементами форенизации) были отнесены 19% примеров немецкоязычного корпуса выборки. При

этом акцент отмечается функциональный сдвиг у 10% переводных фильмонимов. В ходе реализации данной стратегии применяются различного рода замены (18%), добавления (7%), антонимический перевод (2%) и генерализация (2%). Значительно более частотным на этом фоне представляется дословный перевод (71 %), примерами которого могут быть фильмонимы *Der Exorzismus von Emily Rose* (англ. – *The Exorcism of Emily Rose*), *28 Tage später* (англ. – *28 Days Later...*) или *Der letzte Exorzismus* (англ. – *The Last Exorcism*). Данные названия не содержат ни игры слов, ни реалий, ни других трудных для перевода явлений. Поэтому дословный перевод в этих случаях оправдан и способствует адекватной передаче прагматики оригинального англоязычного фильмонима.

Количественный анализ показал, что при доместикации в 10% случаев в процессе перевода произошла смена основной функции кинозаголовка, в 3% изменился семантический тип фильмонима. Так, сместился акцент с одной функции на другую при передаче средствами немецкого языка фильмонима *The Skeleton Key* (досл. «универсальный ключ от всех дверей дома»). Оригинал не только называет свойство ключа, но и вызывает ассоциацию со скелетом человека, создавая атмосферу ожидания зловещего. Но передача игры слов и многозначности представляет трудность, для преодоления которой переводчик использовал прием генерализации: *Der verbotene Schlüssel* (досл. «Запрещенный ключ»). При этом акцент сместился с тональной функции на сигнальную.

Особое внимание привлекает фильмоним *Zimmer 1408* (оригинал – 1408). Добавление лексической единицы изменило семантическую категорию, к которой отсылает заголовок: переводной фильмоним стал указывать на место действия (номер в отеле). Добавление лексической единицы сделало немецкий фильмоним автосемантическим: в оригинале на постере фильма был изображен ключ с номером данной комнаты, что вовлекало потенциального зрителя в размышления и построение предположений о том, с чем будет связан сюжет фильма. Переводной заголовок стал более информативным по сравнению с оригинальным фильмонимом сигнального типа. Подобный функциональный сдвиг, безусловно, в значительной степени влияет на прагматический потенциал фильмонима, на восприятие его массовой аудиторией.

При переводе фильмонима *Das Haus der geheimnisvollen Uhren* (ориг. – *The House with a Clock in Its Walls*) было использовано целостное преобразование, и благодаря добавлению эпитета тональная функция заголовка получила более яркое выражение.

Среди фильмонимов, которые существенно не изменили свои характеристики в процессе перевода в рамках стратегии доместикации, можно назвать *Die Frauen von Stepford* (англ. – *The Stepford Wives*), который подвергся приему перемещения лексических единиц, и лишь грамматические отношения, выражающие падеж, отражены в данном случае разными способами.

Более существенные изменения претерпел фильмоним *What Lies Beneath*, который был передан на немецком языке при помощи антонимического перевода: *Schatten der Wahrheit*. Переводной фильмоним больше нацелен на реализацию интригующей функции и задает тон ожидания чего-то потустороннего.

При помощи полной комплексной замены оригинальный фильмоним *Bless the Child* был переведен на немецкий язык как *Die Prophezeiung* (Пророчество/Предсказание). У переводного заголовка менее выражена сигнальная функция, он стал более информативным, так как отражает основную сюжетную линию фильма, показывая, что

способности одной из главных героинь фильма – маленькой девочки интересовали группу сектантов еще до ее рождения, информацию о которой они получили в результате пророчества при помощи некоторого мистического знака.

Итак, можно сделать вывод, что для немецкоязычных переводных фильмонимов значительно более характерно использование стратегии форенизации. Доместикация применяется достаточно редко. Особенностью немецкого кинопроката выступает также более высокая частотность комбинирования двух стратегий перевода, когда первая форенизированная часть фильмонима сочетается с доместикацией во второй части кинозаголовка после знака тире.

В силу того, что немецкие переводные фильмонимы меньше подвергаются трансформациям, для них менее характерен функциональный сдвиг, при котором происходит смещение акцента с функции, которая в оригинальном названии прослеживалась наиболее ярко, на другую. При этом часть тональных фильмонимов становится сигнальными, часть сигнальных – тональными, поэтому процентное соотношение фильмонимов разного функционального типа в итоге выравнивается (табл. 1). Обращает на себя внимание предпочтение, которое отдается фильмонам тонального типа при переводе на русский язык, что объясняется особенностями жанра хоррор. Кроме того, при переводе на немецкий язык в целом функция фильмонима меняется реже, чем при переводе на немецкий язык.

Таблица 1

Функциональные типы оригинальных и переводных фильмонимов хоррор-дискурса

Функциональный тип	Оригинальные англоязычные фильмонимы	Переводные фильмонимы на русском языке	Переводные фильмонимы на немецком языке
Информативные фильмонимы	17%	16%	18%
Сигнальные фильмонимы	32%	28%	30%
Тональные фильмонимы	51%	56%	52%
Всего:	100%	100 %	100 %

Схожая ситуация наблюдается в плане изменения семантических особенностей фильмонимов хоррор-дискурса при переводе на русский и немецкий языки (табл. 2).

Таблица 2

Типы оригинальных и переводных фильмонимов хоррор-дискурса по особенностям восприятия

Семантическая особенность	Оригинальные англоязычные фильмонимы	Переводные фильмонимы на русском языке	Переводные фильмонимы на немецком языке
Автосемантические	57%	61%	47%
Синсемантические	2%	4,5%	20%
Заголовки, требующие помещения в малый контекст (указание	41%	34,5%	33%

жанра, постер)			
Всего:	100%	100%	100%

При использовании стратегии форенизации при переводе на немецкий язык, значительно реже переводчики прибегают к транскрибированию и транслитерацию, тогда как в российском кинопрокате они являются самыми частотными приемами перевода, способными передать иностранный колорит.

Следует отметить, что во всей выборки фильмонимов обнаружено некоторое количество совпадений по выбору стратегии перевода англоязычного фильмонима на два языка. Однако во многих случаях для адаптации кинозаголовка в рамках стратегии доместикации не совпадали приемы перевода, которым отдавали предпочтение переводчики. Например, оригинальный фильмоним *Zombieland* был переведен на русский язык при помощи приема добавления лексических единиц и транскрипции с сохранением английской буквы Z в начале слова как «Добро пожаловать в Зомбилэнд». Языковая игра придала названию более яркий вид, вызывающий ассоциацию с парком развлечений, чтобы показать связь сюжета картины с событиями этого фильм ужасов с элементами комедийного жанра. В немецком кинопрокате использовано форенизированное название, графически повторяющее буквенный состав оригинального фильмонима *Zombieland*.

Оригинальный фильмоним *Venom* в рамках форенизации переведен на русский язык при помощи транскрипции как *Веном*, а вот в немецком кинопрокате вновь видим англоязычный оригинал без каких-либо изменений – *Venom*.

Комбинация двух стратегий часто применяется немецкими переводчиками на основе приема добавления лексических единиц для пояснения названия или расширения, а иногда сужения его значения. В русском языке прием добавления лексических единиц также довольно часто используется в аналогичных целях, но в рамках использования стратегии доместикации. Например, оригинальный фильмоним *Red Riding Hood* при переводе на немецкий был расширен за счет комбинирования двух стратегий до *Red Riding Hood – Unter dem Wolfsmond*. В русском языке он был переведен при помощи генерализации как *Красная шапочка*. В некоторых случаях при переводе на русский язык прием добавления лексических единиц используется не для пояснения значения слова, а для передачи зрителю более подробной информации о сюжете. Например, *Constantine* – Константин: Повелитель тьмы, *Evil Dead* – Зловещие мертвецы: Черная книга. Хотя функция пояснения также реализуется: *Hellboy* – Хеллбой: Герой из пекла. В данном случае вторая часть помогает понять значение неологизма.

Для пояснения названия, которое может вызвать трудности в понимании у немецкоговорящей аудитории, фильмоним *Hide and Seek* был расширен до *Hide and Seek – Du kannst dich nicht verstecken*. В данном случае вторая часть содержит угрозу, создавая зловещую атмосферу и, в то же время, подчеркивает значение первой части названия оригинала, резюмирует ее. Даже если кинозритель не знает перевода, он догадается, что речь идет об игре в прятки. В русском кинопрокате проявляется тенденция к доместикации фильмонимов: перевод построен на использовании приема целостного преобразования – *Игра в прятки*. Несмотря на переводческую трансформацию сохраняется как преобладающая сигнальная функция фильмонима.

В немецком языке прием модуляции используется довольно редко. Обнаружено небольшое количество примеров, в числе которых – *Zombieland: Doppelt hält besser*. Комбинируя две стратегии, переводчики видоизменили вторую часть оригинального

заголовка *Zombieland: Double Tap* так, что она понятна массовой немецкоязычной аудитории и не противоречит оригиналу. При переводе на русский язык также использована контекстуальная замена – *Зомбилэнд: Контрольный выстрел*. В целом, данный прием более характерен для перевода фильмонимов хоррор-дискурса на русский язык. Фильмонимы *Синяя Бездна* (*47 Meters Down*), *Теликинез* (*Carrie*), *Дитя тьмы* (*Orphan*), *Кукла* (*The Boy*) иллюстрируют то, насколько кардинально может меняться при переводе на русский язык название кинокартины. В немецком языке комплексные замены встречаются гораздо более редко: *Unbekannter Anrufer* (*When a Stranger Calls*), *Die Prophezeiung* (*Bless the Child*).

Генерализация и конкретизация также нечасто используется при переводе фильмонимов хоррор-дискурса на немецкий язык: заголовок *The Skeleton Key* передан на немецком языке как *Der verbotene Schlüssel*. При переводе на русский язык лексико-семантические замены встречаются чаще, прежде всего речь идет о конкретизации. Как правило, использование такого приема перевода, как конкретизация сопровождается изменением основной функции фильмонима: *Птичий короб* (*Bird Box*), *Заклятие* (*The Conjuring*), *Последнее изгнание дьявола* (*The Last Exorcism*). Во всех приведенных примерах переводной фильмоним стал в меньшей степени тональным по сравнению с оригиналом и в большей степени информативным.

Описательный и антонимический приемы перевода, а также прием перемещения относятся к низкочастотным трансформациям при переводе англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский язык. При переводе на немецкий язык процент еще ниже. Прием опущения используется чаще, особенно при переводе фильмонимов на русский язык. При этом переводчики стараются исключить из фильмонима детали, которые не делают его более эффективным, емким и запоминающимся: *Дракула* (*Dracula Untold*), *Укрытие* (*Take Shelter*), *Человек-мотылек* (*The Mothman Prophecies*). В некоторых случаях к опущению прибегают, чтобы исключить из названия перегружающие его детали, малознакомые аудитории перевода, например, в фильмониме *Hansel & Gretel: Witch Hunters* (*Охотники на ведьм*) была опущена первая часть с именами собственными, потому что русский кинозритель плохо знаком с этими персонажами. В немецком языке, где эти персонажи хорошо знакомы всем, название переведено в рамках форенизации: *Hänsel und Gretel: Hexenjäger*.

Итак, изучив особенности перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский и немецкий языки, следует отметить, что, если для перевода на немецкий язык более характерно применение стратегии форенизации, а доместикацию используют значительно реже, то при переводе на русский язык ситуация противоположная: в подавляющем большинстве случаев используется доместикация, и лишь изредка – форенизация. Выявленное различие, вероятно, объясняется значительным количеством в современном немецком языке англоязычных заимствований, понятных немецкому зрителю. Кроме того, многие носители немецкого языка владеют английским языком, и аналогичным запасом английской лексики обладает лишь часть массовой русскоязычной аудитории, поэтому, как правило, предпочтение отдается иной стратегии.

Библиография

1. Gaut B. *A Philosophy of Cinematic Art*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
2. Дондик Л. Ю. Коммуникативные стратегии в фильмонимах российского и французского кинодискурса // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2021. № 1. С. 35-45.
3. Горшкова В. Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-

- смысла // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 37-48.
4. Федотова И. П. Структура лингвистической системы фильма // Вестник ННГУ. 2016. № 3. С. 37-48.
 5. Суханова Е. А. Проблемы таксономии и характерные черты horror-дискурса // Вестник ОГУ. 2016. № 1. С. 64-70.
 6. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского ун-та. Серия 10: «Журналистика». 2005. № 2. С. 7-15.
 7. Дондик Л.Ю. Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 37-50. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69490 EDN: INCSCW URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_69490.html (дата обращения: 10.02.2024).
 8. Суханова Е. А. Типология и характерные черты хоррор-дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3(6). С. 139-142.
 9. Дондик Л. Ю. Сопоставительное исследование стратегий перевода авторских неологизмов в романе фэнтези // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. № 4(5). С. 46-57.
 10. Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. 172 с.
 11. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
 12. Калегина Т. Е. Особенности перевода названий фильмов Голливуда с английского на немецкий и русский языки // Казанский лингвистический журнал. № 3. 2019. С. 30-57.
 13. Seruya T. Rereading Schleiermacher : Translation, Cognition and Culture. London, New-York: Springer, 2016. 303 p.
 14. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York : Routledge, 2004. 353 p.
 15. Yang W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation // Journal of Language Teaching and Research. 2010. № 1. P. 77-80. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.472.1452&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 22.01.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы перевода остаются актуальными гранями научных познаний. При этом особую роль играет еще и методическая составляющая, которая, так или иначе, имеет практическую значимость. Как отмечает в начале своего труда автор, «проблема перевода англоязычных фильмонимов является актуальной: на английском языке за последние несколько десятилетий выпущено большое количество кинофильмов, и многие из них были переведены на разные языки мира. При этом кинодискурс относится к гибриднему типу дискурса: он сочетает черты художественного и медийного дискурса. Следовательно, перевод фильмонима осложняется его многофункциональностью и способностью участвовать в реализации различных коммуникативных стратегий, свойственных медиазаголовкам художественной речи, рекламным сообщениям...».

Заданный вектор раскрывается в работе продуктивно и концептуально. Не исключается в работе синтетическая грань теоретического порядка и, как было отмечено, практического. Основным объектом исследования в рецензируемой работе «являются оригинальные англоязычные и переводные русско- и немецкоязычные фильмонимы хоррор-дискурса. Предметом исследования выступают общие черты и специфические особенности перевода фильмонимов хоррор-дискурса с английского на русский и немецкий языки». Собственно этот фактор и определяет новизну статьи, а также ее актуальность. Материалом данного исследования послужила выборка, включающая 150 оригинальных англоязычных фильмонимов и варианты их перевода на русский и немецкий языки. Выборка составлена на основе кинорејтингов, афиш кинотеатров, материалов тематических интернет-сайтов. Диалог с уже существующими позициями прозрачен, намеченная параллель выверена: «фильм, как произведение, оперирующее для передачи своего содержания единицами языка, может быть объектом лингвистического исследования. Вслед за Е. А. Сухановой мы считаем, что фильм жанра хоррор обладает теми характерными чертами, которые позволяют отнести его к сфере хоррор-дискурса. Прежде всего, подобно другим произведениям этого типа дискурса, фильмы ужаса имеют своей целью вызвать у реципиента чувство саспенса, или тревожного ожидания, беспокойства...». Считаю, что материал выстроен в соответствии с жанром научного сочинения, серьезных фактических нарушений не выявлено. Суждения по ходу работы объективны: например, «проведенный сопоставительный анализ оригинальных англоязычных и переводных русскоязычных фильмонимов хоррор-дискурса показал, что в процессе перевода фильмонимов зачастую теряется «изюминка», заложенная авторами оригинального заголовка фильма из-за различий между языками и в связи с различными трудностями перевода, например, в случае использования в оригинальном фильмониме безэквивалентной лексики. Кроме того, при переводе может изменяться функциональный тип фильмонима, его синтаксическая, морфологическая, семантическая структура». Выбранный для анализа материал также актуален, общеоткрытый ракурс сейчас, несомненно, приветствуется: «примерами использования транслитерации служат фильмонимы *Oculus* и *Poltergeist*. В данном случае именно графический состав слов был воспроизведен при помощи русского алфавита при переводе – Окулус и Полтергейст. Другим примером стратегии форенизации выступает фильмоним *Doom*. Для российского кинопроката было принято решение сохранить иностранное название, чтобы показать связь кинокартины с серией видеоигр *Doom* и привлечь к просмотру ее многочисленных фанатов. Форенизированный фильмоним получился более аттрактивным, чем буквальный перевод лексемы «doom» на русский язык (рок/судьба/гибель). Такой вариант адаптации фильмонима не разрушает отсылку к названию игры», или «особое внимание привлекает фильмоним *Zimmer 1408* (оригинал – 1408). Добавление лексической единицы изменило семантическую категорию, к которой отсылает заголовок: переводной фильмоним стал указывать на место действия (номер в отеле). Добавление лексической единицы сделало немецкий фильмоним автосемантическим: в оригинале на постере фильма был изображен ключ с номером данной комнаты, что вовлекало потенциального зрителя в размышления и построение предположений о том, с чем будет связан сюжет фильма. Переводной заголовок стал более информативным по сравнению с оригинальным фильмонимом сигнального типа. Подобный функциональный сдвиг, безусловно, в значительной степени влияет на прагматический потенциал фильмонима, на восприятие его массовой аудиторией» и т.д. Не исключает автор работы введение т.н. промежуточных выводов: «Итак, можно сделать вывод, что для немецкоязычных переводных фильмонимов значительно более характерно использование стратегии форенизации. Доместикация применяется достаточно редко. Особенностью немецкого кинопроката выступает также

более высокая частотность комбинирования двух стратегий перевода, когда первая форенизированная часть фильмонима сочетается с доместикацией во второй части кинозаголовка после знака тире». Они позволяют поддерживать внутреннюю логику научного повествования. Обобщая наработки автор сводит все в табличный вид, системная организация вполне уместна: Таблица 1 – «Функциональные типы оригинальных и переводных фильмонимов хоррор-дискурса», Таблица 2 – в «Типы оригинальных и переводных фильмонимов хоррор-дискурса по особенностям восприятия»... Выводы по тексту созвучны с основным блоком. В частности, в финале отмечено, что «изучив особенности перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский и немецкий языки, следует отметить, что, если для перевода на немецкий язык более характерно применение стратегии форенизации, а доместикацию используют значительно реже, то при переводе на русский язык ситуация противоположная: в подавляющем большинстве случаев используется доместикация, и лишь изредка – форенизация. Выявленное различие, вероятно, объясняется значительным количеством в современном немецком языке англоязычных заимствований, понятных немецкому зрителю. Кроме того, многие носители немецкого языка владеют английским языком, и аналогичным запасом английской лексики обладает лишь часть массовой русскоязычной аудитории, поэтому, как правило, предпочтение отдается иной стратегии». На мой взгляд, цель работы достигнута, поставленный спектр задач решен; основные требования издания учтены. Рекомендую рецензируемую статью «Особенности перевода англоязычных фильмонимов хоррор-дискурса на русский и немецкий языки» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Божанова К.С. Синтаксические характеристики художественных текстов XIX века в аспекте межъязыковой передачи // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70143 EDN: NCEQOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70143

Синтаксические характеристики художественных текстов XIX века в аспекте межъязыковой передачи

Божанова Ксения Сергеевна

аспирант, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет

119571, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 88

✉ ks.bozhanova@mpgu.su

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70143

EDN:

NCEQOR

Дата направления статьи в редакцию:

16-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является выявление синтаксических характеристик, образующих особенности синтаксиса художественных произведений русской литературы XIX века. В ходе исследования были установлены сходства и различия синтаксических единиц оригиналов и переводов романов «Анна Каренина» и «Бедные люди», а также проанализирована национальная специфика их структурно-грамматической и функционально-семантической организации. Цель исследования заключается в выявлении синтаксических характеристик, образующих особенности синтаксиса художественных произведений русской литературы XIX века. Для достижения данной цели был проведен сопоставительный анализ оригинала романов Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и их переводов на английский язык, выполненных К. Гранетт в 1901 году и С.Д. Хогартом в 1867 году соответственно. Сопоставительный метод позволил установить сходства и различия синтаксических конструкций в оригиналах романов «Анна Каренина», «Бедные люди» и их переводах. Метод лингвистического анализа позволяет выявить синтаксические конструкции и языковые единицы, характерные для художественных текстов XIX века.

Посредством метода контекстуального анализа осуществляется анализ зависимости значения этих единиц от контекста. В рамках исследования были установлены сходства и различия синтаксических единиц оригиналов и переводов названных художественных текстов, а также проанализирована национальная специфика их структурно-грамматической и функционально-семантической организации. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка системного описания синтаксических особенностей на материале текстов произведений XIX века, написанных разными авторами. Результаты и материалы исследования могут быть использованы при подготовке специалистов в области перевода, в преподавании лингвистических дисциплин, а также при разработке теоретических материалов по теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, синтаксису, стилистике и лингвокультурологии. При сопоставлении оригиналов и переводов романов были выявлены случаи, когда эмоциональный акцент, заложенный автором, смещается или теряется в англоязычном тексте. Одной из причин является несовпадение грамматических норм и структур русского и английского языков.

Ключевые слова:

синтаксические характеристики, перевод, переводческие приемы, языковой повтор, парцелляция, структурная незавершенность, усечение, простые предложения, сложные предложения, сопоставительный анализ

Введение

Основу перевода художественного текста составляет передача всех компонентов содержания оригинала, которые выражаются с помощью языковых средств и образуют систему знаков, функционирующую по своим собственным законам и правилам в рамках конкретного текста. Сохранение в переводном тексте синтаксических конструкций, формирующих смысл и язык произведений, важно для функционирования стилистических особенностей текста оригинала в иноязычном пространстве. Ключевой задачей синтаксиса в художественном тексте является «передача чувств и мыслей персонажа, иронии, а также отношения автора к героям и событиям» [\[20, с. 245\]](#). В своем исследовании Р.К. Миньяр-Белоручев отмечает, что в «литературном тексте необходимо сохранить не только смысл, но и структуру... а переводчик должен быть мастером слова, глубоко вникающим в стилистические тонкости каждого писателя» [\[16, с. 29\]](#).

По мнению Е.А. Иванчиковой «синтаксис является необходимой организующей частью структуры художественного текста, в нем писательский почерк отражается наиболее непосредственно и «зримо» ...» [\[8, с. 3\]](#). Как и в большинстве художественных текстов в исследуемых романах синтаксические средства и определенные синтаксические конструкции часто используются для формирования экспрессивной составляющей контекста. В рамках данной работы рассмотрим синтаксические единицы, присущие романам Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф.М. Достоевского «Бедные люди», и проанализируем способы передачи на английский язык типов синтаксических конструкций, являющихся наиболее частотными для названных художественных текстов.

Работая с переводом синтаксических конструкций переводчик должен учитывать разницу между грамматическим строем русского языка и английского языка, что обуславливает необходимость использования переводческих трансформаций. К основным переводческим трансформациям, используемым при работе синтаксическими

конструкциями, исследователи [2, с. 17] относят членение / объединение предложений, грамматические замены, синтаксическое уподобление.

Выявим наиболее частотные синтаксические конструкции в текстах оригиналов романов и рассмотрим способы их передачи и сохранения в ходе межъязыковой передачи.

Одним из синтаксических средств организации текста и предоставления языкового материала в анализируемых произведениях является повтор. Существует большое количество видов повторов, но в романах «Анна Каренина» и «Бедные люди» самым распространенным является лексический. В лингвистике лексический вид повтора характеризуется полифункциональностью и обладает широким диапазоном смысловых возможностей. По мнению И.В. Арнольд, лексический повтор – это «фигура речи, которая заключается в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, то есть достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить» [1, с. 244]. А.А. Потебня утверждает, что лексический повтор – это «продолжительность насыщенности свойств, масса вещей» [19, с. 441], который помогает акцентировать внимание на слове или словосочетании для привлечения внимания читателя к важному фрагменту текста в романе, а также способствует связности текста. Лексический повтор является одним из текстообразующих средств изобразительности языка художественной литературы и используется для выражения экспрессивности и эмоциональности, а также оказывает намеренное эмоциональное воздействие на человека. З.П. Куликова считает, что повтор «организует художественное произведение» [12, с. 7-8]. Данным исследователем была разработана классификация повторов по уровням языка. Согласно предложенной классификации, выделяют: фонетический, словообразовательный, лексический, лексико-синтаксический, семантический, морфологический и синтаксический повторы [12, с. 7-8]. Лексические повторы по расположению в тексте бывают следующих видов: контактный – повторяющиеся слова стоят рядом; дистантный – повторяющиеся слова разделены фрагментом текста; частичный – в тексте используются разные формы одного слова [8, с.135].

Проанализировав предложения из текста романа «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, было выявлено, что чаще всего используется лексический контактный повтор. Например:

«По правую его руку будет глухая стена, а по левую всё двери да двери, точно нумера, всё так в ряд простираются» [7, с. 43].

"To the right a dead wall, and to the left a row of doors stretching as far as the line of rooms extends" [26, p.9].

В тексте оригинала повторяется существительное «двери» в функции дополнения, соединенного с помощью одиночного союза «да». В англоязычном тексте переводчик использует слово "row" в значении «располагающийся в ряд» [25], а союз «да», использованный в значении соединения (и), усиливающий значение разговорности фразы [17] утерян. Таким образом, прием повтора не сохраняется, а использование слова "row" и опущение союза приводит к потере разговорного характера фразы, то есть не передается стилистическая окраска оригинала.

На материале текста этого же романа рассмотрим еще один пример перевода

лексического повтора:

«Впрочем, сам виноват, кругом виноват!» [7].

"However, it was my own fault—my own fault entirely" [26, p.13].

Повтор сохранен, несмотря на замену прилагательного существительным "fault". В данном случае такое переводческое решение не влияет на эмоциональное воздействие текста на читателя.

В следующем фрагменте романа «Бедные люди» лексический повтор помогает подчеркнуть однообразие жизни героев:

«Дни проходили за днями, и каждый день был похож на предыдущий» [7, с. 10].

"Day succeeded day, and each day was like the last one" [26, p.28].

Анализируя данный фрагмент романа, можно отметить, что при переводе количество повторов слова «день» сохранено, как и структура предложения. Прием повтора помогает акцентировать внимание читателя на однообразной жизни Вареньки в доме у Анна Федоровны. Сохранение данного синтаксического приема в переводном тексте, позволяет передать отношение героини к однообразным событиям ее жизни без искажения.

В романе «Анна Каренина» главная героиня при расставании с возлюбленным говорит следующую фразу:

«– Ради бога, ни слова, ни слова больше. Она быстро встала и отстранилась от него. – Ни слова больше...» [22, с. 153].

"For pity's sake, not a word, not a word more.' She rose quickly and moved away from him. 'Not a word more...' [28, p. 328].

Элемент повтора «ни слова» представлен в англоязычном тексте, как и в тексте оригинала, три раза; порядок слов неизменен, следовательно, эмоциональная составляющая, передающая нежелание героини на дальнейшее общение, отражена полностью.

Рассмотрим следующий фрагмент с использованием повтора:

«Но что же делать? Что делать?» [22, с.5].

"But what's to be done? What's to be done?" [28, p.7].

В произведении «Анна Каренина» в реплике Степана Аркадьича – брата Анны Карениной, при ссоре с супругой использован повтор риторического вопроса, который сохранен и в англоязычном тексте. Данный стилистический прием подчеркивает желание героя «найти выход» из сложившейся ситуации и наладить отношения с женой. В русском предложении отсутствует подлежащее, поэтому считаем вполне оправданным решение переводчика использовать пассивную конструкцию, образованную с помощью глагола "to be done".

Можно отметить, что языковые повторы усиливают логическую связанность предложений и в ряде случаев придают эмоциональность авторской интерпретации конкретной

ситуации. Иногда «для достижения адекватности, переводчик вынужден уходить от абсолютной идентичности и стилистической функциональности в направлении содержательной и смысловой эквивалентности» [5, с. 5]. При работе с языковыми повторами переводчику в большинстве случаев удастся сохранить данный стилистический прием, используя подходящие эквивалентные соответствия, а в ряде случаев прибегая к замене частей речи.

Говоря о синтаксических особенностях романа, необходимо отметить использование Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым синтаксического параллелизма, который отражает эмоциональную составляющую текста оригинала, отношение героев к происходящим событиям, а также их переживания и размышления.

И.А. Логвиненко выделяет следующие виды параллелизма:

1) по уровням: графический, звуковой, лексический, грамматический, включающий синтаксический и морфологический, параллелизм;

В текстах художественной литературы на синтаксический параллелизм накладывается лексический, звуковой и / или морфологический повтор.

2) по составу конструкций: полный и неполный;

3) по количеству эквивалентных структур: одночленный, двучленный, многочленный (или сложный);

4) по логической модели: утвердительный и отрицательный параллелизм;

5) по рисунку параллельных структур: прямой, хиастический и лестничный;

6) по расположению в тексте: внутристроочный, в смежных строках, внутрострофный, внутритекстовый параллелизм;

7) по семантическому основанию: основанный на метафоре, сравнении, метонимии;

8) по парадигматическим отношениям составляющих компонентов: основанный на синонимии, на антонимии [14].

В текстах романах «Анна Каренина», «Бедные люди» представлены следующие виды параллелизма: лексический, неполный, отрицательный / утвердительный, прямой, внутритекстовый.

Например: «Лошадей любишь – есть, собаки – есть, охота – есть, хозяйство – есть» [22, с. 165].

"You like horses—and you have them; dogs—you have them; shooting— you have it; farming—you have it" [28, p. 355].

В предложении из романа «Анна Каренина» использовано тире, что допускается нормами русского языка во избежание пропусков в предложении. Согласно нормам синтаксиса английского языка в предложении допускается использование 2-em dash (двойного длинного тире) с отсутствием пробела между словами, в том случае, если в предложении пропущено слово или часть слова [10, с. 78]. В данном случае использование тире позволяет переводчику не изменять структуру предложения. Однако в тексте перевода использовано добавление, выполненное с помощью местоимений

личного – “you” и объектного – “them”, что можно объяснить синтаксическими особенностями построения английского предложения, в котором подлежащее является неотъемлемым элементом. Такая переводческая трансформация позволяет сохранить параллельную конструкцию, не исказив при этом смысл текста и структуру оригинала.

Рассмотрим следующий фрагмент романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», в котором использован прием синтаксический параллелизм:

«Чувствую, что я виноват, чувствую, что я провинился пред вами» [7, с. 123].

"I feel that I am guilty, I feel that I have sinned against you" [26, p. 99].

Главный герой Макар Деушкин, пожилой чиновник, в письме к Варваре Доброселовой, сироте, зарабатывающей на жизнь шитьем, признает свою вину. В англоязычном тексте мы видим добавление личного местоимения “I”, которое отсутствует в тексте оригинала из-за отличной системы синтаксиса предложений: для английского языка характерно использование двусоставных предложений, поэтому переводчик применяет местоимение, выполняющее функцию подлежащего.

Наравне с синтаксическим параллелизмом в романах встречается *градация*, при работе с которой переводчик может столкнуться с определенными трудностями. В узком смысле градация — «это такие синонимические ряды, члены которых отличаются оттенками значений и расположены в порядке нарастания или ослабления семантики» [2, с.117]. В широком смысле градация — «стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления» [12]. Проанализируем использование данного приема в романе «Анна Каренина»:

«Государь, и весь двор, и толпа народа – все смотрели на них...» [22, с. 202].

"The Tsar and the whole court and crowds of people were all gazing at them..." [28, p. 433].

Глагол “gaze” [25], представленный в англоязычном тексте позволяет сохранить семантику оригинала, где описано внимание зрителей к участникам во время скачек. Градация, демонстрирующая интерес аудитории, («Государь, двор, толпа народа, все»), передана с применением эквивалентных соответствий “The Tsar, the whole court, crowds of people, all”. Дефис, использование которого допускается нормами русского языка в функции объединения похожих по значению слов, недопустим в английском языке. Следуя требованиям синтаксиса, переводчик восстанавливает пропущенную в оригинале лексему с помощью инверсии (первую позицию занимает глагол “were”, затем следует собирательное подлежащее «all»), которую не допустил автор исходного текста. В соответствии с нормами английского синтаксиса инверсия делает предложение не типичным для английского языка, а эмоциональная составляющая английского предложения представляется наиболее экспрессивной по сравнению с тестом оригинала.

Прием градации используется и в следующем фрагменте романа:

«Я прошу тебя, я умоляю тебя...» [22, с.194].

"I *beg* you, I *entreat* you," [28, p. 417].

В этом предложении градация подчеркивает нежелание главной героини – Анны обсуждать вопрос «побега» с Вронским, она настаивает на прекращении обсуждения данного вопроса. При переводе предложения, включающего восходящую градацию с помощью слов «*прошу*», «*умоляю*», переводчик удачно подбирает эквивалент "*beg*" – "to ask somebody for something especially in an anxious way because you want or need it very much" [25] и глагол "*entreat*" – "to ask somebody to do something in a serious and often emotional way" [25], который одновременно передает серьезность намерений героини и ее эмоциональный настрой. Таким образом, при переводе градации не возникает трудностей, в англоязычном тексте удастся акцентировать внимание на экспрессивной речи героя.

В речи персонажей в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского используется прием *парцелляции*, которому В. Ванников дает следующее определение: «парцелляция – это способ речевого членения, членится единая синтаксическая структура, а результатом членения являются несколько интонационно-смысловых речевых единиц» [31]. На письме парцеллаты отделяются от базовой части предложения пунктуационным знаком (чаще всего это точка). Парцеллят основывается на передаче мысли, оформленной пунктуационно и интонационно, и имеет результаты информационной компрессии для четкого выделения языковой структуры, на которую автор делает смысловое ударение. Например:

«—Долли, что я могу сказать?... *Одно: прости. Прости... Вспомни, разве девять лет назад...*» [22, с. 13].

"Dolly, what can I say?... *One thing: forgive...Remember, cannot nine years...*" [28, p. 4].

В данном контексте прием парцелляции, позволяет передать паузы в речи Степана Аркадьича – персонажа романа «Анна Каренина», которые можно объяснить подбором подходящих слов и отсылками к давно произошедшим событиям. При переводе данного фрагмента переводчик воспользовался приемом опущения: слово «*прости*» в русском тексте используется два раза, далее следует многоточие, а в английском варианте глагол "*forgive*" представлен один раз, но при этом сохраняется многоточие, подразумевающее волнение главного героя и поиск подходящих слов. Следовательно, в представленном варианте перевода утрачивается парцелляция авторского текста.

Рассмотрим функционирование парцелляции на примере фрагмента романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»:

«*Нерадение! неосмотрительность! Вводите в неприятности!*» [7, с. 232].

"*What negligence and carelessness! How awkward this is!*" [26, p. 112].

В данном случае парцелляция подчеркивает, что речь одного из персонажей (его превосходительства) с Макаром Алексеевичем не спланирована, сиюминутна, наполнена недовольством и гневом. В результате приема объединения в переводе уменьшается количество восклицательных знаков, предложение становится длиннее. Считаем, что в данном случае было бы целесообразнее сохранить структуру предложения, представленную в оригинале, и таким образом, полноценно передать речь, выражающую негодование и злость героя. Интересной для анализа представляется лексема «*нерадение*», которая в словаре В.И. Даля 1865 года трактуется как «лень,

беспечность». В словаре С.И. Ожегова, изданном в 1960 году данная лексема дается с пометой «книжн.», и толкованием «небрежное, недостаточно заботливое отношение к обязанностям» [17]. Помету «книжное» можно объяснить разницей временных периодов, когда были изданы словари, а также изменениями значений слов с течением времени в языке. В англоязычном тексте используется лексема "negligence", которая трактуется в словаре следующим образом: "the failure to give somebody/something enough care or attention" с пометой "law or formal" [25]. Выбор такого варианта перевода не соответствует стилистической окраске слова и временному периоду, в котором оно используется, в результате этого снижается языковой регистр. Читатель в переводном тексте видит лексему, использующуюся в современном языке, таким образом, получает неправильное представление о нормах русского языка того времени.

Проанализируем использование парцелляции в следующем предложении романа «Анна Каренина»:

«Это ужасно! Ужасно! – проговорил он» [22, с.14].

"It is awful! awful!" he said" [28, p. 28].

Степан Аркадьич эмоционально реагирует на слова жены о том, что она не сможет его простить. Парцелляция подчеркивает нарастающее отчаяние героя. Очевидно, что в тексте перевода парцелляция сохранена полностью, как и восклицательные знаки, выражающие экспрессию.

Наиболее часто в анализируемых текстах парцеллированные конструкции в простом предложении используются при подборе подходящих слов в соответствии с событиями в жизни персонажей, а также в ряде случаев попыткой вспомнить события из прошлого. Парцелляция способствует передаче экспрессивной, эмоциональной речи героя. При работе с такими конструкциями переводчик иногда использует прием объединения предложений, но мы считаем, что в этих случаях возможно сохранить парцелляцию, представленную в оригинале.

В романах «Анна Каренина» и «Бедные люди» используется и такой синтаксический прием как структурная незавершенность высказывания или (усечение). Усечение – неоговоренное, незавершенное или внезапно прерванное высказывание; это незавершенность высказывания в структурно-семантическом или интонационном отношении [3, с.8]. Усеченные конструкции выражают эмоциональное состояние героя или нежелание озвучить свои мысли до конца. Проанализируем использование усечения на следующем примере:

«Знаю, что вы меня любите, да сами-то вы не богаты...Сегодня я тоже весело встала» [7, с. 15].

"I know how much you love me, but I also know that you are not rich...This morning I too rose in good spirits" [26, p. 12]. В данном фрагменте Варвара, героиня романа «Бедные люди», просит Макара не тратить на покупки для нее. Ее переживание, волнение, попытку быть вежливой выражают обрывчатая фраза и многоточие, а затем героиня резко переходит к обсуждению другой темы. Переводчик сохраняет многоточие, однако после запятой необоснованно добавляет грамматическую основу "I also know", из-за этого меняется количество грамматических основ в предложении (в первом предложении в тексте оригинала из три, а в тексте перевода – четыре). Прием усечения

передан в англоязычном фрагменте, как и резкий переход с темы материального состояния на обсуждение самочувствия Варвары, однако меняется количество грамматических основ.

Прием структурной незавершенности предложения использован в фрагменте романа «Анна Каренина», когда Степан Аркадьич намеревается поговорить с Алексеем Александровичем о своей сестре. Его сбивчивые мысли представлены в следующем предложении: «– Да, мне хотелось... мне нужно по... да, нужно поговорить, – сказал Степан Аркадьич» [22, с. 438].

"Yes, I wished...I wanted...yes, I wanted to talk to you,' said Stepan Arkadyevitch," [28, p. 934].

Усеченность фраз в английском предложении сохранена. Считаем, что в переводе эмоциональная составляющая не потеряна, предложения в тексте перевода структурно дублируют предложения оригинала.

Все вышеперечисленные синтаксические единицы и конструкции служат для описания событий, происходящих в романах «Анна Карена», «Бедные люди», а в наибольшей степени для передачи эмоциональной составляющей контекста. М.Н. Крылова пишет: «... синтаксис является организующей силой текста, завершающей его построение, именно синтаксис формирует лексические единицы в те комбинации, которые достигают или не достигают своих коммуникативных целей...» [11, с.146].

Еще одна трудность, с которой приходится сталкиваться переводчикам художественных текстов, связана со структурными особенностями предложений. В своей работе А.М. Пешковский дает следующее определение предложению: «словосочетание, которое имеет в своем составе сказуемое, или указывающие своим формальным составом на опущенное сказуемое, или, наконец, состоящие из одного сказуемого – все такие словосочетания он называл предложениями» [18]. В работах В.В. Виноградова термин «предложение» трактуется как грамматически оформленная единица речи, оформленная по законам языка, неделима на речевые единицы, имеющие такие же структурные признаки и являющаяся основным средством формирования и выражения мысли. Особенность предложений заключается в том, что они обладают коммуникативной независимостью и представляют собой закрытую систему.

Л.А. Белопольская отмечает, что центральной грамматической единицей синтаксиса является простое предложение, основу которого составляют главные члены. Однако необходимо отметить, что в английском языке наличие двух главных членов предложения является обязательным, в связи с чем чаще всего предложения в английском языке являются двусоставными, а в русском встречаются односоставные и двусоставные. В анализируемых нами тестах простые предложения наиболее часто встречаются для оформления диалогов, а их краткость можно объяснить эмоциональной и незапланированной речью. Простые предложения передают быстроту или последовательность действий, «живую» речь персонажей. «Заставить читателя поверить в то, что персонажи произведения – живые люди» – одна из ключевых задач художественной прозы. Речь персонажей должна оставлять у читателя впечатление полной естественности... Воспроизведение разговорной речи в устах персонажей – неременная задача подавляющего большинства реалистических прозаических произведений», считает Е.Н. Ширяева [24, с. 137].

Например:

«Ты меня поняла и понимаешь» [\[22, с.102\]](#).

«Нынче я ездил мирить их» [\[22, с.133\]](#).

Рассмотрим особенности перевода простых предложений, функционирующих в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Например:

«Ты меня поняла и понимаешь» [\[22, с.102\]](#).

"*You understood me, and you understand*" [\[28, p. 217\]](#).

В фрагменте романа «Анна Каренина» Долли говорит Анне о том, что ценит ее как друга и благодарит за поддержку. В процессе перевода предложение претерпело трансформацию: в тексте оригинала предложение простое, а в тексте перевода сложносочиненное. Переводчик добавляет подлежащее "you", и таким образом союз "and" из соединительного становится сочинительным. Считаем, что использование такого переводческого приема искажает стилистику авторского текста.

Героиня романа «Бедные люди» Варвара в письме Макару Алексеевичу делится воспоминаниями о своем детстве:

«Мне было только четырнадцать лет, когда умер батюшка. Детство мое было самым счастливым временем моей жизни» [\[7, с. 19\]](#).

"*Up to the age of fourteen, when my father died, my childhood was the happiest period of my life*" [\[26, p.23\]](#).

Структура предложения претерпела изменения: сложноподчиненное предложение переводчик соединяет с простым. Кроме этого, представлена инверсия: предлог и числительное, использованные для обозначения возраста героини, занимают в переводном предложении первую позицию. Прием объединения делает предложение более длинным, при этом теряется фрагментарность текста.

По характеристике членов простого предложения различают предложения с разным количеством связей и отношений. В романах Л.Н. Толстого встречается использование простых предложений, осложненных однородными членами (определениями, дополнениями и деепричастными оборотами). Рассмотрим пример предложения, осложненного двумя деепричастными оборотами, и особенности его перевода на английский язык:

«Увидав из своего кресла в первом ряду кузину, Вронский, не дождавшись антракта, вошел к ней в ложу» [\[22, с. 131\]](#).

"*Vronsky, seeing his cousin from his stall in the front row, did not wait till the entr'acte, but went to her box*" [\[28, p.281\]](#).

В англоязычном предложении подлежащее вынесено на первое место, что можно объяснить фиксированным порядком слов в английском языке. В английском языке отсутствует такая часть речи как деепричастие, поэтому перевод деепричастного оборота на английский язык выполнен с помощью герундиального оборота "*seeing his cousin from his stall in the front row*". Второй деепричастный оборот заменен на глагол, следовательно, английское предложение осложнено только одним деепричастным

оборотом и имеет два сказуемых. В результате такого переводческого решения контекст теряет динамичность, опускается одновременное действие, совершаемое персонажем, создается впечатление о выполнении действий последовательно.

Довольно разнообразна по лексико-морфологическому составу группа эмоционально-оценочных предложений, они дают оценку тому, что являлось предметом наблюдения. Рассмотрим пример предложения, осложненного однородными определениями в романе «Бедные люди»:

«Я там и спать не могла. Плачу, бывало, целую ночь, длинную, скучную, холодную ночь»
[7, с.111].

"Never from the first could I sleep, but used to weep many a chill, weary night away." [26, p.12].

В английском предложении структура оригинала претерпела преобразования – два простых предложения переведены с помощью сложносочиненного. Кроме того, в оригинале представлено четыре определения *«целая, длинная, скучная, холодная»*, характеризующие жуткое время, проведенное героиней в пансионе, а в англоязычном тексте использовано только два прилагательных – *"chill", "weary"*. Четыре определения позволяют описать ночь, руководствуясь несколькими критериями, которые были неприятны для Варвары: временной промежуток, продолжительность, эмоциональность героини, температура воздуха в помещении. Считаем, что с помощью подбора эквивалентных соответствий можно было бы сохранить все определения, чтобы англоязычный читатель в полном объеме получил информацию о субъективном отношении героини к тяжелому времени, проведенном ей в пансионе.

Использование простых предложений, осложненных однородными дополнениями, помогает подчеркивать психологическую и эмоциональную составляющую речевого портрета персонажа, а также оказывать воздействующую функцию на читателя. Рассмотрим следующий пример:

«Ни одного слова вашего, ни одного движения вашего я не забуду никогда и не могу... »
[22, с. 106].

"Not one word, not one gesture of yours shall I, could I, ever forget..." [26, p. 226].

Исходя из приведенного выше предложения читатель получает информацию об эмоциональном состоянии героя романа «Анна Каренина». Однородные дополнения, представленные в предложении оригинала, сохранены, и частица и *«ни... ни...»* переведена с помощью конструкции *"not... not"*. Для английского языка в таких предложениях наиболее характерно использование конструкции *"neither... nor"*, считаем, что переводчик не применил данный тип конструкции, чтобы сохранить структуру предложения оригинала, а также использование местоимения *«один»* [17] – *"one"* в англоязычном тексте.

Для языка произведения «Бедные люди» также характерно использование простых предложений, осложненных однородными членами. Например:

«...страсти выражение, критика такая тонкая, поучение к назидательности и документ»
[22, с. 121].

"... connotes at once passion, expression, fine criticism, good learning, and a document" [28,

[p. 11\]](#).

Стоит обратить внимание на знаки препинания: в русском языке отсутствует запятая перед союзом «и», а в английском используется так называемая Oxford comma. Пунктуационные правила английского языка требуют, чтобы серийная запятая всегда ставилась в неоднозначных случаях, которые можно понять по-разному [\[29\]](#). Таким образом, в тексте перевода полностью представлены однородные члены предложения, однако постановка знаков препинания сохранена не полностью, что не отражается на восприятии текста читателем.

Еще одной особенностью языка произведений Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского является использование бессоюзных предложений. Отсутствие союзов компенсируется интонацией, а все части предложения связаны единой идеей – описанием внешности болеющей Кити:

«Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало: щеки ее ввалились, глаза ввали, в лице был такой чахоточный цвет» [\[22, с. 19\]](#).

«It used to rend my heart to see her, so hollow were her cheeks becoming, so sunken her eyes, so hectic her face» [\[28, p. 26\]](#).

Применив прием добавления, переводчик частично изменяет структуру (в тексте оригинала – предложение бессоюзное, в тексте перевода – сложноподчинительное). Кроме этого, английское предложение выглядит иначе и начинается с фразы: "It used to ...", которая подчеркивает многократность событий в прошлом. Глаголы заменены на прилагательные: «*ввалились*» – "*hollow*", «*впали*» – "*sunken*". Следовательно, семантика текста оригинала не передана, переводческое решение по замене типа предложения неоправданно. Представляется целесообразным сохранить исходную часть речи – глагол, который позволяет в большей мере передать изменения, происходящие с состоянием героини, чем прилагательное, выполняющее функцию описания.

Для языка произведений Л.Н. Толстого характерно использование сложных предложений, чаще всего они служат для описания природы или философских размышлений героя. Появление сложных предложений в языке обусловлено необходимостью выражения явлений действительности, следовательно такие конструкции можно назвать «целостными синтаксическими построениями, предназначенными для емкой передачи сложного коммуникативного задания» [\[9, с.11\]](#). Использование таких предложений определяется желанием писателя представить как можно больше информации в относительно законченном едином синтаксическом комплексе. Такие предложения делают повествование плавным. По характеру средств связи предикативных частей сложные предложения подразделяются прежде всего на союзные и бессоюзные. В союзных предложениях части связаны не только средствами самих частей, но и союзами или союзными словами. Помимо союзов и союзных слов, в сложном предложении функционируют и другие средства связи. Согласно классификации союзных предложений выделяют сложносочиненные и сложноподчиненные предложения.

Рассмотрим особенности перевода сложносочиненных предложений и роль сочинительного союза «и»:

«Зазеленела старая и вылезаящая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотым светом лозине

загудела выставленная облетававшаяся пчела.» [22, с.156].

"The old grass looked greener, and the young grass thrust up its tiny blades; the buds of the guelder-rose and of the currant and the sticky birch-buds were swollen with sap, and an exploring bee was humming about the golden blossoms that studded the willow" [28, p. 334].

Данное предложение состоит из трех грамматических основ, между первой и второй частью используется соединительный союз «и», выражающий перечислительное значение [5], а также выражается одновременность действий с помощью соответствующих временных форм глагола. Стоит отметить, что временные формы в переводе соблюдены, как и соединительный союз «и», для которого подобран соответствующий контекстуальный перевод "and". Структура предложения сохранена, как и стилистические особенности.

Проанализируем следующий пример и роль союза «но»:

«Серые глаза адвоката старались не смеяться, но они прыгали от неудержимой радости, и Алексей Александрович видел, что тут была не одна радость человека, получающего выгодный заказ, – тут было торжество и восторг, был блеск, похожий на тот зловещий блеск, который он видал в глазах жены» [222, с. 375].

"The lawyer's gray eyes tried not to laugh, but they were dancing with irrepressible glee, and Alexey Alexandrovitch saw that it was not simply the delight of a man who has just got a profitable job: there was triumph and joy, there was a gleam like the malignant gleam he saw in his wife's eyes." [28, p. 803].

В русском языке предложение является сложносочиненными, так как использован сложносочиненный союз «но», который переведен на английский язык противительным союзом "but", обладающим значением противопоставления. Для союза «и» подобран эквивалент "and", при этом пунктуация сохранена. Можно отметить, что перевод представляется полностью эквивалентным оригиналу.

Обратимся к сочинительному союзу «а», его роли в предложении и особенностям перевода в фрагментах романа «Бедные люди»:

«Расписался я вам чуть не на двух листах, а на службу давно пора» [7, с. 21].

"I have now covered close upon a whole two sheets of notepaper, though I ought long ago to have been starting for the office" [26, p. 28].

В русскоязычном предложении союз «а» подчеркивает, что герой потратил больше времени на написание письма. Союз «а» в придаточном предложении в англоязычном тексте заменен на союз "though", синонимом которому в данном случае может выступать "but". Таким образом, изменяется структура и тип предложения (в тексте оригинала представлено сложносочиненное предложение, а в тексте перевода сложноподчиненное). Такие переводческие трансформации не искажают смысл предложения, но меняют его синтаксические особенности.

Стоит отметить, что, когда у переводчика не находится в целевом языке эквивалентных аналогов, приходится прибегать к замене типа придаточного предложения.

В следующем фрагменте романа «Бедные люди» союз «а» использован в значении сопоставления:

«По правую его руку будет глухая стена, а по левую всё двери да двери» [7, с. 158].

"To the right a dead wall, and to the left a row of doors stretching..." [26, p. 14].

На наш взгляд, в этом предложении лучше использовать эквивалент "but", который передает противопоставление в английских предложениях, а не выполняет функцию объединения как союз "and".

Рассмотрим особенности перевода сложноподчиненных предложений, в которых подчинительная связь между частями сложного предложения выражается в синтаксической зависимости одной части слова от другой. Например:

«На водах в этом году была настоящая немецкая фюрстин, вследствие чего кристаллизация общества совершалась еще энергичнее» [22, с. 218].

"There was visiting the watering-place that year a real German Fuerstin, in consequence of which the crystallizing process went on more vigorously than ever" [28, p. 468].

В русском предложении, приведенном выше, применен изъяснительный союз «вследствие чего», выражающий значение причины. Запятая в тексте перевода присутствует, как и в тексте оригинала. Структура предложения претерпела изменения – в начале предложения употребляется конструкция "there was", а также добавлен глагол "visit" во временной форме Continuous. Однако такое переводческое решение не искажает текст для восприятия читателя.

Проанализируем следующий фрагмент:

«Успокойте меня, если можно» [22, с. 87].

"Comfort, oh, comfort me if you can" [28, p. 8].

Необходимо обратить внимание на постановку знаков препинания: в русском предложении стоит запятая, а в английском разделительный знак препинания отсутствует, так как союз "if" вводит условное предложение, и согласно правилам пунктуации английского языка запятая в таких случаях не ставится.

Таким образом, при работе со сложными предложениями переводчик использует добавления, также можно увидеть различия в русском и английском языках при постановке знаков препинания, что объясняется правилами синтаксиса русского и английского языков.

Исходя из анализа приведенных выше примеров, можно заключить, что для рассматриваемых произведений характерны различные типы предложений. Рассмотрев особенности синтаксиса текста романов, мы выявили, что наиболее часто использованы сложные предложения смешанного типа, демонстрирующие талант русских писателей и неисчерпаемость ресурсов русского языка с широким спектром значений. При переводе простых конструкций на английский язык использован прием объединения, следовательно, меняется тип – предложение становится сложным, что искажает стиль автора и смысловой компонент. При переводе деепричастных оборотов используются замены. В сложных предложениях в большинстве случаев последовательность слов сохранена, как и тип подчинительной связи, а сочинительные в ряде случаев заменяются на сложноподчинительные (так как в англоязычном фрагменте использован иной союз). Это происходит в тех случаях, когда у переводчика не находится в целевом

языке эквивалентных аналогов.

Заключение

В число основных задач переводчика при работе с художественными текстами входит сохранение синтаксических особенностей текста оригинала произведения и воссоздание синтаксиса, характерного для конкретного произведения или временного периода.

В ходе исследования тестов романов Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и Ф.М. Достоевского «Бедные Люди» было выявлено, что при переводе простых предложений на английский язык структура сохраняется, но в ряде случаев использован прием инверсии и объединения предложений. Это можно объяснить разницей синтаксического и стилистического порядка слов в русских и английских предложениях, несоблюдение которого приводит к нарушению норм синтаксиса английского языка и не позволяет вниманию читателя сконцентрироваться на доминантной информации. Логическая последовательность структуры английских предложений регламентирует расположение не только главных членов предложения, но и второстепенных. Необходимо отметить, что при переводе предложений с деепричастными оборотами используются замены – деепричастия переведены с помощью существительных или герундиальных оборотов.

Данные, полученные в результате исследования синтаксических характеристик романов «Анна Каренина», «Бедные люди» подтверждают, что для этих текстов характерно наличие языковых повторов, парцелляции, градации, параллельных конструкций, структурной незавершенности высказывания (усечения). Наиболее часто встречается лексический повтор, позволяющий обратить внимание читателя на роль повторяющихся слов, однако переводчику удается сохранить языковой повтор только в 67% случаев анализируемых нами примеров (100%). Так как оба произведения эмоциональны, в центре сюжета личная жизнь героев, которые часто в тексте романов сами ведут повествование, то незаменимым синтаксическим средством является структурная незавершенность высказывания (усечение), которая при переводе сохранена в 80% рассматриваемых контекстов. Использование параллельных конструкций, использованных в оригинале, отражено в текстах переводов в 100% случаев, но с элементами добавления, а парцелляции – в 80%. Работа с приемом градации не вызывает трудностей, данный прием сохранен во всех анализируемых нами примерах (100 % случаев).

При сопоставлении оригиналов и переводов романов были выявлены случаи, когда эмоциональный акцент, заложенный автором, смещается или теряется в англоязычном тексте. Одной из причин является несовпадение грамматических норм и структур русского и английского языков.

Библиография

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2009. 301 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. 237 с
3. Бережан С.Г. К вопросу о синонимии исконных и заимствованных слов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков; под ред. М.А. Бородиной и М.С. Гурычевой. М.: Наука 1966. С. 51-68.
4. Беляева М.В. О началах дискурсивного синтаксиса немецкого языка // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 1 (5). С. 33-38.

5. Ванников, Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М., 1978.
6. Варыхалова А.В. XIII Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты». Тверь, 29 апреля 2021 г.
7. Достоевский Ф.М. «Бедные люди». Мю:Издательство АСТ, 2024.
8. Иванчикова, Е.А. Синтаксис художественной прозы М.: «Либроком», 2010. – 288 с.
9. Калашникова Г.Ф. Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке. Харьков: Вища школа, 1979. 160 с.
10. Кобрина Н. А., Малаховский Л. В. Английская пунктуация. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961.
11. Крылова М. Н. Синтаксическая стилистика // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: Мат-лы международной научно-практической конференции. Вологда: Маркер, 2016. С. 145-146.
12. Куликова З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р. М. Рильке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 191 с.
13. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. Мю: В.шк., 2001.
14. Логвиненко И. А. Формальный параллелизм в поэтическом произведении (на основе стихотворений Б. Л. Пастернака).
URL:[http://www.academia.edu/6519743/Формальный_параллелизм_в поэтическом произведении](http://www.academia.edu/6519743/Формальный_параллелизм_в_поэтическом_произведении) (дата обращения: 17.07.2023).
15. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
16. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999. 176 с.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь. URL: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lsbkmt58j5190080948> (дата обращения: 07.02.24).
18. Пешковский А.М. научные достижения русской учебной литературы в области общих вопросов синтаксиса /А.М. Пешковский. М.: Директ-Меда, 2014.
19. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
20. Райзман Э. А. Особенности синтаксиса / Э. А. Райзман // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: материалы XLI научно-практической конференции, посвященной 70-летию Государственного ракетного центра имени академика В. П. Макеева, Миасс, 28 апреля 2017 года. – Миасс: Геотур, 2017. – С. 245-251.
21. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов.
URL:<http://rusyaz.niv.ru/doc/linguisticterms/fc/slovar195.htm?ysclid=lkbbxbz7mr83253868> (дата обращения: 07.02.24).
22. Толстой Л.Н. «Анна Каренина»: Роман в восьми частях. Части 1-4. Л.: Худож. лит. 1982. 448 с.
23. Федоров А.И. Фразеологический словарь. URL: Фразеологический словарь Фёдорова (gufo.me) (дата обращения: 07.02.2024).
24. Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986.
25. Cambridge Dictionary. URL: Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus (дата обращения: 07.02.2024).
26. Dostoevsky F.M. Poor Folk (translated by C. J. Hogarth). URL: <https://booksdrive.org/wp-content/uploads/2022/07/Poor-folk-by-Fyodor-Dostoyevsky-pdf-free-download.pdf> (дата обращения 07.02.2024)

27. Idioms. URL: The Free Dictionary (дата обращения: 07.02.2024).

28. Tolstoy L. Anna Karenina (translated by Constance Garnett).

URL: https://www.kkoworld.com/kitablar/Lev_Tolstoy_Anna_Karenina-eng.pdf (дата обращения: 07.02.2024).

29. URL: Оксфордская запятая – правила использования - Lingua-Airlines.ru (дата обращения: 07.02.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Синтаксические характеристики художественных текстов XIX века в аспекте межкультурной передачи» предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению приемов сохранения синтаксических особенностей текстов при проведении переводческих трансформаций.

В статье автор предпринимает попытку выявить наиболее частотные синтаксические конструкции в текстах оригиналов романов и описать способы их передачи и сохранения в ходе межкультурной передачи.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы языкознания, в том числе лингвостатистики.

Практическим материалом исследования послужили русскоязычные и англоязычные версии романа «Бедные люди» Ф.М. Достоевского и романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на русском и английском языках, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Структурно во введении отсутствует постановка проблематики, четких целей и задач, что не позволяет сопоставить вводную часть с выводами по итогам работы.

Библиография статьи насчитывает 29 источников, среди которых представлены работы исключительно российских исследователей. Считаем, что обращение к работам зарубежных авторов по сходной тематике, несомненно, обогатило бы теоретическую составляющую работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

Однако, в работе присутствуют опечатки, к примеру, «В лингвистике...» и т.п.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения

рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории и практике перевода, стилистики. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Синтаксические характеристики художественных текстов XIX века в аспекте межкультурной передачи» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шагбанова Х.С. Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.69943 EDN: MXKKSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69943

Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв

Шагбанова Хабиба Садыровна

ORCID: 0000-0001-5549-4819

доктор филологических наук

доцент, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, ЧОУ ВО "Юридический институт" (Санкт-Петербург)

199106, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 6

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.69943

EDN:

MXKKSC

Дата направления статьи в редакцию:

23-02-2024

Аннотация: В статье представлено художественное восприятие китайской культуры в отечественной литературе XIX – начала XX вв. Автор задаётся целью показать обобщенный образ Китая в произведениях русских прозаиков и поэтов в данный исторический период времени. Актуальность исследования заключается в имеющемся повышенном интересе современной лингвистической науки к проблемам межкультурного диалога. Отмечается, что изучение китайской тематики в русской литературе имеет бесспорный интерес для понимания особенностей межкультурной коммуникации между Россией и Китаем. Раскрывается многогранная китайская культура глазами отечественных литераторов прошлых веков, которых влекли китайские образы, сюжеты, мотивы. Прослеживается история российско-китайских отношений в зеркале передовой русской культуры XIX – начала XX вв. Выделяется наметившаяся уже в те времена тенденция понимания Китая как уникальной цивилизации отличной от европейской. Констатируется, что содержательное развитие представлений о Китае в русской

литературе, на интересующем исследователя временном отрезке, непосредственно связано с возникшей общественно-политической ситуацией в Российской империи, появившейся альтернативности, как в части определения дальнейшего вектора общественного развития, с учётом проблемы «Запад – Россия – Восток», т.е. наметившейся ситуации внутреннего выбора и самоопределения, так, и осознанием правящими кругами насущной необходимости выработки дальнейшего пути развития российской государственности, с учетом заимствования, с одной стороны, западной, с другой – восточной модели. Этим, на взгляд автора, и объясняется интерес представителей российской словесности к культуре Востока, духовно-нравственным ценностям, философским размышлениям о природе добра и справедливости, которые имели многовековую традицию в Китае.

Ключевые слова:

русская литература, серебряный век, китайский контекст, образ Китая, китайские мотивы, русская культура, культура Востока, русский символизм, российско-китайское сотрудничество, социокультурные различия

Период конца XIX – начала XX вв. стал временем расцвета русской литературы, и, как принято именовать этот этап в развитии последней, ее «серебряным веком», своего рода, продолжением «золотого века», соотносящегося с эпохой творчества А.С. Пушкина. Не только в литературе, но также в науке и искусстве исследуемой эпохи возникали новые веяния, конкурировали друг с другом различные направления и стили.

С одной стороны, «учителями» и «наставниками» творцов XIX столетия являлись такие крупные литературные деятели, как поэт Г.Р. Державин (1743-1816) и прозаик Н.М. Карамзин (1766-1826), продемонстрировавшие новому поколению авторов уровень и объемы достигнутого [\[4, с. 170\]](#). В их творчестве традиционно подчеркивалась крупномасштабность и значимость государственных событий (в частности, наполеоновских войн), что предопределило повышенное внимание авторов к таким темам, как «Бог», «вечность и время», «судьба российской империи и т.д.».

Вместе с тем, ключевые события во внешнеполитической и внутривнутриполитической жизни русского общества, которые оказывали трансформирующее влияние на сознание русских людей, обусловили не только поворот в сторону крупномасштабных, философских тем и риторических вопросов, но также и повышенное внимание к частному, субъективным человеческим переживаниям.

В результате, в первой трети XIX в. в искусстве и литературе господствующие позиции занимал романтизм, со свойственным ему вниманием к личности. Специфика данного литературного направления предполагала снижение внимания к историческому и культурному контексту, в рамках которого развивалось действие, а также роли социальных и национальных связей личности. В свою очередь, на первый план выходили чувства, страсти, душевные переживания человека. При этом оптимизировались стилистическая и лексическая сторона изображения психологических глубин внутреннего мира личности, становились более изощренными формы стиха. Принимая во внимание то обстоятельство, что зарождение романтизма пришлось на переломную для России эпоху, характерными чертами данного направления в русской литературе являлись подчеркнутый интерес к русской истории, самобытности народа, утверждение идеала свободной и волевой личности. Безусловно, романтизм в русской литературе был

следствием проявления бунтарских настроений, желания трансформаций исторического развития России.

Таким образом, русской литературе исследуемого периода были присущи глубокие противоречия, которые отражали изменения, происходящие в жизни народа Российской империи в это время.

В первую очередь, это определялось тем, что российское государство в конце XIX – начале XX вв. было достаточно специфичным образованием: на его значительной территории, охватывающей как Европу, так и Азию, за сравнительно долгий период становления и развития в определенной степени были сформированы геополитические, экономические и культурные цели [\[16, с. 3\]](#). При этом российское государство стремилось совместить разнонаправленность своего культурного развития, определяющегося разнообразием наций, народов и народностей, входящих в его состав, и национальную идентификацию, представляющую собой трансформированный вариант «Православия – Самодержавия – Народности» [\[10, с. 320-360\]](#).

События, завершившие XIX столетие, а также специфичные для начала XX в. проблемы и ожидания (в частности, упаднические настроения русского народа в связи с неудачным окончанием русско-японской войны) способствовали зарождению идей «имперской» ностальгии, а также опасений за будущее российского государства [\[17, с. 452\]](#). Общественная действительность развивалась стремительными темпами, в результате чего в воздухе витало, с одной стороны, ожидание катастрофических событий, с другой – существенных изменений.

По мнению значительной части российской интеллигенции, Россию предшествующих эпох должно было сменить государство будущего, имеющее качественные отличия. В свою очередь, мнение о «России будущего» каждого из представителей интеллигенции было специфичным, однако, она, с точки зрения прогрессивно мыслящего сословия, должна была избрать новый вектор развития, что не могло не отразиться на русской общественной мысли, находящей свое выражение, в том числе – в отечественной литературе.

Указанные трансформации в сфере общественного мнения русской интеллигенции в рамках исследуемого периода определялись, в том числе, нахождением Российской империи, своего рода, на перепутье, в состоянии выбора вектора дальнейшего развития, которое условно можно обозначить как ось «Запад – Россия – Восток». Как следствие, для прогрессивно мыслящей части русского народа большое значение имела идентификация себя с дальнейшим направлением развития государства, тяготевшего, с одной стороны, к западной, с другой – к восточной модели.

Сложившейся ситуацией внутреннего выбора и самоопределения в исследуемую эпоху определялся интерес русских поэтов и писателей-прозаиков к культуре Востока. Он, в свою очередь, в определенной степени трансформировал русский менталитет, в первую очередь, представителей интеллигенции. Однако, интерес к тематике Востока невозможно идентифицировать на основании обобщения и анализа творчества поэтов и писателей исследуемого периода как постоянный, скорее, он был, своего рода, увлечением, которому была свойственна определенная ситуативность и периодичность.

Необходимо отметить, что первое соприкосновение российских авторов с восточной культурой, традициями и обычаями восточных народов имело место еще в Древнерусском государстве и осуществилось задолго до изучаемого периода. Однако, в

большинстве своем сведения о Востоке имели характер сообщений, присутствующих на страницах отдельных произведений. В свою очередь, по мере приближения к исследуемому историческому отрезку времени контакты России с иностранными государствами расширялись, а взаимодействие с их представителями приобретало все более глубокий характер, что способствовало росту стремления к познанию культуры «другого».

Собственно образ Китая в рамках интереса к нему в контексте восточной культуры начинает проявляться в русской литературе в XV в. Его формированию способствовали свидетельства путешественников. В частности, из сочинения 1472 г. тверского купца Афанасия Никитина – «Хождение за три моря», узнаем, что «А от Чины до Китая итти сухом шесть месяц, а морем четыре дни» [19]. В произведении подчеркивается, что именно Китай являлся центром производства и торговли качественными и доступными по цене фарфоровыми изделиями. Однако XVI в. – это время еще отрывочных свидетельств о Китае и слабого интереса к далекой стране в русской литературе.

По-настоящему активное осмысление китайской тематики в отечественной научной и литературной мысли относится к XVII столетию, времени, когда русская общественность, сознание которой стремилось осмыслить смуты в государстве и найти наиболее рациональный способ его организации и управления, обращалась к опыту более развитых в указанном отношении стран, которые могли бы послужить примером для России. Одной из таких стран являлся Китай, государственное управление которого представляло собой уникальное сочетание политических и культурных основ и базировалось на традициях конфуцианства. В основе организации общественной жизни и, как следствие, государственного управления, лежали почтительное отношение к старшим в широком смысле этого слова (к родителям, руководителям, главе государства и т.д.). В этой связи, китайские традиции общественной организации представляли особую ценность как пример наиболее успешного построения отношений между государством и социумом.

В свою очередь, посредством посольств и дипломатических миссий, направляемых из России в Китай, отношения между странами еще более углубились, а с XVII столетия стали сравнительно регулярными, что не могло не найти отражения в русской литературе. Именно с этого времени начинается двусторонний процесс конструирования образа «другого» в Китае и России. Территориальная отдаленность и социокультурные различия подогревали интерес двусторонний интерес государств, что послужило началом периода идентификации их образов на страницах литературных произведений.

Заинтересованность китайской тематикой, проявляющаяся не только в литературе, но и в русской культуре в целом, существенно активизировалась в XVIII столетии. Во многом это объяснялось возникновением в архитектуре стиля «шинуазри», условно причисляемого к восточным, который распространился также на декоративно-прикладное искусство и моду. Изначально указанный стиль проник в западноевропейское искусство, однако, в период петровских преобразований появился и в России. Данное обстоятельство объяснялось, в свою очередь, стремлением Петра I заимствовать передовые западные достижения, приобщиться к опыту европейских государств, иными словами, интегрировать российскую культуру и культуры западных стран. По свидетельству К.Ф. Пчелинцевой, в связи с расширением объемов торговли между Россией и Китаем в российское государство из восточной страны привозилось все больше произведений декоративно-прикладного искусства, применяемых в целях украшения интерьеров дворцов [15, с. 29]. В результате, «китайский стиль» стал

обязательным атрибутом декорирования дворцовых и садово-парковых зон в Петербурге в XVIII столетии.

Однако, на данном этапе в числе «китайских» элементов, активно интегрируемых в русскую культуру, следует отметить не только архитектурный стиль, но также и переводы отдельных памятников китайской литературы и общественной мысли, оказавшие определенное влияние на русскую литературу. В XVIII в. все элементы «китайского» воспринимались в качестве некой экзотики, проявлений загадочного и манящего, далекого от русского человека, Востока. По этому поводу Ю. Цзя указывал, что увлечение русского общества культурой Китая в XVIII столетии, в особенности – в период царствования императрицы Екатерины Великой, способствовало трансформации образа Китая в «сказку Востока», которая, в свою очередь, резко контрастировала с реальностью в русском государстве [\[20, с. 227-228\]](#). Как следствие, в сознании русского человека образ далекой восточной страны к XVIII столетию приобрел ярко выраженные архетипические черты, свойственные китайскому мифу.

Именно в этот период к теме Китая в своих произведениях начинают активно обращаться русские литераторы и публицисты, многие из которых являлись авторами как оригинальных, так и переводных статей по «китайской» тематике. В частности, представителем русской драматургии А.П. Сумароковым с немецкого языка был выполнен перевод «Монолога из китайской трагедии, называемой «Сирота»». К теме Китая в своем творчестве обращались такие известные писатели XVIII столетия, как Д.И. Фонвизин, выполнивший значимый с культурной точки зрения перевод текста «Да сюэ» («Великое учение»), а также А.Н. Радищев, в период сибирской ссылки составивший «Письмо о китайском торге» (1792 г.), в котором получили отражение вопросы торгового сотрудничества России и Китая. В свою очередь, в одном из поздних произведений автора – «Песнь историческая», А.Н. Радищев также обращается к теме Китая, а именно: к конфуцианским мотивам [\[20, с. 228\]](#). Наконец, «китайская» тематика присутствует в стихотворении Г.Р. Державина «Развалины», где автор говорит о Китайском театре и Китайской беседке, которые ранее служили украшением для царскосельских парков.

Примечательно, что многие создатели литературных произведений XVIII – начала XIX вв. лично никогда не посещали Китая, однако, в их текстах также нашли отражение «китайские» мотивы. Это являлось следствием знакомства русских писателей с книгами о путешествиях: путевыми заметками, рассказами и дневниками очевидцев, на базе которых было возможно реконструировать исторические, бытовые и культурные особенности тех мест, которые посетили авторы. В результате, на основании их, а также иных публицистических произведений, в русской литературе начинают формироваться этнические стереотипы, которые были связаны с Китаем. В частности, в стихотворении одного из поэтов XVIII в. – Е.И. Кострова «Послание к китайскому домику», Китай не упоминается в качестве государства, а соотносится с произведением архитектуры, которое было возведено в «китайском» стиле. В свою очередь, читатель, ознакомившись с данным произведением, должен сделать выводы о «китайском» стиле на основании следующих описаний, представленных в стихотворении: домик окружают «тенистые древа», украшают столики, картины и ковры, а возведен он из камня. Иными словами, «китайский» стиль, на основании данного произведения, – это, прежде всего, гармония с природой, утонченное искусство в сочетании с прочностью материалов, избираемых для строительства, а также с любовью к декоративному оформлению пространства.

В басне русской поэтессы и переводчицы А.П. Буниной, творчество которой в настоящее

время продолжает оставаться сравнительно мало изученным, с подзаголовком «Иносказание» и названием «Пекинское ристалище» (1810 г.), как следует из последнего, упоминается китайская столица – Пекин. В самом же произведении речь идет о некоем соревновании спортивной направленности между «вельможными старшинами» – «ристалище», в котором, вопреки устоявшейся традиции, решила поучаствовать женщина. В басне в наиболее общих чертах воссоздается весьма малопривлекательная картина жизни и быта китайских женщин:

«...Что жены тамошни сидят в нем по домам,

И к беганью у них все заперты дороги;

Что с детства нежного, едва изыдут в свет,

Тесьмами крутят им и стягивают ноги...» [\[2\]](#).

Таким образом, в произведении упоминался китайский обычай по бинтованию женских ног в целях придания им большего изящества, распространенный в Китае в семьях представителей знатных фамилий. Между тем, в тексте стихотворения присутствуют указания не только на элементы китайской жизни и быта, но также на черты характера, которые должны быть присущи китайским женщинам, – прежде всего, доброту и кротость.

«... Будь доброю женой, без прихотей, коварства;

По кротости души кажи всем кроткий взгляд;

О нуждах подданный и их забавах;

Будь доброй дочерью, сестрой,

Блюда семейственный покой,

И славу обретай в своих незлобных нравах:

Вот поприще обширное для нас! [\[2\]](#).

Таким образом, в стихотворении А.П. Буниной мир китайской женщины изображен подчиненным мужскому миру, наиболее же характерными чертами, определявшими организацию ее повседневной жизни и быта, являлись забота о своих детях и близком окружении.

В свою очередь, в басне другого автора начала XIX столетия – А.Д. Илличевского «Чай и Шалфей» (1821 г.) чай упоминается как один из продуктов китайского производства, направляемого на экспорт. В басне наряду с чаем, поставляемым из Китая в другие страны, упоминается также шалфей в качестве товара, который, напротив, направляется в Китай, в чем автор, по всей видимости, усматривает признаки выстраивания успешных внешнеэкономических связей китайского государства. Между тем, в басне А.Д. Илличевского говорится также, что чай направлялся в Европу «Из Кяхты едучи большим обозом». Таким образом, в стихотворении также присутствуют указания на единственный пункт русской торговли с Китаем в первой половине XIX в. – Кяхту, игравшую роль «окна в Китай» [\[6, с. 7\]](#).

«Китайская» тематика в начале 1830-х гг. нашла отражение также в произведениях А.С. Пушкина. Применительно к Китаю в его поэзии было использовано два эпитета, а

именно: «далекий» («Поедем, я готов...», 1830 г.) и «недвижный» («Клеветникам России», 1831 г.). При этом в последнем стихотворении автора характеристика «недвижный» была применена к китайскому государству в политическом смысле.

Наконец, в некоторых произведениях, относящихся к первой половине XIX в., Китай характеризуется в качестве, своего рода, иного мира, через призму которого читатель может произвести оценку социальных явлений в российском государстве. В частности, примерами могут служить незавершенный роман-утопия В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» (1835 г.) и «Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами» Н.А. Полевого (1842 г.).

Таким образом, в первой половине XIX столетия интерес к китайской тематике являлся сравнительно стабильным. Ей было посвящено стихотворение А.К. Толстого «Сидит под балдахином» (1869 г.), в котором развивалась тема сатирической «Истории Государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Как следствие, образ Китая, сконструированный в произведении А.К. Толстого, содержал намеки в виде аллегорий на «непорядки» в российской общественной мысли.

В свою очередь, в исследуемую эпоху, в частности, во времена правления Александра III (1881 – 1894 гг.) и Николая II (1894 – 1917 гг.) представления о Китае, нашедшие отражение в трудах русских писателей, изменились в следствие развития контактов в различных областях между представителями китайского и русского народа. В ходе русско-японского конфликта тысячи жителей российского государства впервые, очутившись на Дальнем Востоке, близко соприкоснулись с чуждой для них культурой на практике, о которой большинство из них имели представления весьма разрозненные.

В период русско-японской войны образ далекой страны конструировался не только на страницах художественных произведений, но также в газетах, на базе свидетельств русских солдат. Последние, в свою очередь, являлись весьма противоречивыми: от признания китайцев как добрых и миролюбивых тружеников [14], уважения к китайской культуре до полного отрицания всего китайского [13, с. 1]. В свою очередь, на основании свидетельства одного из публицистов, получившего отражение в средствах массовой информации периода русско-японской войны, «русский и китайский характер ближе, чем японский и китайский... Китаецам никогда не приобщиться к японской точности, педантичности и требовательности к службе и управлению. Особенно будет китайцам ненавистен всюду проникающий контроль» [21, с. 1]. Таким образом, на основании указанных заключений наблюдателя можно сделать вывод, по большей части, о позитивном восприятии китайского народа русскими солдатами, однако, комплексного представления русских о Китае на материалах периодической печати составить не представляется возможным в силу разнородности встречающихся свидетельств.

В этой связи, целесообразно обратиться к рассмотрению образа данного государства на основе произведений художественной литературы, прежде всего, трудов поэтов и писателей-прозаиков «серебряного века». С одной стороны, образ Китая, сконструированный в этих произведениях, может быть излишне романтизированным, с другой стороны, будучи представителями русской интеллигенции, поэты и писатели «серебряного века» формировали свои представления о Китае на базе обширного научного, в первую очередь, исторического, литературного и этнографического материала, им были доступны переводы трудов китайских авторов. Это, в свою очередь, позволяло им сконструировать более полное представление о китайской культуре, обычаях и традициях, а также менталитете восточного народа. Безусловно, в

определенной степени в начале XX в. на представления русских поэтов и писателей о Китае также повлияли свидетельства участников русско-японского конфликта 1904-1905 гг.

В свою очередь, тот факт, что российская сторона проиграла войну с Японией, не мог отрицательным образом не сказаться на общественных настроениях. В российском социуме зародилось некое ощущение не только «рубежа времен», но также и духовного кризиса. В результате, трансформации образа Китая в поэзии и прозе «серебряного» века являются закономерным итогом исторического развития российского государства, внешнеполитические события которого не могли не оказать влияния на внутреннее состояние русского общества.

Прежде чем охарактеризовать образ Китая в произведениях поэтов и прозаиков «серебряного века», первоначально необходимо подробнее остановиться на дефиниции самого понятия «серебряный век».

На сегодняшний день большинство представителей научного сообщества полагают, что само словосочетание «серебряный век» утвердилось применительно к определенному отрезку развития русской литературы благодаря публикации Н.А. Оцупом статьи с аналогичным названием в газете «Числа» [\[11, с. 174-178\]](#). Однако вопрос о возникновении данного термина во многом продолжает оставаться предметом научного дискурса. Это определяется тем, что изначально понятие «серебряный век» в русской литературе использовалось применительно к творчеству поэтов середины и второй половины XIX столетия: А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова и др. [\[9, с. 476\]](#)

Хронологически первым, еще до Н.А. Оцупа, о наступлении «серебряного века» заговорил В.С. Соловьёв. Он выступил с предложением дать название сборнику своих статей о творчестве А.А. Фета, А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева, Я.П. Полонского и К.К. Случевского «Серебряный век русской лирики» [\[18, с. 327\]](#), так как усматривал в этих поэтах и писателях наследников великих творцов «золотого века» – А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Фактически, базируясь на мнении В.С. Соловьева, можно заключить, что началом «Серебряного века русской лирики» следует признать 1870-е гг. Между тем, в указанные годы лицом русской литературы являлся роман, а, отнюдь, не поэтический жанр. Расцвет значительных по объему повествовательных произведений со сложным сюжетом был связан с именами таких писателей как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и некоторых иных. В свою очередь, поэты, которых указывал в своей работе В.С. Соловьёв – А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, Я.П. Полонский и т.д. не имели столь широкой известности у читательской аудитории на момент ее публикации. Она пришла к ним значительно позднее, в начале XX в. благодаря творчеству символистов, которые усматривали в перечисленных В.С. Соловьевым авторах своих наставников и учителей.

В свою очередь, использование словосочетания «серебряный век» Н.А. Оцупом в рамках одноименной статьи стало результатом пролеживания автором процесса смены «золотого века» на новый, «серебряный век» на материалах русских поэтических произведений от А.С. Пушкина до А.А. Блока. Представляет интерес, что Н.А. Оцуп сделал самостоятельное указание на свое авторство исследуемого понятия, отметив, что «... пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской литературы» [\[12, с. 127\]](#).

Однако, термин «серебряный век» наполнялся истинным содержанием в течение

длительного времени. Стоит отметить, что вклад в данный процесс внесла также статья Н.А. Бердяева «Русский духовный ренессанс начала 20 века и журнал «Путь»», в тексте которой шла речь о значении культуры этого периода. В частности, автор отмечал, что начало XX в. в России было ознаменовано «... ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности» [1, с. 3]. Автор указывал также, что в прежние времена русской культуре не удавалось достичь такой утонченности, как в указанное время.

В свою очередь, размышления о трансформациях русской культуры, обозначенные Н.А. Бердяевым в его работе, оказали влияние на название книги воспоминаний С.К. Маковского «На Парнасе «Серебряного века»», в рамках которых объединялись представления о начале XX столетия как о времени подъема русской духовной культуры, а также о словесности этого периода, являющейся, своего рода, наследницей классических произведений, «золотого века» русской литературы. В работе С.К. Маковского отмечается, что название книги указывает на творцов предреволюционной эпохи, которые посредством поэтических, прозаических, музыкальных, художественных, а также произведений иной направленности стали выразителями культурного подъема указанного исторического отрезка времени [7, с. 9].

В отличие от Н.А. Оцуа, по мнению С.К. Маковского, понятие «серебряный век» включало в себя не только поэтические произведения, но также достижения в области театра и изобразительного искусства. В свою очередь, «серебряный век», с точки зрения автора, это не только культурные тенденции, наметившиеся в России до революционного 1917 г., но также и культура русской эмиграции первой волны. В свою очередь, исключением из данного правила, с точки зрения автора, стали представители русской поэзии и прозы, в определенной степени связанные с реализмом, в частности, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, М. Горький.

Дискуссии о внутреннем содержании термина «серебряный век» продолжались в исследовательском сообществе на протяжении всего XX вв. Однако всем авторам, анализировавшим данное понятие, свойственно было мнение о том, что ядром его являлся русский символизм. В частности, символизму был посвящен сборник воспоминаний о «серебряном веке», подготовленный В. Крейдом [3]. В свою очередь, преимущественно о поэтах-символистах, а также их последователях – представителях направления акмеистов, рассуждал С.К. Маковский в уже упоминаемом произведении «На Парнасе «Серебряного века»».

На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что творчество поэтов-символистов ознаменовало собой время расцвета русской литературы. При этом наряду с символизмом, основными литературными течениями «серебряного века» являлись также акмеизм и футуризм. Если символисты стремились к выражению глубоких чувств и мыслей посредством символов и метафор, то для акмеистов основу творческого самовыражения составляли четкость и ясность мысли. Сущность работ футуристов, в свою очередь, состояла в прогрессивных, новаторских идеях посредством работы с языком и формой, разного рода экспериментов с последними.

Среди тематического разнообразия произведений «серебряного века», обобщение и анализ которых может выступать в качестве отдельной темы для научного исследования, особое место занимал Восток (Китай). По образному выражению Л.А. Колобаева, этот временной этап можно охарактеризовать, как период, когда «... Запад вспомнил о Востоке, а Восток потянулся к Западу, когда поэты уловили потребность человечества

представить, обозреть, осознать себя в целом» [\[5, с. 63\]](#). Необходимо подчеркнуть, что сама специфика эпохи определяла наличие тематики Востока в поэзии «серебряного века».

На рубеже XIX – XX вв. существенно углублялся интерес поэтов к «другим» культурам, их привлекала определенная инаковость, присущая как западному, так и восточному миру. В свою очередь, интерес к тематике Востока был свойственен творчеству К.Д. Бальмонта, Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой, В.В. Маяковского, М.А. Волошина и некоторых иных поэтов. Кроме того, их произведения в мемуарном, либо эпистолярном жанре часто содержат примеры взаимодействия русских поэтов с китайцами или японцами, имена, встречающиеся в китайской мифологии, свидетельства о китайских книгах по искусству и литературе.

Если говорить об объединяющих началах поэтических произведений русских символистов с образом далекой восточной страны, необходимо отметить, что в качестве их выступали фантастические, вымышленные мотивы и мечтания. Также необходимо отметить, что в начале XX в. русское общество было охвачено идеями «панмонголизма» – движения за интеграцию монгольских народов в рамках единого государственного образования монголосферы. Тематика так называемой «желтой опасности» получила развитие в творческом наследии В.С. Соловьева, идеи которой прослеживались в его произведениях, написанных в конце жизненного пути. Также отзвук данной тематики встречается в творческом наследии А.А. Блока.

В качестве еще одной причины, по которой представители русской литературы рубежа эпох обращались к культуре Востока, следует выделить желание стабильности и, вместе с тем, отрешенности, ухода от реальности в мир грез. Данная тематика, в свою очередь, противопоставлялась в творчестве авторов исследуемой эпохи революционным настроениям в Российской империи также имеющим место и в некоторых европейских обществах. С точки зрения О.Э. Мандельштама, именно XIX век стал «... проводником буддийского влияния в европейской культуре» [\[8\]](#).

Несмотря на то, что образ Китая в русской литературе «серебряного века» являлся предметом исследования в целом ряде научных работ, необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени в рамках данной темы продолжают сохраняться определенные лакуны, требующие дальнейшего научного осмысления и анализа.

Большинство вышедших на сегодняшний день научных трудов по исследованию образа Китая в трудах русских поэтов и писателей «серебряного века» посвящены либо изучению «китайской» тематики в произведениях отдельных авторов (И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, М.А. Волошина и т.д.), либо комплексному освещению темы Китая в произведениях исследуемого периода.

Сравнительно нередко предметом научных исследований становилась эволюция восприятия восточных традиций в произведениях русских поэтов и писателей «серебряного века», а также связь конструируемого в их работах образа далекой восточной страны с ее мифологией, религией, культурой.

Научное осмысление образа Китая, формируемого в трудах русских авторов исследуемого исторического отрезка времени, безусловно, должно учитывать контекст их создания: были ли они лично знакомы с культурой Китая, либо узнавали об особенностях страны из иных источников, известны ли были им переводы трудов китайских авторов на русский язык и т.д. Кроме того, изучение образа Китая в русской

литературе «серебряного века» одновременно требует от познающего субъекта знаний в области каждой из культур – и русской, и китайской. При этом наиболее полным представляется изучение образа Китая на примере как поэтических, так и прозаических произведений русской литературы исследуемого периода.

В этой связи, особую значимость приобретает также выявление основных аспектов создания образа Китая в русских произведениях, а также его последовательность, равно как и сравнение данного процесса на примере нескольких произведений, отражающих «китайскую тематику».

Подводя итоги рассмотрению вопроса о месте и роли китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв., необходимо отметить, что ее присутствие в произведениях как поэтов, так и писателей исследуемого периода, с одной стороны, определялось внешнеполитическими событиями в жизни русского государства, в результате которых произошло сближение русской и китайской культур, с другой стороны – закономерным развитием русской литературы. Последняя, в свою очередь, не могла не реагировать на внешние изменения, тяготея при этом к познанию и осмыслению культуры «другого». Именно культуры Востока, в частности, Китая представляли особую привлекательность для русских авторов конца XIX – начала XX вв. в силу стремления глубже познать традиции и обычаи далекой страны, менталитет народа и воспринять лучшие черты опыта ее государственного и общественного устройства.

Именно в творчестве поэтов и писателей «серебряного века» образ Китая приобретает яркие очертания. Его подробный анализ должен базироваться, с одной стороны, на изучении отдельных произведений авторов, посвященных «китайской» тематике, либо затрагивающих ее, так и на исследовании специфики отражения «китайских» элементов в творчестве русских писателей, т.е. китайского текста и контекста произведений русских авторов «серебряного века».

Библиография

1. Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» // Путь. 1935. № 49. – С. 3-22.
2. Бунина А.П. Пекинское ристалище: Баснь: (Посвященная некоторым из почтенных членов Российской Императорской академии, удостоивших меня лестного своего одобрения) («Когда-то в Пекине вельможны старшины ...») // Вестник Европы. 1810. Ч. 49. № 4.
3. Воспоминания о серебряном веке: Сборник / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. – 558 с.
4. Егоров Б.Ф. Русская литература XIX – начала XX века (обзорная лекция для студентов филологического факультета) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. Т. 25. Вып. 3. – С. 170-186.
5. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Издательство Московского университета. 2000. – 294 с.
6. Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX-XX вв. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 111 с.
7. Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». – Мюнхен: Издательство Центрального объединения полит. эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. – 364 с.
8. Мандельштам О.Э. Девятнадцатый век. 1922 / О поэзии: сб. статей. – Л.: Academia, 1928. – С. 61-70.
9. Михайлов О.Н. Русская литература XX века (до 1917 г.) / Краткая литературная

- энциклопедия в 8 тт. / гл. ред. А.А. Сурков / Т. 6: Присказка – «Советская Россия».
– М.: Советская энциклопедия, 1971. – 1140 с.
10. Никонов В. Современный мир и его истоки. – М.: Издательство МГУ, 2015. – 880 с.
11. Оцуп Н.А. Серебряный век // Числа. Париж. 1933. № 7-8. – С. 174-178.
12. Оцуп Н.А. Современники. – Париж, 1961. – 230 с.
13. Письмо из маньчжурской армии // Кубанские областные ведомости. 1905. № 1.
14. После сдачи Порт-Артура // Кубанские областные ведомости. 1905. № 162.
15. Пчелинцева К.Ф. Образ Китая в русской литературе и общественной мысли XIX–XX вв.: спецкурс для иностранных студентов. Ч. 1. – Волгоград: Перемена, 2005. – 179 с.
16. Пэй Цзяминь. Восток (Китай) в русской литературе Серебряного века: автореф. дисс. ... кан. фил. наук. – М., 2023. – 22 с.
17. Самойлов Н.А. Китай в геополитических настроениях российских авторов конца XIX – начала XX / Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Материалы Второй международной научной конференции. Т. 3. Благовещенск, 15-17 мая 2002 г. – Благовещенск: АмГУ, 2002. – С. 452-455.
18. Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция / послесл. П.П. Гайдено, с. 382-422. – М.: Республика, 1997. – 429 с.
19. Хожение за три моря Афанасия Никитина / Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) / под ред. Д.С. Лихачева и др. Т. 7: Вторая половина XV века. – СПб.: Наука, 1999. – 581 с.
20. Цзя Ю. Образ реалий Китая в русской литературе до середины XX века // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы VI Международного научного конгресса / ред. Е.В. Полховская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 227-232.
21. Япония и Маньчжурия // Кубанские областные ведомости. 1905. № 108.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв.», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, и обратному явлению в Китае. В статье рассматриваются репрезентации темы Китая в русской литературе столетий назад, когда наблюдался интерес к восточному миру.

В статье автор обращается к историографии вопроса, описывая возникновения интереса к культуре Поднебесной в разные исторические периоды в нашей стране.

В основной части статьи автор обращается к изучению репрезентации образа Китая и культуры Поднебесной в литературе «серебряного века».

Несмотря на то, что образ Китая в русской литературе «серебряного века» являлся предметом исследования в целом ряде научных работ, необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени в рамках данной темы продолжают сохраняться определенные лакуны, требующие дальнейшего научного осмысления и анализа. Собственно это и определяет новизну и актуальность рецензируемого исследования.

Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной

исследованию подобной проблематики. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

К сожалению, автор не приводит данных о практическом материале языкового исследования.

К недостаткам также можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Библиография статьи насчитывает 21 источник, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к работам зарубежных исследователей на языке оригинала обогатило бы работу и включило ее в мировую научную парадигму.

Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, несомненно бы усилило теоретическую значимость работы. Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской культуры, а также курсов по междисциплинарным исследованиям. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Место и роль китайской тематики в русской литературе XIX – начала XX вв.» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Филиппова А.А., Башарина З.К. «Метафора-олицетворение» в сибирских рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла) // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70129 EDN: MHMYXO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70129

«Метафора-олицетворение» в сибирских рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла)

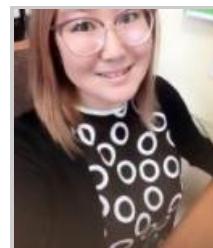
Филиппова Айяна Александровна

ORCID: 0000-0002-5861-0085

аспирант, кафедра якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет имени
Максима Кировича Аммосова

677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42

✉ fiayalex11@yandex.ru

Башарина Зоя Константиновна

доктор филологических наук

профессор, кафедра якутской литературы, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.
Аммосова

677021, Россия, г. Якутск, ул. Островского, 10/1

✉ zbasharina@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70129

EDN:

MHMYXO

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является метафора-олицетворение, участвующая в создании сибирских рассказов В.Г. Короленко. Материалом исследования послужили метафоры-олицетворения, извлеченные методом сплошной выборки из рассказов "Сон Макара", "Соколинец", включенные в якутский цикл сибирских рассказов. Обращение именно к метафоре-олицетворению оправдано тем, что она играет огромную роль в построении художественного произведения. Рассказы В.Г. Короленко представляют

собой богатый материал для исследований, так как он выработал свои индивидуально-авторские метафоры, основанные на олицетворении. Метафоризация основанная на олицетворении, это своеобразный творческий почерк Короленко. Его произведения богаты художественными средствами выразительности, такими как метафора, олицетворение, сравнение, метонимия, гипербола, что придает ему особый своеобразный авторский стиль. Теоретико-методологической основой исследования являются работы Г.Н. Пospelова, А.Б. Есина, Л.С. Кулика. В работе также учитываются основные теоретические труды ведущих современных якутских ученых: О.И. Ивановой, К.И. Платоновой, И.С. Емельянова. Творчество В.Г. Короленко вызывает большой интерес среди современных исследователей. Многие аспекты его творчества в литературоведении уже изучены. Но в данном исследовании авторы предпринимают попытку изучить функционирование метафоры-олицетворения в его сибирских рассказах, в частности, в сибирских рассказах (якутского цикла). В ходе проведенного исследования было выявлено, что В.Г. Короленко в своих рассказах умело использует прием антропоморфизма. С помощью метафоры, олицетворения и других художественных средств выразительности оживляет, очеловечивает природу. Олицетворение сил природы всегда служит Короленко для раскрытия душевного состояния, мыслей и чувств человека. За счет метафоры-олицетворения окружающий мир оживает. Тем самым стираются грани между одушевленным и неодушевленным миром.

Ключевые слова:

русская литература, Короленко, сибирские рассказы, метафора, олицетворение, антропоморфизм, стилистические тропы, метонимия, сравнение, гипербола

Введение

«Кулик Л.С. в книге «Сибирские рассказы В.Г. Короленко»^[11] подчеркивает, что «непохожесть» художественной манеры Короленко ощущалась уже современной писателю критикой. Однако обширная дореволюционная литература не смогла дать глубокого и всестороннего анализа ни его творчества в целом, ни, в частности, его сибирских рассказов, не смогла раскрыть особенностей его мастерства. В советское время сделано очень много для изучения творческого наследия Короленко. Появились также работы, посвященные проблеме своеобразия стиля писателя». В первую очередь, следует отметить работы Ю. Николаева, К.Ф. Головнина, В.П. Буренина, Л.Е. Оболенского, И.И. Иванова, Ю. Айхенвальда, С. Городецкого, Л.С. Кулика и многие другие.

И по сей день творчество Короленко вызывает большой интерес среди исследователей-ученых. Так, якутской теме в творчестве В.Г. Короленко посвящены работы Б.М. Беляевской, М.К. Азадовского, К.Ф. Пасютина, Н.П. Канаева, Г.К. Боескорова, К.И. Платоновой, О.И. Ивановой, М.Г. Михайловой, И.С. Емельянова и др.

О метафорах в творчестве В. Г. Короленко есть отдельная монография на тему использования писателем тропов. Это работа К. Платоновой "Средства и приемы экспрессии в сибирских рассказах В. Г. Короленко". Однако исследователя здесь в основном занимает скрупулезный статистический анализ, а метафора рассматривается только как языковой троп. Также и сама лирическая экспрессия по мнению Платоновой, как и по мнению многих других исследователей, принадлежит к периферическим

изобразительным средствам, дополняющим, украшающим, обогащающим основной смысл.

Принято различать метафоризацию общенародную и индивидуально-авторскую. Под первым видом подразумевается то метафорическое употребление слов, которое стало устойчивым и вошло в семантическую систему общенародного языка. Такие метафоры бытуют в разговорной речи народа, в устном народном творчестве и в художественной литературе. Индивидуально-авторские метафоры – это те метафоры, которые возникают в контексте художественных произведений писателя. Основой для рождения новых свежих метафор является необычные лексические связи, новое лексическое окружение, несвойственное для конкретно-вещественного значения слов.

Цель, методы и материалы

В современном литературоведении существует большое количество различных работ, посвященные изучению метафоры. Но несмотря на это, многие вопросы остаются не до конца изученными. Поэтому ученые изучают метафору с разных позиций: с лингвистической, литературоведческой, философской, психологической и.т.д. С каждым разом раскрываются новые аспекты изучения данной проблемы. Благодаря работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», опубликованной в 1980 г., изучение метафоры по сей день является актуальной. Актуальность данного исследования определяется:

1. Недостаточной изученностью метафоры-олицетворения в творчестве В.Г. Короленко;
2. Необходимостью представить на примере метафоры-олицетворения как индивидуальный авторский стиль В.Г. Короленко.

Цель работы заключается в том, чтобы изучить на примере сибирских рассказов В.Г. Короленко (на материале якутского цикла) функционирование метафоры-олицетворения. Для достижения данной цели выдвигаются следующие задачи:

1. Выявить особенности индивидуального стиля В.Г. Короленко;
2. Проанализировать текстовые фрагменты из сибирских рассказов с точки зрения художественной выразительности, создаваемой метафорами-олицетворениями.

Методом сплошной выборки из сибирских рассказов были отобраны различные метафоры-олицетворения. В данном исследовании используются общенаучные методы наблюдения и описания.

Материалом исследования послужили текстовые фрагменты, полученные методом сплошной выборки из сибирских рассказов В.Г. Короленко, в частности из рассказов "Сон Макара", "Соколинец". Для анализа были использованы В этих рассказах автор умело использует прием антропоморфизма. С помощью метафоры, олицетворения и других художественных средств выразительности оживляет, очеловечивает природу. Олицетворение сил природы всегда служит Короленко для раскрытия душевного состояния, мыслей и чувств человека. За счет метафоры-олицетворения окружающий мир оживает. Тем самым стираются грани между одушевленным и неодушевленным миром. Образность и выразительность переносных значений, их красота и впечатляющая сила зависят от индивидуально-авторского мастерства писателя, от его умения уловить тончайшие нюансы аналогии и контраста.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его теоретические и практические результаты могут быть использованы в преподавании

курсов «История русской литературы», «История якутской литературы». Статья может быть полезна филологам, исследователям, студентам высшего образования.

Основная часть

Помимо общеизвестных метафор В.Г. Короленко выработал свои индивидуально-авторские метафоры, основанные на олицетворении. Метафоризация, основанная на олицетворении, это «визитная карточка» Короленко, его своеобразный творческий почерк, который невозможно ни с кем спутать. Особенно богаты метафорами-олицетворениями рассказы «Сон Макара», «Соколинец».

Прием антропоморфизма это представление сил природы в человеческом образе. Например: *«Огонь весело переливался, отсвечивая сквозь матовые льдины»* [8]. *«Лучи луны, продираясь сквозь чащу, играли на золотой шерсти»* [8]. *«Мягкий свет сполоха, продираясь сквозь их вершины, ходил по ней, кое-где открывая то снежную полянку, то лежащие трупы разбитых лесных гигантов, запущенных снегом...»* [8].

Так, в рассказе «Сон Макара» с помощью олицетворения происходит резкая смена пространства. Перед смертью бедного Макара природа-мать настроена враждебно по отношению к нему: *«Тайга молчала. Она только смыкалась за ним с каким-то враждебным упорством и нигде не давала ни просвета, ни надежды. Между тем тайга все оживлялась, но оживлялась враждебно. Теперь молодые деревья прямо, без всяких стеснений, били его по лицу, издеваясь над его беспомощным положением. Теперь даже дальние деревья протягивали длинные ветви на его дорожку и хватали его за волосы, били по глазам, по лицу. Тетерева выходили из тайных логовищ и ... и громко рассказывали самкам про него... А зайцы ... хохотали, докладывая, что Макар заблудился и не выйдет из тайги»* [8].

А после чудного воскресения Макара, та же природа, которая издевалась над ним, стала смиренной и тихой: *«Теперь лиственницы стояли над ним смиренные, тихие, точно стыдясь прежних проказ. Яркие и добрые звезды заглядывали с синего неба сквозь частые ветви и как будто говорили: «Вот, видите, бедный человек умер. В воздухе так же тихо садились лучистые снежинки. ...темная тайга сама убегает от них назад, а высокие снежные горы точно таяли в сумраке ночи и быстро скрывались за горизонт. Потом из гребня возвышенности, на которую они поднялись, показался краешек давно закатившейся луны. Она как будто торопилась уйти, но Макар с попиком ее нагоняли. Наконец она вновь стала подниматься над горизонтом. Макар и не заметил раньше, что на равнине как будто сало светать. Прежде всего из-за горизонта выбежали несколько светлых лучей. Они быстро пробежали по небу и потушили яркие звезды. И звезды погасли, а луна закатилась. И снежная равнина потемнела»* [8]. *«Тогда над нею поднялись туманы и стали кругом равнины, как почетная стража. И в одном месте, на востоке, туманы стали светлее, точно воины, одетые в золото. И потом туманы заколыхались, золотые воины наклонились долу. И из-за них вышло солнце, и стало на их золотистых хребтах, и оглянуло равнину»* [8]. В данном рассказе пространство тайги вызывает у читателя амбивалентные чувства, так как автор очень умело использовал прием олицетворения природы.

Идея рассказа «Соколинец» – показ жизни вольных бродяг, дух товарищества, поиск любви, свободы. На тему бродяжничества Короленко написал несколько рассказов. Из них мы рассмотрим только рассказ «Соколинец», так как в нем автор вдоволь использовал прием олицетворения. Например: *«Последние слабые лучи понемногу*

уходили сквозь льдины окон из небольшой юрты; густая тьма выползала из углов, заволакивала наклонные стены, которые, казалось, все плотнее сдвигаются над головой» [8]. «...это снаружи сквозь оконные льдины тускло заглядывал в юрту мертвящий якутский мороз» [8]. «Минуты, часы безмолвною чередой пробегали над моею головой, и я спохватился, как незаметно подкрался тот роковой час...» [8]. «Туман стоял неподвижно, выжатый из воздуха сорокаградусным морозом, и все тяжелее налегал на примолкшую землю ...». [8]. «Вскоре в камельке, широко зиявшем открытую пастью в середине юрты, вспыхнул огонек зажженной мною лучины» [8]. Образ «огня» занимает ведущее место в творчестве Короленко. Огонь вызывает у него ощущение чего-то яркого, светлого, теплого. Огонь «оживает» благодаря антропоморфным олицетворениям: «Молчаливая юрта наполнилась вдруг говором и треском. Огонь сотней языков перебежал между поленьями, охватывал их, играл с ними, прыгал, рокотал, шипел и трещал. Что-то яркое, живое, торопливое и неугомонно-болтливое ворвалось в юрту, заглядывая во все ее углы и закоулки. По временам трескучее, разыгравшееся пламя стихало. Тогда мне было слышно, как, вылетая в короткую прямую трубу камелька, шипели, трескались в морозном воздухе горячие искры. Но через минуту огонь принимался за свою игру с новой силой, и в юрте раздавались частые взрывы, точно пистолетные выстрелы» [8]. «Я знал, что скоро веселый огонь станет смолкать; пламя лениво и томно потянется по раскаленному дереву, потом останется только куча углей, и по ним, нашептывая что-то, побегут огненные змейки, все тише, все реже...» [8]. «Камелек глянет в темноте слабою искоркою из-под пепла, точно из полузакрытого глаза, – глянет раз и другой, и ... заснет» [8]. Олицетворения «огонь перебежал между поленьями, прыгал, рокотал, шипел и трещал» позволяют рассматривать неодушевленное пространство как живое существо.

С помощью олицетворения неодушевленные объекты имеют способность пыhtеть, вздыхать, мыслить, говорить, играть: «Только плеск моря доносился снаружи, бежали с рокотом вдоль ватерлинии разбиваемые грудью парохода волны, да тяжелое пыhtение машины глухо отдавалось вместе с мерными ударами поршней» [8]. «Пароход, на котором они прожили столько времени, покачивался в темноте вздыхал среди ночи клубами белого пара» [8]. «Каменный берег весь стоном стонет, море на берег лезет!» [8]. «И никогда-то – может, и сами слышали, – никогда оно не молчит, море то. Все будто говорит что-то, песню поет али так бормочет...» [8]. «Земля лежит громадная, необъятная, грустная, вся погруженная в тяжелую думу. Нависла молчаливая, тяжелая туча...» [8]. «На полу юрты, прорезавшись сквозь льдины, играли косые лучи солнца» [9].

Вывод

В заключении стоит отметить, что Владимир Галактионович Короленко в своих сибирских рассказах, а именно в рассказах "Сон Макара" и "Соколинец" использует прием антропоморфизма. С помощью метафоры, олицетворения и других художественных средств выразительности оживляет, очеловечивает природу. Олицетворение сил природы всегда служит Короленко для раскрытия душевного состояния, мыслей и чувств человека. За счет метафоры-олицетворения окружающий мир оживает. Тем самым стираются грани между одушевленным и неодушевленным миром. В.Г. Короленко в основном олицетворяет объекты как живого, так и неживого. «Очеловеченная» природа нередко становится враждебной по отношению к человеку «Теперь молодые деревья прямо, без всяких стеснений, били его по лицу, издеваясь над его беспомощным

положением. Теперь даже дальние деревья протягивали длинные ветви на его дорожку и хватали его за волосы, били по глазам, по лицу», а иногда испытывает чувство стыда «Теперь лиственницы стояли над ним смиренные, тихие, точно стыдясь прежних проказ». Что касается объектов неживого мира, то они не просто олицетворяются, но наделяются некими способностями «Пароход, на котором они прожили столько времени, покачивался в темноте вздыхал среди ночи клубами белого пара».

Образность и выразительность переносных значений, их красота и впечатляющая сила зависят от индивидуально-авторского мастерства писателя, от его умения уловить тончайшие нюансы аналогии и контраста.

Таким образом, В.Г. Короленко умело использует индивидуально-авторские метафоры-олицетворения в своих сибирских рассказах, что доказывает данная статья.

Библиография

1. Башарина З.К. Актуальные проблемы литературного процесса Якутии в XXI веке: учебное пособие. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. – 220 с.
2. Башарина З.К. Взаимодействие русской и якутской литератур в XX веке (история и проблемы взаимосвязей): монография. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.
3. Боескоров Г.К. Мастерство Н.Е. Мординова. Якутск. кн. изд-во, 1973. – 240 с.
4. Введение в литературоведение: Учеб. для филол. спец. ун-тов / Г.Н. Пospelов, П.А. Николаев, И.Ф. Волков и др.; Под ред. Г.Н. Пospelова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1998. – 528 с.
5. Введение в литературоведение: учебник / Под. общ. ред. М. Крупчанова. Москва: Оникс, 2005. – 416 с.
6. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. М.: Флинта, 2017. – 248 с.
7. Иванова О.И. Влияние якутской действительности на эволюцию константных мотивов в творчестве В.Г. Короленко: монография / О.И. Иванова. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 144 с.
8. Короленко В.Г. Повести и рассказы. М., «Худож. лит.», 1978. – 366 с.
9. Короленко В.Г. Саха сириҥ туһунан / В. Г. Короленко; [Николай уонна Авксентий Мординовтар тылб.]. Якутскай: Саха сириҥээби кинигэ изд-вата, 1954. – 362 с.
10. Кулик Л.С. Сибирские рассказы В.Г. Короленко. Киев, 1961. – 60 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 241 с.
12. Платонова К.И. Средства и приемы лексической экспрессии в сибирских рассказах В.Г. Короленко: Монография. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2003. – 170 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья ««Метафора-олицетворение» в сибирских рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению творчества писателя, в том числе изданного на

языке одной из народностей Российской Федерации.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению творчества В. Г. Короленко, столь масштабное литературное наследие до настоящего времени не изучено в полной мере, и по сей день творчество Короленко вызывает большой интерес среди исследователей-ученых.

Целью этой статьи является изучение функционирования метафоры-олицетворения в прозе.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения.

Теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на русском языке, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что сам объем работы меньше, чем указано в требованиях, опубликованных на сайте журнала (https://nbpublish.com/fmag/info_106.html), где указан рекомендуемый объем от 12 000, а рецензируемая статья с пробелами насчитывает всего 8626 знаков.

Структурно во введении отсутствует постановка проблематики, четких целей и задач, что не позволяет сопоставить вводную часть с выводами по итогам работы.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 11 источника, среди которых представлены работы исключительно российских исследователей. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Считаем, что обращение к работам зарубежных авторов по сходной тематике, несомненно, обогатило бы теоретическую оставляющую работы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, грамматические и стилистические ошибки не выявлены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, литературоведческой стилистики, а также для дальнейшего изучения творчества писателя. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья ««Метафора-олицетворение» в сибирских рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после увеличения объема работы до рекомендуемых значений, усиления теоретической составляющей исследования, усиления библиографии и структурирования выводов согласно выдвинутым задачам.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Художественная манера В.Г. Короленко в отличие от ряда других писателей конца XIX – начала XX века индивидуальна, неповторима. Тексты автора привлекают сюжетом, образной системой, тематикой, и, конечно же, языком – образным, условным, метафорическим. Как отмечает автор статьи, «и по сей день творчество Короленко вызывает большой интерес среди исследователей-ученых. Так, якутской теме в творчестве В.Г. Короленко посвящены работы Б.М. Беляевской, М.К. Азадовского, К.Ф. Пасютина, Н.П. Канаева, Г.К. Боескорова, К.И. Платоновой, О.И. Ивановой, М.Г. Михайловой, И.С. Емельянова и др.». В рецензируемой работе остановка сделана на анализе «метафоры-олицетворения» в сибирских рассказах В.Г. Короленко на материале якутского цикла. Собственно это и определяет научную новизну исследования. Обоснованность выбора темы, на мой взгляд, вполне убедительна: «О метафорах в творчестве В. Г. Короленко есть отдельная монография на тему использования писателем тропов. Это работа К. Платоновой "Средства и приемы экспрессии в сибирских рассказах В. Г. Короленко". Однако исследователя здесь в основном занимает скрупулезный статистический анализ, а метафора рассматривается только как языковой троп. Также и сама лирическая экспрессия по мнению Платоновой, как и по мнению многих других исследователей, принадлежит к периферическим изобразительным средствам, дополняющим, украшающим, обогащающим основной смысл». Таким образом, данный труд целеположен, конструктивен, научно строг. Цель работы задает исследованию конкретность: она «заключается в том, чтобы изучить на примере сибирских рассказов В.Г. Короленко (на материале якутского цикла) функционирование метафоры-олицетворения». Методом сплошной выборки из сибирских рассказов Короленко были отобраны различные метафоры-олицетворения для точечного анализа / оценки их функционирования. В исследовании используются общенаучные методы наблюдения и описания. Думаю, что подход вполне оправдан, серьезных разночтений в этой части нет. Автор основной акцент делает на систематизацию примеров использования «метафоры-олицетворения», что в режиме лингвистического исследования уместно. Материал не так велик по объему, но основная цель работы все же достигнута. Отмечу, данная статья может быть продолжена в смежном тематическом режиме, ибо другие тексты В.Г. Короленко тоже содержат указанный прием художественного описания. Стоит поправить следующие моменты: «Для анализа были использованы В этих рассказах автор умело использует прием антропоморфизма...», или «Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его теоретические и практические результаты могут быть использованы в преподавании курсов «История русской литературы», «История якутской литературы». Статья может быть полезна филологам, исследователям, студентам высшего образования» и т.д. Работы стоит вычитать, внести коррективу. Материал имеет самостоятельно-законченный вид, тема нетривиальна, хотя исследования в этом русле имеются. Думаю, что преимущество показатель стабильности внимания и к автору, и к методологии разбора. В финале автор отмечает, что «Владимир Галактионович Короленко в своих сибирских рассказах, а именно в рассказах "Сон Макара" и "Соколинец" использует прием антропоморфизма. С помощью метафоры, олицетворения и других художественных средств выразительности оживляет, очеловечивает природу. Олицетворение сил природы всегда служит Короленко для раскрытия душевного состояния, мыслей и чувств человека. За счет метафоры-олицетворения окружающий мир оживает. Тем самым стираются грани между одушевленным и неодушевленным

миром». С данным выводом стоит согласиться, он функционально оправдан. Основные требования издания учтены, стиль, язык соотносятся с научным типом, факторы диалога наличны. Серьезных нарушений в работе не выявлено, материал удобно использовать в рамках изучения «Истории литературы», «Стилистики», «Практической стилистики». Рекомендую статью ««Метафора-олицетворение» в сибирских рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Найденова Р.Р. Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70207 EDN: LVDBFS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70207

Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд

Найденова Роксана Романовна

ORCID: 0000-0002-6821-3470

соискатель, кафедра зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького

107207, Россия, г. Москва, ул. Байкальская, 30/2

✉ roksa-moon@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70207

EDN:

LVDBFS

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является литературная игра Маргарет Этвуд, включающая в себя работу с мифами, мировой историей и литературой. Маргарет Этвуд (р. 1939) – известная современная канадская писательница, поэтесса, литературовед и критик. Среди ее работ роман «Рассказ Служанки» (1985) и его продолжение – «Заветы» (2019), а также фантастическая трилогия «Безумный Аддам» (2003–2013). О чем бы ни писала М. Этвуд, ее произведения – это всегда история, сложный и многоуровневый нарратив, в центре которого стоит фигура рассказчика. Начавшая литературную деятельность в расцвет постмодернизма, М. Этвуд соединяет в своем творчестве многие черты этого направления: литературная игра, переосмысление архетипических образов и традиций, деконструкция. Беря за основу наработки зарубежных и отечественных исследователей творчества М. Этвуд, а также изысканиях в сфере литературоведения самой М. Этвуд, мы описываем то, как М. Этвуд изучает, разбирает и воссоздает заново известные паттерны на новой почве – в канадской словесности. Основными выводами проведенного исследования являются: 1) Будучи

представительницей молодой канадской литературы без сформированного культурного и литературного пласта, М. Этвуд заимствует из общемировой литературной традиции, а также мифологии и фольклора, героев и образы, которые стремится «привить» на новой канадской почве. 2) Деконструкция М. Этвуд – это не разрушение, разбор устоявшейся традиции, а, наоборот, попытка ее создания за счет присвоения и ассимиляции чужих традиций. 3) М. Этвуд, как правило, берет за основу древнегреческие и европейские мифы и сказки. 4) Работая с героями бродячих сюжетов и хрестоматийных произведений (Шекспир), М. Этвуд часто прибегает к переворачиванию устоявшегося представления о персонажах, создавая допдельгангеров и «оборотней».

Ключевые слова:

Маргарет Этвуд, Канадская литература, канадская идентичность, литературная игра, миф, фольклор, архетип, литературный персонаж, ненадежный рассказчик, допдельгангер

Маргарет Этвуд (р. 1939 г.) — современная канадская писательница, поэтесса и критик. На сегодняшний день она является одним из самых читаемых англоязычных авторов в мире. Ее произведения удостоивались многих наград и премий. Среди них две Букеровские премии, премия Артура Кларка, Дублинская литературная премия и многие другие. Начинала М. Этвуд как поэтесса. Ее первый сборник стихов «Двойная Персефона» увидел свет в 1961 г. Но наибольшую популярность писательнице принесла ее крупная проза. Первый роман М. Этвуд «Съедобная женщина» был опубликован в 1969 г. А первый сборник рассказов вышел в 1977 г.

Самой популярной книгой автора и по сей день остается «Рассказ Служанки», опубликованный в 1985 г. В 2019 г. вышло продолжение «Заветы». На втором месте расположилась фантастическая трилогия «Безумный Аддам», включающая в себя следующие романы: «Орикс и Крейк» — 2003 г., «Год потопа» — 2009 г. и «Безумный Аддам» — 2013 г. Все выше перечисленные произведения М. Этвуд относит к так называемой концептуальной или философской фантастике (в оригинале: *speculative fiction*). Между научной и концептуальной фантастикой писательница видит строгое различие: научная фантастика говорит о вещах отвлеченных и умозрительных, а концептуальная фантастика работает с тем, что существует уже сейчас. Концептуальная фантастика концентрируется на той или иной тенденции современного мира (общество потребления, угроза экологической катастрофы и др.) и пытается проследить ее путь до логического завершения [\[11\]](#). Отсюда и само слово «спекуляция» — то есть определенный взгляд на выбранную проблему. «Впервые словосочетание *speculative fiction* было использовано известным американским фантастом Робертом Ханлайном в 1947 году» [\[7\]](#).

В каком бы литературном направлении ни творила М. Этвуд, ее произведения — это всегда истории, сложные многоуровневые нарративы, в центре которых всегда стоит образ рассказчика. Тексты писательницы — это всегда тотальное пространство ее героев. М. Этвуд, как правило, не позволяет себе ни слова «от себя». Читатель призван смотреть на созданные ею миры исключительно глазами персонажей. Воля же самого автора проявляется в том, кому именно из героев дать право голоса и в какой последовательности. Иногда в книгах М. Этвуд всего один рассказчик, как в романах «Съедобная женщина» и «Постыжение» (1972 г.) или несколько, как в романах «Жизнь

до людей» (1979 г.) и «Слепой убийца» (2000 г.). Но может быть целый коллектив рассказчиков, как в трилогии «Беззумный Адам». Рассказчики М. Этвуд — не сторонние наблюдатели событий, они включены в действие самым непосредственным образом и всегда являются главными героями собственных историй. Судьба героя напрямую зависит от его истории, поэтому у него возникает множество причин, как сказать правду, так и солгать. ^[12] Читатели и слушатели в данной ситуации выступают в роли судей и присяжных на судебном заседании, которые решают верить или не верить словам героя, но убедиться в их правоте или ложности никак не могут.

Образ суда — один из самых распространенных в творчестве М. Этвуд. Он может быть представлен как реальное судебное заседание, например, в романе «Она же Грейс» (1996 г.), или как посмертный суд над душой героя, как в романе «Пенелопида» (2005 г.), или как суд потомков, например, симпозиум ученых будущего в «Рассказе Служанки и «Заветах».

Следуя традиции постмодернистской литературы, М. Этвуд играет с героями и читателями. Ее рассказчиками часто становятся мифологические герои, реально существовавшие люди и даже персонажи-аллюзии на других всемирно известных литературных героев. С помощью подобных отсылок М. Этвуд осовременивает и актуализирует вечные для искусства темы человеческой судьбы, творчества, справедливости и возмездия: [«Такие метаморфозы, такая подвижность, постоянство и смещение атрибутов и сил является отличительной чертой мифов и сказок, а также серьезной готической литературы. И, как показывают семь опубликованных романов Этвуд, ее поэзия и другие книги, такие метаморфозы можно считать также отличительной чертой музыки Маргарет Этвуд.» [10]

Далее мы на конкретных примерах рассмотрим, какие именно мифологические, исторические и литературные образы интересуют М. Этвуд и с какими собственными идеями она их связывает.

Начнем с мифологических персонажей. Наиболее излюбленным сюжетом писательницы можно считать миф о путешествии Одиссея, а также мифы, посвященные загробному царству Аида. Однако, несмотря на центральную фигуру царя Итаки, писательница обращается в основном к женским образам Одиссея ^[11]. Среди них Пенелопа, Елена, Цирцея, служанки Пенелопы, сирены и многие другие. Так роман «Пенелопида» представляет собой попытку переосмыслить известный миф с точки зрения жены Одиссея — преданной Пенелопы, что ясно уже из названия книги. В «Пенелопида» два ключевых рассказчика: один — сама царица Итаки, другой — коллективный голос ее служанок. Пенелопа и служанки выступают на судебном заседании, происходящем уже на том свете. У каждой стороны своя версия событий. Благодаря спорам и поиску мотивов, М. Этвуд дает читателю совершенно разные версии Пенелопы. Из верной супруги она превращается в хитрую изменницу и обратно ^[6]. В стихах, посвященных отношениям Цирцеи и Одиссея, из сборника «Ты счастлив» (1974 г.) М. Этвуд описывает героев на волшебном острове безвременья. И снова образ Цирцеи превалирует над образом гостя. Цирцея изображена уставшей, потерянной, она жаждет настоящей жизни за пределами волшебного острова. И Пенелопа, и Цирцея, и служанки предстают перед читателями разочарованными, прожившими жизнь женщинами. Их жалобы обращены к нам, людям XXI-го века. Мифологические герои М. Этвуд существуют и в прошлом, и в настоящем, они знают о современности не меньше, чем слушатели. И это отражается на их сохрании и способе мышления: «Даже в заключительной части стихотворения, когда, кажется, героиня возвратилась в историю, она говорит с самоотстранением, которое

выводит ее сознание за пределы временных рамок, в чьих границах существует ее тело и где оно главным образом определяется как предмет в пространственной схеме...» [9] Истории героинь — запрос на переосмысление старых взглядов на повествование в принципе. Благодаря вводу изначально второстепенных лиц в историю и приданию им глубины в современном понимании этого слова, М. Этвуд показывает один миф с совершенно разных сторон, доказывая, что у истории не может быть единственного главного героя и единственной правильной точки зрения на происходящее. Наоборот, смена фокализации приводит к пристраиванию всего сюжета и возникновению новой интерпретации.

Помимо архетипических и мифологических образов, М. Этвуд часто обращается к реальным историческим событиям и персонажам. Интерес к исторической и документальной прозе в канадской литературе зародился, по наблюдениям писательницы, относительно недавно. Это связано, прежде всего, с тем фактом, что само государство Канада — достаточно молодое образование. И канадская литература даже по самым оптимистичным данным насчитывает не более двухсот лет. Само же понятие «канадская литература» возникло лишь в середине прошлого века. Современные канадские писатели старшего поколения, к которым относит себя и М. Этвуд, помнят то время, когда в канадских школах преподавали исключительно английскую и американскую литературу. Подобное пренебрежительное отношение к собственной культуре лежит в колониальном сознании канадцев, привыкших оглядываться на метрополию и следовать примеру своего могущественного соседа [8].

М. Этвуд позиционирует себя именно как канадского автора. В своей литературоведческой книге «Выживание: Гид по современной Канадской литературе» (1972 г.) автор описывает основные отличительные черты канадской литературы. Ключевым в ее концепции является дихотомия двух главных образов — жертвы и мучителя (в оригинале *victim/victor*). По мнению М. Этвуд, канадские авторы, как правило, пишут от лица жертвы. В роли мучителя могут выступать, как конкретные лица, персонажи, так и природные стихии, злой рок и т. п.

Главным художественным произведением писательницы, затрагивающим тему канадской идентичности, является известный роман «Она же Грейс», повествующий о судьбе реально существовавшей девушки Грейс Маркс (1828-1873). В 1843 г. ее обвинили в сговоре и двойном убийстве. Предполагаемого сообщника повесили, а Грейс Маркс заключили в психлечебницу, а потом — в тюрьму. История М. Этвуд — это попытка дать слово самой Грейс. Находясь в заключении, девушка рассказывает историю своей жизни американскому доктору, приехавшему, чтобы провести свою экспертизу о состоянии героини. Грейс приехала в Канаду из Ирландии в поисках лучшей доли, но и здесь она находит всю ту же бедность. Тяжелая работа, несправедливость нанимателей, жестокое обращение, а потом суд, лечебница и тюрьма меняют личность рассказчицы. Приехав ирландкой, из тюрьмы она выходит уже канадкой. Так, казалось бы, детективный сюжет на фоне исторических событий превращается в историю о взрослении и становлении молодой страны [3].

Часто М. Этвуд обращается к уже готовым сюжетам, известным литературным персонажам. Одним из примеров может стать роман «Кошачий глаз» (1988 г.), раскрывающий тему детства женщины, сложных взаимоотношений между подростками [4]. Главная героиня и рассказчица Элейн страдает от издевательств со стороны когда-то хорошей подруги Корделлии. Имя подруги — прямая отсылка к трагедии «Король Лир» Шекспира. Только в книге М. Этвуд Корделлия, напротив, оказывается злейшей из

подруг. Несмотря на сложные отношения, судьбы Элейн и Корделлии оказываются неразрывно связаны: каждый раз, когда дела Элейн идут в гору, Корделлия переживает неудачу и наоборот. Корделлия становится музой и доппельгангером главной героини [5]. Сюжет другого романа «Невеста-разбойница» (1993 г.) строится вокруг борьбы трех главных героинь с коварной Зенией, которая является прямой аллюзией на сказку братьев Гримм «Жених-разбойник»: «Заглавие романа является аллюзией на одну из сказок братьев Гримм, «Похититель невест», в которой привлекательный молодой человек входил в доверие к девушкам, объявлял себя их женихом, а затем увозил их в свой замок и там предавал мучительной смерти — по аналогии с тем, как поступала с соблазненными мужчинами Зиния» [2]. В одном из самых известных произведений писательницы «Слепой убийца» главная героиня Айрис пишет мемуары о своей покойной младшей сестре Лауре. Роман затрагивает болезненные темы соророфобии — боязни сестры и соперничества между близкими людьми. Таинственная Лора — отсылка к образу Лауры Петрарки. Лора в романе «Слепой убийца» тоже выступает как вдохновительница и муза для своей выжившей старшей сестры.

Прибегая к аллюзиям на героев мировой литературы, М. Этвуд всегда сильно меняет, переворачивает изначальный образ. Те герои, которые воспринимаются в общем сознании, как положительные — Корделлия, Лаура — приобретают черты темных двойников, пересмешников. Те же, кто обычно изображается отрицательными — жених-грабитель — становятся спасателями и помощниками.

Затрагивая в своем творчестве мифологические, исторические и общелитературные сюжеты и их героев, М. Этвуд стремится переосмысливать и перерабатывать устоявшиеся паттерны и концепции, чтобы пробудить к ним новый интерес и открыть в них еще не рассмотренные грани. Особенный способ повествования — от первого лица — позволяет самим героям рассказать о себе в свойственной только им манере. Такая фокализация позволяет проследить работу человеческого сознания на примере литературных героев. Вопросы о взаимодействии памяти и фантазии, о восприятии времени и пространства, из книги в книгу поднимаемые писательницей, актуальны во многих сферах современной науки, философии и литературы.

Библиография

1. Гранкина, Е. В. Трансформация мифа о Пенелопе в аспекте гендерного анализа в романе Маргарет Этвуд "Пенелопида" // Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: Materials of the III international scientific conferenc, Prague, 07–08 ноября 2018 года. – Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. – С. 35-37.
2. Комаровская, Т. Е. Авторские стратегии в романе М. Этвуд "Похитительница женихов" // Антропология времени : сборник научных статей. – Гродно : Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2017. – С. 287-292.
3. Найденова, Р. Р. Поиск Канадской идентичности в творчестве Маргарет Этвуд // Научные труды молодых ученых-филологов : Материалы Международной конференции молодых ученых-филологов, Москва, 13–16 октября 2021 года. Том XXI. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Агентство "Литера", 2022. – С. 84-89. – EDN CHLYQK.
4. Найденова Р. Р. Протофеминизм Маргарет Этвуд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. №11 (866).; 7 стр.
5. Найденова, Р. Р. Роль двойника в построении нарратива у Маргарет Этвуд // Мотив,

- фабула, сюжет в литературе и искусстве: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 23 апреля 2022 года. Том Выпуск 25. – Санкт-Петербург: Лема, 2022. – С. 55-59. – EDN LOYANO. 5 стр.
6. Найденова Роксана Романовна. Состязание Пенелопы и Елены Троянской в «Пенелопаде» и других романах Маргарет Этвуд // Наука и школа. 2022. №6.
 7. Ризванова Д. И., Хрущева О. А. Спекулятивная фантастика как жанр современной литературы / Д. И. Ризванова, О. А. Хрущева // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 227-229.
 8. Atwood, Margaret. "In Search of Alias Grace: On Writing Canadian Historical Fiction." The American Historical Review, vol. 103, no. 5, [Oxford University Press, American Historical Association], 1998, pp. 1503–16.
 9. Frank Davey. Atwood's Gorgon Touch [Seven books of poetry, from Double Persephone to You Are Happy]. From Studies in Canadian Literature 2, no. 2 (Summer 1977): 146–63.
 10. McCombs, Judith. "'UP IN THE AIR SO BLUE': VAMPIRES AND VICTIMS, GREAT MOTHER MYTH AND GOTHIC ALLEGORY IN MARGARET ATWOOD'S FIRST, UNPUBLISHED NOVEL." The Centennial Review, vol. 33, no. 3, Michigan State University Press, 1989, pp. 251–57.
 11. Rothschild M. Margaret Atwood Interview // URL: <https://progressive.org/magazine/margaret-atwood-interview/> (дата обращения: 27.04.2022).
 12. Stanley, Sandra Kumamoto. "The Eroticism of Class and the Enigma of Margaret Atwood's 'Alias Grace.'" Tulsa Studies in Women's Literature, vol. 22, no. 2, University of Tulsa, 2003, pp. 371-386.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения творчества современной канадской писательницы, поэтессы и критика, так и обращения к вопросам рецепции мирового культурного наследия в ее художественных текстах.

В статье автор на конкретных примерах рассматривает, какие именно мифологические, исторические и литературные образы интересуют М. Этвуд и с какими собственными идеями она их связывает.

Работа является теоретической, вносит определенный вклад в теорию литературы. Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенаучные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения. Данная работа выполнена

профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Собственно говоря, заключение в научном понимании в рассматриваемой статье отсутствует.

Библиография статьи насчитывает 12 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском, так и иностранном языках. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически небрежно оформлены источники 6 и 10.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях в области современной англоязычной литературы Северной Америки. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мифологические герои, исторические личности и персонажи мировой литературы в творчестве Маргарет Этвуд» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гайбарян О.Е., Мясичев Г.И., Косых А.О., Попов А.М. Прагмалингвистический аспект выбора речевых единиц в авторских стратегиях памятников литературы XV – XVI вв // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70183 EDN: MCXWIC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70183

Прагмалингвистический аспект выбора речевых единиц в авторских стратегиях памятников литературы XV – XVI вв

Гайбарян Ольга Ервандовна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Теория и история мировой литературы", Южный федеральный университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ gaibaryan@sfedu.ru

Мясичев Георгий Игоревич

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, г. Ростов-На-Дону, Гагарина, 1, оф. 8603a

✉ georgy-2583@yandex.ru

Косых Алексей Олегович

студент, кафедра "Мировые языки и культуры", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ dgtu.kafedraos@yandex.ru

Попов Александр Максимович

студент, кафедра "Мировые языки и культуры", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ myasisheva.marine@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70183

EDN:

MCXWIC

—

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2024

Аннотация: Предметом исследования являются тексты памятников литературы XV – XVI вв. Объектом исследования выступают авторские стратегии, которые изучаются с позиции двух современных направлений науки: когнитивной и прагматической лингвистики. Реакция аудитории на убеждение со стороны автора обуславливается коммуникативными факторами воздействия речи на сознание читателя и определяется витальной связью языка и мышления. Поэтому вопросы речевого воздействия (прагматическая проблема) и когниций на естественном языке (проблема когнитивной лингвистики) должны рассматриваться в синтезе. Этот подход, по мнению авторов, дает возможность наиболее полно изучить предметную сторону исследования и достичь поставленных целей. Целью исследования является рассмотрение вопроса о возможности классификации речевых единиц текстов памятников литературы XV – XVI вв. с позиции синтеза когнитивного и функционально-прагматического путей изучения текста. Задачами выступают обоснование возможности синтеза лингвокогнитивного и функционально-прагматического методов изучения авторских стратегий, а так же классификация речевых единиц текста памятников XIV – XVI вв. по авторским стратегиям. Цели и задачи определяют методы исследования. Методами исследования являются концепт-анализ и функционально-диагностический метод прагмалингвистики. Возможность категоризации концептов позволяет кластеризировать их и представить в виде единств (кластеров) по основному признаку. Функциональный характер выбора единиц, выступающих как воздействующий инструментарий, формирующий отношение читателя к тексту, автору, идеям конкретного автора или группы в целом. Новизна данной работы заключается в возможности сочетать подходы когнитивной лингвистики и функциональной прагмалингвистики к изучению авторских стратегий, что ранее широко не практиковалось исследователями. Достигнутые результаты позволяют сделать вывод о возможности применения данного синтетического подхода к исследованиям в области текстологии, авторских стратегий, речевого образа автора, речевого портретирования. Выявленные в текстах стратегии выступают как кластеры концептов, в свою очередь составляющие основной функционально-прагмалингвистический инструментарий, реализующий авторские интенции и обеспечивающий перлокутивный эффект текста. Когнитивно-прагматическая составляющая авторских стратегий воздействия структурируется, главным образом, вокруг идейно-религиозной борьбы. На втором месте оказываются государственно – и частно-деловые отношения, нередко смешивающиеся в единое концептуально-прагматическое пространство.

Ключевые слова:

функциональная прагмалингвистика, авторская стратегия, концепт-анализ, древнерусские тексты, когнитивная лингвистика, речевой портрет, речевые единицы, перлокутивный эффект, авторские интенции, средневековая литература

Прагматический характер выбора языковых единиц автором текста определяется изменчивостью знаковых систем. Это свойство языка, и как любое языковое свойство, тесно связано с мышлением автора. Сущность выбора говорящим одного системного

элемента из совокупности вариантов может быть раскрыта с как смешанное, гибридное явление, когда акцентирование (собственно выбор) делается на неоднородности признаков выбранной единицы или как фиксация внимания на количественном составе определяющих его природу признаков.

Целью статьи является освещение вопроса о возможности классификации речевых единиц текстов памятников литературы XV – XVI вв. с позиции синтеза когнитивных и функционально-прагматических подходов.

Задачами являются:

1 . Обоснование возможности синтеза лингвокогнитивного и функционально-прагматического подходов к изучению авторских стратегий

2 . Классификация речевых единиц текста памятников XIV – XVI вв. по авторским стратегиям

Методами исследования являются концептуальный анализ и функционально-диагностический метод прагматической лингвистики. Возможность категоризации концептов позволяет кластеризовать их на основании определенных сходств и представить в виде единств (кластеров) по основному признаку. В текстуальной форме кластеры выступают в виде семантических полей.

С позиции прагматической лингвистики выступает язык как система языковых единиц, семантику которых определяет автор высказывания, Функциональный характер выбора единиц основывается на интуитивном положительном опыте воздействия на собеседника, объединяемом в профессиональный опыт группы (писатели, проповедники, государственные деятели и т.д.). Отсюда речевые единицы выступают как воздействующий инструментарий, формирующий отношение читателя к тексту, автору, идеям конкретного автора или группы в целом. Детерминация речевых единиц и их сравнение с концептами предполагает выявление авторских стратегий как систем воздействия речи на мышление человека. В речевом потоке семантические значения формируются за счет разного количества гетерогенных компонентов, что закономерно обуславливает нечеткость их упорядочивания и привязку к конкретике коммуникативного акта.

Сочетание прагматического и когнитивистского подходов к языку позволяет глубже понять природу речепорождения и обусловленность коммуникации «автор – читатель» в исторической ретроспективе. Современное сравнительно-историческое языкознание, интерпретируя и изучая тексты, обращается к личности говорящего и пишущего и реконструирует не только формально-лингвистическую, но и речевую, социально-антропологическую сторону коммуникации. Поэтому углубление знаний о ментальности и побудительных причинах выбора речевых единиц позволяет больше и полнее понять специфику речевого общения изучаемого периода, интенции и перлокуцию авторских текстов XV – XVI вв.

Концепт – термин когнитивной лингвистики, который обозначает «базовые единицы мышления» [1]. Концепт выступает как основа для выделения некой совокупности языковых средств, находящихся с концептом в отношениях репрезентации [2]. «Концепт – (лат. «схватывание, восприятие») - процесс «схватывания» смыслов вещей в единстве речевого высказывания» [3].

Представители когнитивного направления в филологии считают, что язык и написанный

на нем текст представляет собой определенную систему концептов, позволяющую воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, поступающий из окружающего мира^[4,5]. Возможность категоризации концептов позволяет кластеризовать их на основании определенных сходств и представить в виде единств по основному признаку. В текстуальной форме кластеры выступают в виде семантических полей.

С позиции прагмалингвистики выступает язык как система узуальных единиц, семантику которых определяет автор высказывания, причем в непосредственной речи данные единицы выбираются мгновенно, без предварительного обдумывания, как результат сложного когнитивно-психологического процесса оценки речевой ситуации, собеседника, характера, целей и вероятных результатов беседы^[1,6]. Спонтанный характер непосредственного речевого общения демонстрирует степень речевых привычек и шаблонов, включая отличия от литературной нормы^[7]. Семантическое значение по природе своей не сводимо к набору однотипных в гносеологическом отношении компонентов, а опирается на сиюминутное и интуитивное восприятие человеком объективной действительности и коммуникативной ситуации в конкретный отрезок времени^[8]. В речевом потоке семантические значения формируются за счет разного количества гетерогенных компонентов, что закономерно обуславливает нечеткость их упорядочивания и привязку к конкретике коммуникативного акта^[9].

Мотивированность выбора той или иной речевой единицы определяется речевым опытом, образованием, чувством языка и пониманием уместности, что является собою синтез когнитивных и прагматических тенденций речепорождения^[10].

Рассмотрим основные, по нашему мнению, концепты, которые отражены в ментальности и текстах авторов художественных произведений XV – XVI вв. и в вариативном выборе семантико-стилистических единиц авторами текстов. Для этого авторами были проанализированы свод памятников XV – XVI вв., объемом 11 000 речевых единиц.

Специфика литературной полемики XV века во многом определяется политической и идеологической борьбой, вызванной формированием единого государства на базе феодальных полунезависимых княжеств и первыми религиозными противоречиями в русском православии^[11,12]. В этой связи, авторы произведений в большей степени концептуализируют собственные идеалы, опираясь не столько на обобщенную традицию, сколько на личные убеждения и понимание сути происходящих процессов.

Анализ частотного употребления лексем массива текстов литературных памятников и их прагматические связи внутри текстов позволяет специфицировать основные особенности авторских стратегий, присущие всем авторам как типичным языковым личностям своей эпохи.

Речевые единицы возможно сгруппировать по авторским стратегиям воздействия, выражающим определенный концепт.

Первую стратегию авторского воздействия можно выделить как стратегию «Праведная жизнь». Она позиционируется с позиций, предполагающих конкретику нормативного православного течения в противовес «ересям», поэтому ее семантическое поле содержит антонимические параллелизмы, имеющие внутренние структурные связи между конкретными единицами (Например, *молитва=молитвенное стояние=молитвенное утешение=литургическое утешение*). Данную стратегию можно рассмотреть в единстве со

стратегией «Борьба с ересью». Речевые единицы писателей этой стратегии содержит лексемы: *блаженный* = *блаженнейший* (субстантивированное сущ.); *благочестие* = *благолепие* = *благолепное житие* = *благочестивое житие*; *церковь*, *Пресвятая Богородица* = *(Дева) Мария*; *грех* = *еретический грех* = *ереси греховные* = *греховная жизнь в ереси*; *владыка* = *князь* = *отец/отче Небесный*; *сотвори* = *сотвориши* = *сотворяши*; *пророк* = *уста Господни*; *явихъ милосердие* = *помилуй*, *милостью божьей* = *божьим/божиим промыслом пасомые*; *Дух Святой Сын* = *возлюбленных отцах и братьях, божественной любви* и т.д. Наблюдается определенное совмещение концептов «Бог» = «Праведная жизнь» в ментальности и прагматической практике писателей.

Выявляется главная коммуникативная стратегия автора – создание антагонистических параллелей, на интуитивно-стереотипном уровне формирующая точку зрения читателя. Антагонистические параллели представлены рядами *брать-врагъ*, *грехъ-благодать*, *ересь-благодать*, *благочиние-ересь*, *ложь-благодать*, *ложь-богъ*.

Стратегия «Религиозный подвиг» описывает цель и задачи каждого православного в земной жизни. Кроме традиционных лексем «*святой*, *подвижникъ*» и др., в нее включаются лексемы, связанные с деятельностью мирских лиц и религиозных деятелей, не являющихся святыми. Например, *князь*, *епископе*, *монашь*. В текстах эти лексемы включены в контекст, подчеркивающий, что их религиозный подвиг начался до того, как они получили благодать свыше, и что именно своим трудом они заслужили эту благодать. [13]

Стратегии «Государственность», «Закон» и «Царь» в литературно-публицистическом употреблении значительно сближаются и выходят на доминирующий уровень наравне с религиозными стратегиями. В центре стратегии «Государственность» оказываются слова *страна* (в значении государство), *Москва*, *Тверь*, *Владимирь*, *Киев* и др. (в значении государства и государственных центры), *право* (в значении власть), *власть*. Ядро стратегии «Закон» составляют лексемы *право*, *власть*, *закон*, *слово* (в значении способ управления), *дар*, *справедливость* и *воздаяние* (идут, как правило, всегда в паре), *свобода*, при этом их конкретное речевое употребление варьируется и они выступают друг в отношении друга как контекстуальные синонимы.

Стратегию «Царь» составляют лексемы *царь*, *Великий князь* (речевой вариант слова *царь*), *князь*, *Великий государь*, *государь* (речевые варианты слова *царь*) со значением «высшая власть/высший правитель». В окологерной зоне стратегии оказываются лексемы *власть*, *закон* и *право*, *право* (в значении справедливость), *деяние*, *предназначение* и *предназначение*. На периферии концептов оказываются *дело*, *знать* (высшее сословие), *промысел* (размышление, рассудочная деятельность), *власть* (в значении возможность), *благочестие*, *судья* (как синоним царь – может оказаться в ядре поля стратегии), *желание*, *возможность*, *деяние*, *правосудие* и *неправедный суд*, *благодать*, *стремление*, *начало* (в религиозном значении, как отправная точка действий побудительных сил).

Особую роль в эту эпоху играет жанровая специфика продуцируемого текста. Сформировавшийся жанр «Посланий» позволяет ввести в коммуникативную среду текста читателя как активного деятеля, персонифицировать его как личностного адресата. Автор текстов в них выступает в основном как политический и общественный деятель, формирующий государственную, в том числе религиозную, идею [14,15].

Стратегия «Природоведение», «Точные и естественные науки», «Быт и уклад» имеет ядро: *миръ* (в значении вселенная), *страна*, *земля* (в значении местность), *место*. В

центре внимания оказываются так же варианты названий птиц, животных, деревьев. На периферии оказываются лексемы, обозначающие географическое распределение животных, людей и события, постоянно связанные с их существованием, средой обитания. Тяготение к реалистическому восприятию действительности, повседневности в бытовом отношении, отразилось на включении в оборот большего объема номинативной и терминологической лексики.

Стратегия «Сословие» во многом совпадает по формальному лексическому составу со стратегией «Царь», но имеет существенные семантические отличия речевых единиц. Ядро наименования сословий дается с сугубо юридической трактовкой: *царь, князь, бояринь/бояринь, сынъ боярский, дволярин/дворянинь, горожанинь, житель* (в значении горожанин), *крестьянинь*. Обобщения, свойственные стратегии «Царь» в данном случае не используются. Наоборот присутствует антонимия «*царе рече же князем*». Особое внимание авторы уделяют лексемам со значением сословных обязанностей и прав: *служити, пахати* (как обязанность), *ратовати* (защищать, воевать) и т.д. На периферии оказываются лексемы, связанные с понятиями результата сословной деятельности, государственного устройства и т.д.: *отчина, отчинник, право, править* (в значении выправлять, создавать ч-л. для государственной службы) и т.д.

Особое место в ряду стратегий занимает стратегия «Государственная служба», которую можно разделить на два направления стратегии, объединенных общим ядром: *государство, служба, приказ, дело, дьяк, подьячий, приказ, править* (исполнять, служить), *грамота* (документ).

Первое направление касается внутригосударственных дел, в первую очередь налоговой и судебной практики. В центре оказываются: *тяжба, подать, вира* (архаизм для этого периода), *тягло* (налог) и т.д.

Второе направление касается внешней политики. В центре речевые единицы: *посоль, гость* (в значении представитель торгово-дипломатической миссии). В текстах широко используются речевые формулы: «при своем животе, целым своим умом», каноническое «во имя отца, сына и святого духа» и т. д. Государственно – и частно-деловые отношения, нередко смешивающиеся в единое концептуально-прагматическое пространство, как это можно видеть в синкретизме стратегий ряда памятников, например, дело о прожиточном поместье Марьи Ивановой дочери Пискловой из села Троицкого на Рати Тускарского стана, состоящее из серии челобитных, в которых личная заинтересованность челобитчиков увязывается с общегосударственными интересами, а «государь» выступает как абсолютный гарант истины^[16-18].

Когнитивно-прагматическая составляющая авторских стратегий воздействия структурируется, главным образом, вокруг идейно-религиозной борьбы. На втором месте оказываются государственно – и частно-деловые отношения, нередко смешивающиеся в единое концептуально-прагматическое пространство. Писатель выступает как носитель и наставник читателя, приобщающий его к истине подобранным словом, даже если в качестве автора выступает частное лицо или чиновник. Значимость слова для автора и читателя в текстах имеет определяющее значение. Даже в формальной переписке автор выступает в качестве ратора-полемиста, подавляющего своего оппонента не только убедительностью речи, но и точностью подбора слов в высказывании (тексте), а в современной когнитивной терминологии - концептов как вербально-ментальных единств.

Библиография

1. Кондратьева О. Н. Методика описания концептов в древних текстах // Вестник НГУ.

- Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. №2.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
 3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.
 4. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 6-17.
 5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. Вып. 1. №1. С. 3-9.
 6. Попова З.Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: «Истоки», 2001. 191 с.
 7. Христианова Н.В., Кацитадзе И.М., Дзюбенко А.И. Исследование причинных высказываний с позиции функциональной и скрытой прагмалингвистики // Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3.
 8. Диттрих А. Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. №4.
 9. Матвеева Г. Г., Лесняк М. В., Зюбина И. А. Персональность и коллективность в немецком парламентском дискурсе: особенности речевого воздействия в фокусе скрытой и функциональной прагмалингвистики // Политическая лингвистика. 2015. №3.
 10. Матвеева Галина Григорьевна, Самарина Ирина Владимировна, Селиверстова Людмила Николаевна Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. №1-2.
 11. Ларюшкин С. А. Отражение национального самосознания в богослужебных текстах русского средневековья // Вестник РХГА. 2022. №3-1.
 12. Ковалева Т. И. К изучению структуры агиографических фрагментов, содержащих видения (Слово об Исаии Печернике и Житие Александра Свирского) // Сибирский филологический журнал. 2022. №3.
 13. Серганова Д.А. Побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI-XIII веков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №3 (46).
 14. Громов М. Н. Методология изучения древнерусского искусства и культуры // Вестник славянских культур. 2022. №65.
 15. Птенцова А. В. Отъ и деть до конечного свода: семантика служебных слов ати(ать) и оти(отъ) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале национального корпуса русского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. №2.
 16. РГАДА, ф. 1209, оп. 1224i, ст. 81, № 15.
 17. РГАДА, ф. 210, оп. 4, д. 188, л. 403.
 18. РГАДА, ф. 1209, оп. 1224, кн. 39952, лл. 114-118об.
 19. РГАДА, ф. 1209, оп. 1225i, ст. 183, № 23.
 20. РГАДА, ф. 1209, оп. 1224i, ст. 3, № 41.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данное исследование направлено на изучение точности выбора речевых единиц в авторских стратегиях памятников литературы XV–XVI веков. Автор акцентирует внимание на их прагмалингвистической сущности, что в принципе вполне закономерно. Целью данной статьи является освещение вопроса о возможности классификации речевых единиц памятников литературы XV – XVI вв. с позиции синтеза когнитивных и функционально-прагмалингвистических подходов. Поставленный ряд задач решается планомерно, отхождений от буквальной темы нет. Выбор методов оправдан, так как они современны и актуальны: «методами исследования являются концептуальный анализ и функционально-диагностический метод прагмалингвистики. Возможность категоризации концептов позволяет кластеризировать их в основании определенных сходств и представить в виде единств (кластеров) по основному признаку. В текстуальной форме кластеры выступают в виде семантических полей». На мой взгляд, не помешало бы работы включение теоретических блоков, они бы явно усилили текст, создали выверенный базис оценки. Привлекает отсылка в объеме изученного материала; автор отмечает: «рассмотрим основные, по нашему мнению, концепты, которые отражены в ментальности и текстах авторов художественных произведений XV – XVI вв. и в вариативном выборе семантико-стилистических единиц авторами текстов. Для этого авторами были проанализирован свод памятников XV – XVI вв., объемом 11 000 речевых единиц». Суждения по ходу работы правомерны: например, «Выявляется главная коммуникативная стратегия автора – создание антагонистических параллелей, на интуитивно-стереотипном уровне формирующая точку зрения читателя. Антагонистические параллели представлены рядами брать-врагъ, грехъ-благодать, ересь-благодать, благочиние-ересь, ложь-благодать, ложь-богъ», или «стратегию «Царь» составляют лексемы царь, Великий князь (речевой вариант слова царь), князь, Великий государь, государь (речевые варианты слова царь) со значением «высшая власть/высший правитель». В околядерной зоне стратегии оказываются лексемы власть, закон и право, право (в значении справедливость), деяние, предначертание и предназначение. На периферии концептов оказываются дело, знать (высшее сословие), промысел (размышление, рассудочная деятельность), власть (в значении возможность), благочестие, судья (как синоним царь – может оказаться в ядре поля стратегии), желание, возможность, деяние, правосудие и несправедливый суд, благодать, стремление, начало (в религиозном значении, как отправная точка действий побудительных сил)» и т.д. Материал имеет явно практический характер, его можно использовать для изучения и других текстовых форм как прошлого, так и настоящего. Работа логически выверена, серьезные фактические нарушения отсутствуют. Язык / стиль, однако, может быть скорректирован. Следующие фрагменты нуждаются в правке: «С позиции прагмалингвистики выступает язык как система узуальных единиц, семантику которых определяет автор высказывания...», или «Современное сравнительно-историческое языкознание, интерпретируя и изучая тексты, обращается к личности говорящего и пишущего...», или «С позиции прагмалингвистики выступает язык как система узуальных единиц, семантику которых определяет автор высказывания...», или «Стратегии «Государственность», «Закон» и «Царь» в литературно-публицистическом употреблении значительно сближаются и выходят на доминирующий уровень...» и т.д. Также, явные повторы в работе следует убрать! Структурные принципы соотносятся с научным проектом, автор старается быть убедительным, вводя аналитические скрепы, аргументацию. В заключительной части отмечено, что «когнитивно-прагматическая составляющая авторских стратегий воздействия структурируется, главным образом, вокруг идейно-религиозной борьбы. На втором месте оказываются государственно – и

частно-деловые отношения, нередко смешивающиеся в единое концептуально-прагматическое пространство. Писатель выступает как носитель и наставник читателя, приобщающий его к истине точно подобранным словом, даже если в качестве автора выступает частное лицо или чиновник. Значимость слова для автора и читателя в текстах имеет определяющее значение...». Итог соотносится с основным блоком, разночтений в данном случае нет. Ссылки и цитации даны в режиме унификации, список источников наличен, он также достаточно актуален. Статья «Прагмалингвистический аспект выбора речевых единиц в авторских стратегиях памятников литературы XV – XVI вв.» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Жабин Д.В. Темпо-ритмическая характеристика спонтанной речи говорящих некоторых типов психических акцентуаций личности в состояниях психоэмоциональной напряженности // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.43460 EDN: LYCXAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43460

Темпо-ритмическая характеристика спонтанной речи говорящих некоторых типов психических акцентуаций личности в состояниях психоэмоциональной напряженности

Жабин Дмитрий Владимирович

ORCID: 0000-0001-5528-2699

кандидат филологических наук

доцент, кафедра немецкой филологии, Воронежский государственный университет

394018, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пл. Ленина, 10, оф. 26а

✉ dmitry.zhabin@mail.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.43460

EDN:

LYCXAO

Дата направления статьи в редакцию:

29-06-2023

Аннотация: Предметом психолингвистического исследования являются формальные признаки спонтанной звучащей речи говорящего в условиях эмоциональной напряженности. На наш взгляд, индикаторами эмоциональной напряженности речи при восприятии служат, прежде всего, формальные средства звучащей речи на уровне ритма, темпа, речевых сбоев, которые находятся в отношении комплементарности с семантическим наполнением фразы и сигнализируют о степени напряженности речи. Таким образом, состояние эмоциональной напряженности передается комплексом формальных признаков звучащей речи. В качестве примера психологического фактора эмоциональной напряженности нами рассматривались судебные слушания в рамках уголовных дел. Объектом послужили аудиозаписи спонтанной звучащей речи носителей русского языка в ситуации обуславливающей состояние эмоциональной напряженности

говорящего. Новизна исследования заключается в использовании качественных экспериментальных методов при анализе спонтанной звучащей речи в ситуации эмоциональной напряженности. Получение объективных результатов становится возможным на основе аудитивного лингвистического анализа, который позволяет с определенной долей достоверности дать оценку эмоциональному состоянию говорящего (отклонение от нормы, тревожность, напряженность, наличие и тип эмоций, например, волнение, удивление, страх / гнев и т.п.), психофизиологическому состоянию (ненормативность, наличие патологии), наконец, установить пограничные критерии для определения стрессового расстройства для того или иного психического типа. Особый интерес заслуживает обращение к психологической типологизации личности К. Леонгарда, которая делает достоверным анализ не только в части особенностей характера (так называемый психологический фенотип личности), но и его темперамента (психологической базы личности).

Ключевые слова:

аудитивный анализ, стресс, эмоциональная напряженность, психическая акцентуация личности, формальные признаки речи, звучащая речь, ритмическая группа, темп речи, речевые сбои, темпо-ритмические признаки

Предметом нашего психолингвистического исследования являются формальные признаки спонтанной звучащей речи говорящего в ситуации стресса. Мы предполагаем, что индикаторами эмоциональной напряженности речи при восприятии служат, прежде всего, формальные средства звучащей речи на уровне ритма, темпа, речевых сбоев, которые находятся в отношении комплементарности с семантическим наполнением фразы и сигнализируют о степени напряженности речи. Таким образом, состояние эмоциональной напряженности передается комплексом формальных признаков звучащей речи.

В ходе исследования мы предприняли попытку выявить и описать изменения формальных признаков речи говорящего в состоянии эмоциональной напряженности. Экспериментальное исследование спонтанной речи было обусловлено психолингвистическим характером исследуемого явления. Описание изменения формальных признаков звучащей речи делает возможным получение объективных результатов, имеющих лингвистический смысл, на основе метода аудитивного анализа.

Дефиниция термина «стресс» содержит в своей основе компонент «напряжение» (от англ. *Stress* – давление, напряжение) и служит для обозначения состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия (стрессоры) внешней среды [\[1,2\]](#). Различают физиологические факторы стресса (физическая нагрузка, высокая/низкая температуры, болевые стимулы, увеличение ЧСС и т.д.); и психологические (факторы, действующие своим сигнальным значением: угроза, опасность, радость, обида, горе, информационная перегрузка и пр.). Под психологическими стрессорами принято понимать информационные (человек не справляется с заданием, не успевает принимать верные решения в требуемом темпе при высокой степени ответственности за последствия принятых решений) и эмоциональные (изменения в протекании психических процессов, нарушения двигательного и речевого поведения). Наличие того или иного стрессора или их совокупности обуславливает разновидность стресса и, так или иначе, обуславливает эмоциональную напряженность,

которая проявляется в речи говорящего [\[3, с. 39; 4,5,6\]](#).

В качестве примера психологического фактора стресса нами рассматривались судебные слушания в рамках уголовных дел по 17 эпизодам. Сделанные в ходе судебных следствий аудиозаписи спонтанной звучащей речи носителей русского языка в ситуации обуславливающей состояние стресса говорящего представили объект нашего эксперимента. Общее время звучания составило 245 мин. спонтанной речи обвиняемых и потерпевших, а именно, 14 допросов обвиняемых (среди них 9 мужчин, 5 женщин) от 16 до 37 лет; 16 допросов потерпевших (среди них 10 мужчин, 6 женщин) от 18 до 65 лет. Привлеченными нами врачами-психиатрами был проанализирован психический статус каждого испытуемого и определен тип психической акцентуации личности испытуемых в рамках классификации К. Леонгарда. Под акцентуацией личности К. Леонгардом понимается максимальная выраженность отдельных черт характера и их сочетаемость, которые представляют собой крайние варианты психической нормы, так называемые, доминанты личности [\[7\]](#).

Стоит обратить внимание, что выбор типизации личности согласно психической акцентуации нами сделан неслучайно. Таким образом мы предпринимаем попытку анализа определенных речевых характеристик говорящего, расширяя поле психолингвистического анализа «портрета личности говорящего» в частности и лингвокриминалистической экспертизы в целом. Так, тип темперамента характеризует индивидуума с точки зрения динамических факторов психической деятельности, интенсивности психических процессов, которые обусловлены наследственными нейрофизиологическими факторами. В свою очередь тип психического реагирования базируется на особенностях характера человека. Другими словами, тип акцентуации может выбирать ту или иную модель реагирования. Кроме нейрофизиологических данных на реакцию человека оказывают влияние особенности воспитания, семейных традиций, мировоззрения, социальной позиции. Именно поэтому нам представляется наиболее интересным более широкий анализ личности – интеллектуальных возможностей, системы взглядов, оценок и образных представлений о мире, отношения человека к окружающей действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции (убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации). Другими словами, методика определения акцентуации личности делает достоверным анализ не только в части особенностей характера (так называемый психологический фенотип личности), но и его темперамента (психологической базы личности).

Лингвистический анализ позволяет с определенной долей достоверности дать оценку эмоциональному состоянию говорящего (отклонение от нормы, тревожность, напряженность, наличие и тип эмоций, например, волнение, удивление, страх и т.п.), психофизиологическому состоянию (ненормативность, наличие патологии) [\[8, 9, 10\]](#), наконец, установить пограничные критерии для определения стрессового расстройства для того или иного психического типа.

В результате наблюдения нами было выявлено 6 типов акцентуации личности среди представленных испытуемых: с педантичным типом личности – 6, с эмотивным типом личности – 5, с интровертированным типом личности – 5, с демонстративными чертами характера – 5, с дистимическим типом – 5, с возбудимой акцентуацией – 4.

Полученные в результате первого этапа эксперимента звучащие тексты были нами записаны на CD-диски, транскрибированы и предоставлены свободным аудиторам (30

человек, неспециалистов в области лингвистики, психолингвистики) для последующего анализа. Аудиторы прослушали аудиотексты на диске; определили части текста, которые, по их мнению, свидетельствуют о явном изменении состояния говорящего, обозначив напряженность знаком «+» (в зависимости от возрастания степени «+ +», «+ + +») и отсутствие напряженности знаком «0».

На следующем этапе фонетистами были выделены паузы и ударные слоги на всем массиве звучащего материала. Таким образом был определен объем материала в ритмических группах – 3450 РГ (далее по тексту РГ – количество ритмических слогов от паузы до паузы и позиции ударных слогов в ней).

Объем текста продолжительностью в 245 мин. составил 48020 слогов.

По мнению О.С. Ахмановой речевой темп означает скорость протекания речи во времени. Темп может быть быстрый, медленный и прерывистый [11, с. 472]. Замедление темпа к концу высказывания служит средством создания его интонационной цельности. Темп речи играет большую роль в противопоставлении важного /неважного в высказывании: наиболее важные в смысловом отношении сегменты речи (целые синтагмы или отдельные слова в них) произносятся в замедленном темпе; фрагменты, содержащие второстепенную информацию (например, вводные слова) характеризуются убыстренным темпом. Абсолютный темп речи зависит от индивидуальных особенностей говорящего, его эмоционального состояния, ситуации общения и стиля произношения [11, 12, 13, 14, 15, 16]. В нашем эксперименте темп речи замерялся путем деления общего количества слогов в реплике на время ее звучания по каждому испытуемому. Увеличение или уменьшение количества слогов в минуту в той или иной части текста сопоставлялось с маркировкой данной части аудитором. Так, в рамках каждого типа психической акцентуации личности мы наблюдали явное изменение средних параметров темпа. Практически на всем массиве речевого материала отмечается увеличение темпа с возрастанием степени напряженности речи. Например, у испытуемых с демонстративными чертами характера слог/мин в «0» = 144; «+» = 250; «++» = 270; «+++» = 310; у испытуемых с педантичной акцентуацией в «0» = 160; «+» = 180; «++» = 200; «+++» = 200; у испытуемых с эмотивным типом личности в «0» = 206; «+» = 275; «++» = 306; особенно ярко повышение количества слогов наблюдается у испытуемого с возбудимой акцентуацией – в «0» = 168; «+» = 250; «++» = 280; «+++» = 370.

Противоположенные данные были получены при анализе речи у испытуемых интровертированного типа акцентуации: «0» = 177; «+» = 280; «++» = 210; «+++» = 180. Это доказывает, что состояние эмоциональной напряженности декомпенсирует замкнутость, характерную для этого психического типа: они тяжело устанавливают эмоциональные контакты; немногословны; речь ограничена набором стандартных выражений, голос мало модулирован, плохо вырабатываются мануальные навыки.

Важным компонентом спонтанной речи является ритм. Наиболее развернутое определение ритма, на наш взгляд, предлагает «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой: «Ритм – регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции» [17, с. 416].

Речевой ритм представляет интерес с позиции определения единиц как на универсальном уровне, так и для отдельных языков. Отсутствие единой методики исследования звучащей речи ставит перед нами проблему описания явления речевого ритма. Мы считаем, что исследование спонтанной звучащей речи дает представление о

периодической повторяемости определенных ритмических структур, а их характер зависит от типа синтаксических структур и жанра высказывания. Набор единиц на уровне ритма является определенным. При этом каждая единица реализуется целым рядом синтаксических единиц, большим или меньшим, в зависимости от частотности данной ритмической единицы [18, с. 40]. В процессе звучащей речи ударный слог соединяется с предшествующим и/или последующими безударными слогами в так называемую ритмическую группу. Последняя, в свою очередь, представляет собой законченное высказывание или часть его. В свободном потоке речи ритмические группы отделяются друг от друга паузами и/или мелодическими признаками [19, с. 107]. Для нас особый интерес представляет психолингвистический характер этого явления, т.к. определение ритмических групп происходит перцептивным образом.

В ходе нашего эксперимента мы рассмотрели типичные конфигурации ритмических групп в спонтанной речи испытуемых на участках текстов с разной степенью эмоциональной напряженности. При этом мы руководствовались критериями, отраженными в следующей таблице, которая демонстрирует изменение частотных РГ и их количества с возрастанием степени эмоциональной напряженности речи по формуле:

$$X : Y = Z,$$

где **X** обозначает протяженность РГ в слогах, **Y** – место ударного слога в данной РГ, **Z** – частотность появлений данной РГ в части текста с указанной маркировкой степени напряженности

тип психической акцентуации	степень напряженности			
	0 (отсутствие)	+	++	+++
педантичный Т	3:3 = 5	1:1 = 8	1:1 = 11	-
	2:2 = 4	5:4 = 5	4:3 = 9	200
	160	6:5 = 4	3:3 = 6	
		180	2:2 = 6	
			4:2 = 4	
дистимический Т			200	
	1:1 = 4	1:1 = 9	1:1 = 8	1:1 = 4
	7:6 = 3	2:2 = 7	3:2 = 4	-
	206	3:3 = 5	5:2 = 4	
		5:5 = 4	4:3 = 3	
		3:2 = 3	3:3 = 3	
интровертированный Т		5:4 = 3	306	
		275		
	-	3:2 = 7	1:1 = 15	-
	177	1:1 = 5	2:2 = 7	-

		280	6:5 = 4 8:7 = 4 210	
демонстративный Т	- 144	8:7 = 4 250	1:1 = 6 4:3 = 4 2:1 = 4 270	- 310
эмотивный Т	1:1 = 2 5:4 = 2 206	1:1 = 3 4:4 = 3 275	4:3 = 4 2:2 = 4 306	320
возбудимый Т	- 168	4:4 = 2 250	2:2 = 8 1:1 = 7 3:3 = 5 6:6 = 4 2:1 = 4 3:2 = 4 6:5 = 4 280	1:1 = 5 370

Как видно из таблицы, мы фактически не получили сведений о частотных РГ на участках текста с маркировкой максимальной степени напряженности. Это свидетельствует о нестабильности ритмических характеристик речи говорящего в состоянии наибольшей эмоциональной напряженности. Бóльшая часть частотных РГ наблюдается на участках текста со средней степенью эмоциональной напряженности. При этом ударный слог чаще всего занимает последнюю позицию в РГ. Если же рассматривать позицию ударного слога на всем массиве речевого материала, то прослеживается определенная закономерность в речи говорящих, относительно их принадлежности к определенному типу психической акцентуации. Так, у педантов с возрастанием степени эмоциональной напряженности позиция ударного слога перемещается от конечной к центральной. Та же тенденция прослеживается у демонстративов и возбудимых личностей (от конечной позиции к начальной). У интровертов и эмотивов мы наблюдали обратную закономерность – с центральной позиции ударный слог перемещается к конечной. Наконец, нами был установлен интересный факт позиции ударного слога у говорящих с дистимическим типом личности: с возрастанием степени эмоциональной напряженности позиция ударного слога остается стабильной – на предпоследнем слоге в РГ.

На всем массиве материала нами наблюдались речевые сбои (оговорки), их частотность сопоставлялась с маркировкой той или иной части текста в соответствии со степенью напряженности речи. Следует отметить, что под речевыми сбоями мы имеем в виду случаи, когда вместо одного, нужного, слова в тексте появляется другое, ошибочное. Подобные ошибки свидетельствуют об ослаблении говорящим контроля за речемыслительными процессами. Это естественные и закономерные издержки работы

речевого механизма [20, с. 37], в других же случаях неправильное ечи является пауза или заметное понижение тона на правильном слове. В нашем исследовании мы наблюдали повторы, фальш-повторы, фальш-старты. При этом термин «фальш-повтор» мы используем для различия повторения целого слова или фразы (повтора) от повторения *части* слова или фразы в звучащей речи без последующей автокоррекции (самоисправления).

Наибольшее количество фальш-стартов, повторов и фальш-повторов нами было отмечено в частях текста со средней степенью напряженности для всех выявленных групп; наименьшие показатели характерны для частей текста как с максимальной напряженностью, так и с ее полным отсутствием.

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет выделить некоторые типичные темпо-ритмические признаки речи говорящих, относящихся к различным типам психической акцентуации. Психолингвистическое исследование свидетельствует о наличии ритмических индикаторов напряженности спонтанной звучащей речи, которые в свою очередь могут быть использованы для характеристики психического статуса говорящего в условиях эмоциональной напряженности.

Библиография

1. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1982. – 125 с.
2. Schapiro M. The russian system of stress. // Rus. Linguistics. – 1986. – Vol. 10, № 2. – P. 183-204.
3. Жабин Д.В. Речевая характеристика состояния стресса: монография. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2013. – 155 с.
4. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. – Днепропетровск: Днепропетр. гос. унт, 1975. – 132 с.
5. Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Потапова Р.К., Потапов В.В. – М.: Яз. славян. культуры, 2006. – 496 с.
6. Седов К.Ф. Нейропсихолингвистика: учеб. пособие / Седов К.Ф. – М.: Лабиринт, 2007. – 224 с.
7. Леонгард К. Акцентуированные личности. – Москва: Феникс, 1989. – 358 с.
8. Bruner J.S. Von der Kommunikation zur Sprache – Überlegungen aus psychologischer Sicht // Kindliche Kommunikation. Theoretische Perspektiven, empirische Analysen, methodologische Grundlagen / Martens K. (Hg.). – Frankfurt a/M., 1979. – P. 9-60.
9. Perkell J.S. Phonetic features and the physiology of speech production // Language Production / B. Butterworth (ed.). – L.: Academic Press. 1980. – P. 9-13.
10. Wiese R. Psycholinguistik der Sprachproduktion // Textproduktion / Antos G., Krings H.P. (Hg.). – Tübingen. – P. 197-219.
11. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: [Около 7000 терминов] / Ахманова О.С. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
12. Auer P. Rhythmus und Tempo konversationeller Alltagssprache / Auer P., Couper-Kuhlen E. // Zs. für Literaturwissenschaft und Linguistik 96. – 1994. – P. 78-106.
13. Janker P.M. Sprechrhythmus, Silbe, Ereignis. München // Forschungsberichte des Instituts für Phonetik und Sprachliche Kommunikation der Universität München. – 1995. – Bd. 33.
14. Martin J.G. Rhythmic (Hierarchical) versus serial structure in speech and other behavior // Psychol. Rev. – 1972. – P. 489-509.

15. Völtz M. Das Rhythmusphänomen // Zs. für Sprachwissenschaft. – 1994. – Bd 10. – P. 284-296.
16. Weithase I. Über einige Grundfragen des sprachlichen Rhythmus // Wiss. Z. Univ. Jena. – 1955. – Bd 4. – P. 331-340.
17. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
18. Величкова Л.В. Лингвистика и психолингвистика: проблемы определения единиц // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1, Гуманит. науки. – Воронеж, 1996. – Вып. 2. – С. 31-45.
19. Stock E. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen / Stock E., Velickiva L. // Hallische Schriften zur Sprachwissenschaft und Phonetik. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2002. – Bd 8. – 260 S.
20. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1994. – 227 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвистический анализ речи позволяет оценить ее не только содержательной, но и формальной стороны. Причем в ходе выявления специфики формы, зачастую исследователям приходится связывать наличные критерии с внутренними, а это, несомненно, говорит о качественно / конструктивно проведенном изыскании. Предметом рецензируемой статьи являются формальные признаки спонтанной звучащей речи говорящего в ситуации стресса. Выбор данной магистрали интересен, нетривиален; автор предполагает, что «индикаторами эмоциональной напряженности речи при восприятии служат, прежде всего, формальные средства звучащей речи на уровне ритма, темпа, речевых сбоев, которые находятся в отношении комплементарности с семантическим наполнением фразы и сигнализируют о степени напряженности речи». Следовательно, состояние эмоциональной напряженности передается комплексом формальных признаков. Авторская точка зрения по ходу работы верифицируется на основе анализа экспериментальных данных: «в качестве примера психологического фактора стресса нами рассматривались судебные слушания в рамках уголовных дел по 17 эпизодам. Сделанные в ходе судебных следствий аудиозаписи спонтанной звучащей речи носителей русского языка в ситуации обуславливающей состояние стресса говорящего представили объект нашего эксперимента. Общее время звучания составило 245 мин. спонтанной речи обвиняемых и потерпевших, а именно, 14 допросов обвиняемых (среди них 9 мужчин, 5 женщин) от 16 до 37 лет; 16 допросов потерпевших (среди них 10 мужчин, 6 женщин) от 18 до 65 лет». Фактический материал действительно дает возможность выявить особенности речи в момент напряжения / стресса. Стиль работы, языковая манера соотносится с собственно научным типом. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «стоит обратить внимание, что выбор типизации личности согласно психической акцентуации нами сделан неслучайно. Таким образом, мы предпринимаем попытку анализа определенных речевых характеристик говорящего, расширяя поле психолингвистического анализа «портрета личности говорящего» в частности и лингвокриминалистической экспертизы в целом. Так, тип темперамента характеризует индивидуума с точки зрения динамических факторов психической деятельности, интенсивности психических процессов, которые обусловлены

наследственными нейрофизиологическими факторами. В свою очередь тип психического реагирования базируется на особенностях характера человека. Другими словами, тип акцентуации может выбирать ту или иную модель реагирования», или «в результате наблюдения нами было выявлено 6 типов акцентуации личности среди представленных испытуемых: с педантичным типом личности – 6, с эмотивным типом личности – 5, с интровертированным типом личности – 5, с демонстративными чертами характера – 5, с дистимическим типом – 5, с возбудимой акцентуацией – 4», или «речевой ритм представляет интерес с позиции определения единиц как на универсальном уровне, так и для отдельных языков. Отсутствие единой методики исследования звучащей речи ставит перед нами проблему описания явления речевого ритма. Мы считаем, что исследование спонтанной звучащей речи дает представление о периодической повторяемости определенных ритмических структур, а их характер зависит от типа синтаксических структур и жанра высказывания. Набор единиц на уровне ритма является определенным. При этом каждая единица реализуется целым рядом синтаксических единиц, большим или меньшим, в зависимости от частотности данной ритмической единицы...» и т.д. Практические данные грамотно подвергаются оценке, исследователь используется формульный тип, статистико-количественный анализ. Таблицы, которые объединяют наработанные данные, наглядно демонстрируют доказательство гипотезы: при этом автор отмечает, «как видно из таблицы, мы фактически не получили сведений о частотных РГ на участках текста с маркировкой максимальной степени напряженности. Это свидетельствует о нестабильности ритмических характеристик речи говорящего в состоянии наибольшей эмоциональной напряженности. Большая часть частотных РГ наблюдается на участках текста со средней степенью эмоциональной напряженности», «на всем массиве материала нами наблюдались речевые сбои (оговорки), их частотность сопоставлялась с маркировкой той или иной части текста в соответствии со степенью напряженности речи. Следует отметить, что под речевыми сбоями мы имеем в виду случаи, когда вместо одного, нужного, слова в тексте появляется другое, ошибочное. Подобные ошибки свидетельствуют об ослаблении говорящим контроля за речемыслительными процессами». Таким образом, работа достигает поставленной цели, ряд задач решен продуктивно, точно. Не вызывает нареканий структура текста, термины / понятия используются в унифицированном режиме. Однако, встречающийся ряд опечаток все же нужно поправить, например, «наибольшее количество фальш-стартов, повторов и ыальш-повторов нами было отмечено в частях текста со средней степенью напряженности для всех выявленных групп; наименьшие показатели характерны для частей текста как с максимальной напряженностью, так и с ее полным отсутствием». Вывод по тексты созвучен основному блоку, разночтений не выявлено: «проведенный эксперимент позволяет выделить некоторые типичные темпо-ритмические признаки речи говорящих, относящихся к различным типам психической акцентуации. Психолингвистическое исследование свидетельствует о наличии ритмических индикаторов напряженности спонтанной звучащей речи, которые в свою очередь могут быть использованы для характеристики психического статуса говорящего в условиях эмоциональной напряженности». Материал может быть использован не только в ходе освоения собственно лингвистических дисциплин, но и профильно дистантных – криминалистика, психология и т.д. Текст не нуждается в серьезной доработке, правке, основные критерии издания учтены. Рекомендую статью «Темпо-ритмическая характеристика спонтанной речи говорящих некоторых типов психических акцентуаций личности в состояниях психоэмоциональной напряженности» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Найденова Р.Р. Нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70174 EDN: MEFNGL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70174

Нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд

Найденова Роксана Романовна

ORCID: 0000-0002-6821-3470

соискатель, кафедра зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького

107207, Россия, г. Москва, ул. Байкальская, 30/2

✉ roksa-moon@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70174

EDN:

MEFNGL

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд. Маргарет Этвуд (р. 1939) – известная современная канадская писательница, поэтесса, литературовед и критик. Как правило, творчество М. Этвуд принято рассматривать по трем магистральным направлениям: поиск Канадской идентичности в произведениях М. Этвуд; женский вопрос и теории феминизма в творчестве М. Этвуд и спекулятивная (концептуальная) фантастика в творчестве М. Этвуд. Именно этим трем направлениям посвящено наибольшее количество научных работ о канадской писательнице. Исходя из жизненного и творческого пути М. Этвуд, эти три магистрали вполне оправданы. Но за ними теряется основа творчества писательницы – нарратив, нарративная структура, исследованию которой М. Этвуд посвятила многие свои литературоведческие работы. Основываясь на наработках зарубежных и отечественных исследователей нарратива, а также на изысканиях самой М. Этвуд, в данной статье мы описываем то, как в художественной прозе писательницы разворачивается многоуровневый нарратив жизнеописания, подразумевающий под собой деление на повествовательные пласты. Каждый

повествовательный пласт отвечает за определенное время: прошлое, настоящее и безвременье. Актуальность и новизна данной статьи заключается в попытке дать описание нарративов М. Этвуд в отрыве от трех магистральных путей и осветить особенности нарратива жизнеописания, который является ключевым для произведений автора. Благодаря стратегии жизнеописания канадская писательница исследует природу человеческой памяти, мышления, фантазии. Поставив главного героя-рассказчика в центр нарратива, М. Этвуд позволяет своим персонажам самостоятельно анализировать собственные поступки, свое прошлое, что приближает ее героев к реальным людям. Герои писательницы, как и реальные люди, имеют общие представления о том, как должна строиться история, рассказ и пользуются литературными приемами в разговоре о себе. Но, постепенно раскрываясь, герои-рассказчики М. Этвуд переходят на откровенный разговор, отбрасывая литературные украшения. Подход к творчеству М. Этвуд с точки зрения нарратива, нарратологии помогает открыть новые грани в творчестве известного автора, подчеркнуть и актуализировать многие художественные особенности книг М. Этвуд, которые остаются в тени при культурно-идеологическом подходе.

Ключевые слова:

Маргарет Этвуд, Канадская литература, нарратив, нарратология, нарративная стратегия, ненадежный рассказчик, повествование, повествовательный пласт, стратегия жизнеописания, герой-рассказчик

Введение

Маргарет Этвуд (р. 1939) — известная современная канадская писательница и поэтесса. За свою продолжительную творческую деятельность М. Этвуд завоевала множество литературных премий и наград. Среди них две Букеровские премии, две премии генерал-губернатора Канады, премия Артура Кларка и многие другие. На сегодняшний день она является одной из главных претенденток на Нобелевскую премию. Начиная М. Этвуд как поэтесса, ее первый сборник «Двойная Персефона» увидел свет в 1961 г. А первый роман «Съедобная женщина» был опубликован в 1969 г. Помимо крупной прозаической формы, автор пишет рассказы. Первый и один из самых известных сборников «Танцующие девушки» вышел в 1977 г.

Самая популярная книга М. Этвуд на сегодняшний день — это «Рассказ служанки» (1985), недавно получивший продолжение в «Заветах» (2019). На второе место по известности следует поместить трилогию «Безумный Аддам» («Орикс и Крейк» — 2003 г., «Год потопа» — 2009 г. и «Безумный Аддам» — 2013 г.). Все эти произведения можно отнести к концептуальной или философской фантастике (speculative fiction), которая возникла на поле американской литературы в середине XX-го века: «Впервые словосочетание speculative fiction было использовано известным американским фантастом Робертом Ханлайном в 1947 году» [\[5\]](#).

Писательница работает в разных направлениях. Среди ее произведений можно найти и остросоциальные романы, как, например, «Ущерб тела» (1981) или «Кошачий глаз» (1988), и исторически-документальные тексты, например, «Она же Грейс» (1996). Автор не боится экспериментов с добавлением в книги элементов жанровой литературы: детектива, любовного романа и др.

Традиционно изучение творчества М. Этвуд развивается по трем магистральным путям: отражение канадской идентичности в творчестве М. Этвуд, концептуальная фантастика в творчестве М. Этвуд и женский вопрос в творчестве М. Этвуд. Все остальные темы так или иначе рассматриваются в зависимости от трех основных. За рамками интереса остается нарратив в произведениях М. Этвуд. А ведь именно нарратив и его исследование (нарратология) интересовали автора в первую очередь. Это видно по литературоведческим работам М. Этвуд, главная из которых — «Переговоры с мертвыми: Писатель о писательстве» (2002). В этой книге М. Этвуд описывает роль писателя — как борца со временем и смертностью. Его задача — запечатлеть события и людей, рассказать о них: «All writers must go from now to once upon a time; all must go from here to there; all must descend to where the stories are kept; all must take care not to be captured and held immobile by the past. And all must commit acts of larceny, or else of reclamation, depending how you look at it» [8]. То есть любое литературное произведение, по мнению, М. Этвуд — это всегда история, повествование, нарратив.

Изложение основного материала

Термин «нарратив» можно перевести на русский язык как «повествование», «рассказ». Само слово «нарратив» происходит от латинского слова «narrare» — «рассказывать», которое в свою очередь связано с латинским словом «gnarus» — «знать». Так в самом термине «нарратив» уже заложена идея познания себя и окружающего мира через повествование [4].

Нарратив пришел в литературоведение из историографии и получил широкое распространение в середине XX-го века, породив много теорий. Среди самых значимых из них: идеи русских формалистов (В. Пропп, Б. Эйхенбаум, В. Шкловский), диалогическая теория нарратива (М. Бахтин), теория «новой критики» (Р.П. Блэкмер), психоаналитическая теория (К. Берк), структуралистские семиотические теории (Р. Барт, Х. Уайт), теории читательского восприятия (В. Изер) и др. И сегодня нарратив вызывает интерес у писателей, литературоведов, философов и социологов. И М. Этвуд здесь не исключение.

О чем бы ни писала М. Этвуд, ее произведения — это всегда история, продуманный многоуровневый нарратив. Некоторые из текстов имеют с первого взгляда понятный, открытый нарративный рисунок, как? например, ранний роман писательницы «Съедобная женщина», в котором главный ключ к пониманию нарративной системы лежал в перемене фокализации. Роман поделен на три части. В первой и третьей части повествование ведется от первого лица, во второй — от третьего. Сюжет вращается вокруг болезни и исцеления главной героини от ментального недуга: она не может принимать пищу из-за того, что ей кажется, что она сама является продуктом. В момент обострения болезни повествование ведется от третьего лица (вторая часть романа), что свидетельствует об отстранении героини от собственной личности. Она — жертва общества потребления — уже не может отличить себя от вещей и продуктов, которые сама должна потреблять.

На другом полюсе располагаются особенно сложные нарративные построения автора, такие как романы «Постижение» (1972), «Леди Оракул» (1976), «Она же Грейс», «Слепой убийца» (2000), где нарративный узор в полной мере раскрывается только после подробного знакомства со всем текстом: «All of the clues revealed tend at first to create greater confusion, but eventually the pattern is clear, and the end is a celebration of symmetry» [9].

В центре развития нарративов М. Этвуд, как правило, стоит процесс становления и саморазвития главного героя-рассказчика. Большинство текстов писательницы — это тотальное пространство ее персонажей. Иногда рассказчик только один, как в романе «Постижение», но их может быть, и два, как в романе «Слепой убийца», и намного больше, как в трилогии «Беззумный Аддам». Читатель смотрит на мир исключительно с точки зрения одного или нескольких персонажей. Таким образом автор позволяет читателю взглянуть на одну и ту же ситуацию с позиций разных персонажей: «При этом любой акт познания, посредством которого истина становится частью нашей реальности, характеризуется своей неповторимой позицией» [7].

Каждый персонаж в такой ситуации является ненадежным рассказчиком. Так как большинство историй писательницы представляют собой рассказы ее героев о самих себе, то все нарраторы М. Этвуд изначально заинтересованы в том, чтобы у слушателя или читателя сложилось о них хорошее впечатление. У рассказчиков М. Этвуд есть одновременно очень веские причины и рассказать правду, и солгать. Так, например, в романе «Она же Грейс» главная героиня Грейс Маркс на момент начала ее рассказа находится в тюрьме, и только от правдивости или правдоподобности ее истории зависит: выйдет ли она на свободу. «She finds that secrecy — her refusal to disclose — and ambiguity — her ability to construct multiple stories — provide her with a measure of power. She refuses to be fully known and, hence, fully “had”» [10].

Начало истории — это базовое событие всего нарратива. С него начинается путешествие и в прошлое, и в настоящее героя. «Любое сюжетное высказывание представляет собой микроструктуру, в основе которой — событие» [2]. Надо учесть, что М. Этвуд не знакомит читателя сначала с прошлым своих героев, а потом — с настоящим. Два потока времени чередуются друг с другом, создавая третье пространство безвременья, в рамках которого прошлое и настоящее героев вступает в своеобразный диалог, не возможный при линейном повествовании. Между прошлым и настоящим персонажа протягиваются незримые, неуловимые нити, завязанные на той или иной незначительной детали, которая по мере развития нарратива приобретает все большее значение. Так, например, в романе «Кошачий глаз» одной из важнейших деталей произведения является редкий голубой шарик для игры, который главная героиня Элейн в детстве носит всегда с собой в качестве талисмана, теряет в юности и снова случайно находит при разборе забытых вещей в зрелости. Как можно заметить, ключевая роль отводится подчеркнуто мелким, незначительным предметам. Это согласуется с общей логикой всего повествования М. Этвуд: действительно значимые вещи никогда не кажутся таковыми с первого взгляда. Лишь с расстояния прожитых лет можно осознать их подлинную ценность.

Таким образом жизнеописание героя разворачивается на нескольких уровнях времени. Первый повествовательный пласт относится к настоящему, в котором пребывает герой-рассказчик. Будни героя обычно наполнены рутинной. Настоящее характеризуется застоем, духовным кризисом. Однако внешне он может не проявляться, напротив, в настоящем у рассказчиков М. Этвуд, как правило, все хорошо или хотя бы стабильно. Так в романе «Она же Грейс» главная героиня в настоящем готовится к выходу из тюрьмы. Ей оказывают поддержку при подготовке к апелляции, она окружена доброжелателями. В романе «Кошачий глаз» рассказчица Элейн в настоящем является известной художницей. В «Слепом убийце» главная героиня Айрис, уже пожилая женщина, предается воспоминаниям. Как мы видим, настоящее в нарративном рисунке писательницы — это, своего рода, эпилог, финал. Истории М. Этвуд развиваются от развязки к завязке.

Второй повествовательный пласт — это прошлое. Прошлое довлеет над настоящим, хотя и занимает по отношению к нему внешне вторичное положение: если бы герой в настоящем не начал вспоминать, то и рассказа никакого бы не было. Так читатель и сам герой получает доступ в прошлое через настоящее. Прошлое значимее, так как в нем происходит становление героя. Это осознают и сами персонажи писательницы. Если бы не прошлое, не было бы и настоящего — это простая мысль является первым шагом героя к превращению собственной жизни в нарратив, литературное произведение.

Помимо прошлого и настоящего, как было сказано выше, существует и третий слой — пространство безвременья, где первые два потока времени сливаются. За счет этого создается иллюзия рока, судьбы. Героям М. Этвуд начинает казаться, что вся их жизнь развивалась так, а не иначе, только чтобы оказаться в точке настоящего. Многие рассказчики писательницы подвержены влиянию вещей снов, предсказаний, суеверий. Так Грейс Маркс кажется, что вся ее жизнь была лишь прологом к ее позору, преступлению и последующему наказанию. Ее мировоззрение пронизано библейскими аллюзиями. Собственное падение она сравнивает с падением Евы. Элейн из романа «Кошачий глаз» в детстве переживает религиозный экстаз. Она уверена, что ее посетила Дева Мария. С тех пор на протяжении всей жизни Элейн ищет тот самый образ Богородицы, желая повторения чуда. Айрис уверена в том, что стала жертвой злого рока. Само название романа «Слепой убийца» отсылает нас к представлению о судьбе, случае в образе судьи с завязанными глазами.

Судьба в данной ситуации становится аналогом нарратива: «Нарратив, как мы видим, при помощи организации независимых элементов существования в единое целое придает смысл человеческим действиям и организует опыт, переживания во времени, упорядочивая события и действия в единый образ или сюжет. Данное упорядочивание обуславливается представлениями человека о мире» [3]. Герои М. Этвуд убеждены, что их будущее предопределено. Поэтому и рассказ о своей жизни они ведут с учетом этой страшной, неведомой силы. Вера в судьбу является одновременно и лазейкой для ненадежного рассказчика. Нередко он прибегает к отказу от ответственности, объясняя собственное бездействие вмешательством случая. Так Айрис оправдывает собственную слепоту по отношению к сестре всевозможными проблемами послевоенного времени, общественными стереотипами и т. п.

Главная цель героя — рассказать свою версию событий, оправдаться. Не случайно в художественном мире М. Этвуд так часто встречается образ суда. Вспомним, например, «Она же Грейс», «Пенелопиаду» (2005) и «Рассказ Служанки». В роли судей, присяжных выступают читатели, слушатели. Для героя крайне важно, чтобы они поверили ему. Но, делясь воспоминаниями, герои М. Этвуд довольно часто жалуются на свою память. Многие подробности, детали и целые эпизоды ускользают от них, некоторые моменты они додумывают, другие — подменяют рассказами очевидцев. Так Айрис рассказывает о своем детстве, матери и отце, более опираясь на мнения и подозрения прислуги, чем на собственные воспоминания. Грейс Маркс путает свои сны с реальностью. Элейн одержима призраками прошлого, которые ее буквально преследуют.

В результате жизнеописания героев получаются очень фрагментарными. Это не подробное, равномерное и поэтапное становление, а цепочка ярких событий, которые особенно запомнились рассказчикам. «Роман осуществляет нарративную стратегию жизнеописания, исторический исток которой можно обнаружить в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха. Суть этой стратегии отнюдь не в том, что излагается полная биография героя. Роман может представить нам и относительно непротяженный

фрагмент биографии» ^[6]. Но, как было сказано выше, персонажи не всегда сами могут понять, что важно, а что нет.

Лишь по мере развития нарратива начинает проступать реальный конфликт произведения, очищенный от всевозможных литературных приемов. Самый распространенный из них — это псевдо-интрига, когда рассказчик пытается разнообразить повествование о собственной реальной жизни внедрением в него детективной или шпионской линии. Так, например, Джоанн из романа «Леди Оракул» якобы преследует маньяк-поклонник, а Тоби из романа «Год потопа» описывает свое бегство от криминального авторитета.

Но, чем глубже герой погружается в собственный внутренний мир, тем яснее становится понимание того, что сконструированная им интрига — это только прикрытие для настоящего конфликта, о котором рассказчик не готов открыто говорить: «Этвуд манипулирует нарративом, создавая и разрушая читательские ожидания относительно образов героев» ^[1]. Как правило, реальный конфликт лежит за пределами каких-либо социальных или жанровых условностей и почти всегда протекает в голове самого героя. Так главным конфликтом для Джоан является не борьба с маньяком, которого и не существовало, а противостояние собственным выдуманным личностям-псевдонимам и страху открыться людям. А главная проблема Тоби не в ссоре с местной преступной бандой, которая уже не вспоминает о ней, а в ощущении собственной заброшенности и ненужности.

Выводы

Таким образом стратегия жизнеописания служит построению многоуровневого нарратива с несколькими «этажами», отвечающими за прошлое, настоящее и пространство безвременья. А также данная стратегия при условии повествования от первого лица помогает постепенному раскрытию характера героя. М. Этвуд позволяет своим персонажам самим анализировать самих себя в зависимости от их настроений и переживаний. И герой, начиная с простых условностей, сам не замечает, как переходит на откровенный разговор с читателем. Извилистый путь от ложных, но красивых построений к реальному конфликту помогает автору исследовать природу сознания и памяти, столь актуальную в современной литературе, философии и науке.

Библиография

1. Вовк, Е. Ю. (2021). Роман "Заветы" М. Этвуд как пример постмодернистской антиутопии // Актуальные вопросы романо-германской филологии и лингводидактики: Сборник научных трудов. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. С. 7-10.
2. Мамуркина О. В. Теория нарратива в современном литературоведении // Царскосельские чтения. – 2011. – № 15. – С. 226-230.
3. Обдалова О. А. Понятие "нарратив" как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности / О. А. Обдалова, З. Н. Левашкина // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 332-348.
4. Репьевская М. В. Подходы к изучению нарратива. Вестник ЮУрГУ, № 25, 2012. С. 136-137.
5. Ризванова Д. И., Хрущева О. А. Спекулятивная фантастика как жанр современной литературы / Д. И. Ризванова, О. А. Хрущева // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / Под

- общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 227-229.
6. Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. – 2018. – № 2(52). – С. 19-24.
7. Харитонов О. А. Неклассическая композиция повествования в общеэстетическом контексте / О. А. Харитонов // Филоlogos. – 2021. – № 2(49). – С. 89-94.
8. Atwood, Margaret. "Negotiating with the Dead : A Writer on Writing." (2003).
9. Berryman C. "Atwood's Narrative Quest." The Journal of Narrative Technique, vol. 17, no. 1, Department of English Language and Literature, Eastern Michigan University, 1987, pp. 51-56.
10. Stanley S. K. "The Eroticism of Class and the Enigma of Margaret Atwood's 'Alias Grace.'" Tulsa Studies in Women's Literature, vol. 22, no. 2, University of Tulsa, 2003, pp. 371-386.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой работы является нарративная стратегия жизнеописания в творчестве М. Этвуд. Представленный к публикации текст имеет серьезный, концептуальный характер, он строго выверен, логически последователен. Автор дает убедительный расклад относительно творчества Маргарет Этвуд, отмечая, что «это известная современная канадская писательница и поэтесса. За свою продолжительную творческую деятельность М. Этвуд завоевала множество литературных премий и наград. Среди них две Букеровские премии, две премии генерал-губернатора Канады, премия Артура Кларка и многие другие. На сегодняшний день она является одной из главных претенденток на Нобелевскую премию. Начиная М. Этвуд как поэтесса, ее первый сборник «Двойная Персефона» увидел свет в 1961 г. А первый роман «Съедобная женщина» был опубликован в 1969 г. Помимо крупной прозаической формы, автор пишет рассказы. Первый и один из самых известных сборников «Танцующие девушки» вышел в 1977 г.» и т.д. Оценка творчества объективна, последовательна, принцип хронологии магистрален: «писательница работает в разных направлениях. Среди ее произведений можно найти и остросоциальные романы, как, например, «Ущерб тела» (1981) или «Кошачий глаз» (1988), и исторически-документальные тексты, например, «Она же Грейс» (1996). Автор не боится экспериментов с добавлением в книги элементов жанровой литературы: детектива, любовного романа и др.». Цельности работе придают также теоретические отсылки / вставки: «Термин «нарратив» можно перевести на русский язык как «повествование», «рассказ». Само слово «нарратив» происходит от латинского слова «narrare» — «рассказывать», которое в свою очередь связано с латинским словом «gnarus» — «знать». Так в самом термине «нарратив» уже заложена идея познания себя и окружающего мира через повествование». Они позволяют аргументировать общий план исследования, таким образом, синкретизм двух обязательных составляющих научной работы наличен. Разверстка тема по ходу работы сделана грамотно, точно, объективно; автор стремится к полновесности оценки нарративных стратегий в прозе М. Этвуд. Это, безусловно, является положительным моментом данного труда. Считаю, что собственно филологическая канва статьи находится в режиме высшей планки. Язык, стиль исследования соотносится с академическим научным типом. Например, «о чем бы ни

писала М. Этвуд, ее произведения — это всегда история, продуманный многоуровневый нарратив. Некоторые из текстов имеют с первого взгляда понятный, открытый нарративный рисунок, как, например, ранний роман писательницы «Съедобная женщина», в котором главный ключ к пониманию нарративной системы лежал в перемене фокализации», или «В центре развития нарративов М. Этвуд, как правило, стоит процесс становления и саморазвития главного героя-рассказчика. Большинство текстов писательницы — это тотальное пространство ее персонажей. Иногда рассказчик только один, как в романе «Постыжение», но их может быть, и два, как в романе «Слепой убийца», и намного больше, как в трилогии «Безумный Адам». Читатель смотрит на мир исключительно с точки зрения одного или нескольких персонажей», или «таким образом, жизнеописание героя разворачивается на нескольких уровнях времени. Первый повествовательный пласт относится к настоящему, в котором пребывает герой-рассказчик. Будни героя обычно наполнены рутинной. Настоящее характеризуется застоем, духовным кризисом. Однако внешне он может не проявляться, напротив, в настоящем у рассказчиков М. Этвуд, как правило, все хорошо или хотя бы стабильно. Так в романе «Она же Грейс» главная героиня в настоящем готовится к выходу из тюрьмы. Ей оказывают поддержку при подготовке к апелляции, она окружена доброжелателями» и т.д. Цитации первоисточников даны верно, фактические нарушения не выявлены. Думаю, что работа может стать неким образчиком для полноценного анализа нарративных стратегий и ряда других писателей. Работу отличают логические связки, точные переходы, аналитический срез романских конструктов М. Этвуд. Часть позиций, отмечу, может быть и конкретизирован далее (а этом весьма неплохо): например, «лишь по мере развития нарратива начинает проступать реальный конфликт произведения, очищенный от всевозможных литературных приемов. Самый распространенный из них — это псевдо-интрига, когда рассказчик пытается разнообразить повествование о собственной реальной жизни внедрением в него детективной или шпионской линии. Так, например, Джоанн из романа «Леди Оракул» якобы преследует маньяк-поклонник, а Тоби из романа «Год потопа» описывает свое бегство от криминального авторитета». Автору удается создать эффект диалога с потенциально заинтересованным читателем, диалог существует с критическими наработками. Он явственно не открыт, но точка зрения исследователя вполне понятна. Думаю, что текст нужно вычитать, встречаются неточности в пунктуации, но эти ошибки легко устранимы. Вывод по тексту полновесен: «стратегия жизнеописания служит построению многоуровневого нарратива с несколькими «этажами», отвечающими за прошлое, настоящее и пространство безвременья. А также данная стратегия при условии повествования от первого лица помогает постепенному раскрытию характера героя. М. Этвуд позволяет своим персонажам самим анализировать самих себя в зависимости от их настроений и переживаний. И герой, начиная с простых условностей, сам не замечает, как переходит на откровенный разговор с читателем. Извилистый путь от ложных, но красивых построений к реальному конфликту помогает автору исследовать природу сознания и памяти, столь актуальную в современной литературе, философии и науке». Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, главное – тема работы раскрыта. Библиографический список оформлен в соответствии с требованиями издания. Материал удобно использовать в режиме практического овладения историей зарубежной литературы. Рекомендую статью «Нарративная стратегия жизнеописания в творчестве Маргарет Этвуд» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фарафонова О.А. Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70225 EDN: MJUQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70225

Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования

Фарафонова Оксана Анатольевна

ORCID: 0000-0003-4205-6793

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе; Новосибирский государственный педагогический университет

630126, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3, ауд. 308

✉ oxana.faroks@yandex.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70225

EDN:

MJUQU

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: Предметом представленного в статье системного исследования является метатекстовая функция заглавий русских мемуаров XVIII – начала XIX вв. Объектом исследования выступают все известные и опубликованные тексты русских мемуаров указанного исторического периода. Автор подробно анализирует в указанном аспекте мемуары В. В. Головина, И. О. Острожского-Лохвицкого, И. Г. Андреева, Я. П. Шаховского, И. И. Неплюева, И. В. Лопухина, М. В. Данилова, Т. П. Калашникова, Г. И. Добрынина, П. С. Батурина и др. авторов. Особое внимание уделяется анализу мемуарного заглавия как результата авторской рефлексии и адресованного читателю авторского знака, отражающего тенденцию к индивидуализации повествования о себе и стремление авторов-мемуаристов к целостному осмыслению и литературной оформленности текста воспоминаний. Методология исследования базируется на принципах компаративистики и сравнительно-исторического анализа. Корпус исследуемых мемуаров помещается в общекультурный контекст эпохи, что позволяет

говорить о принципах формирования и развития русской мемуаристики в XVIII в. Мемуарные заглавия отражают на какую эстетическую и ценностную парадигму был ориентирован мемуарист. Новизна исследования заключается в том, что мемуарное заглавие впервые рассматривается как основной элемент метатекстового ансамбля «заглавие – предисловие – эпиграф – послесловие». Обязательно присутствующая в мемуарном заглавии жанровая номинация (записки, летопись, повесть, житие, жизнь) понимается как ориентированный на потенциального читателя знак культурно-литературной самоидентификации мемуариста. В статье обозначаются следующие тенденции: ориентация на древнерусскую культурную и жанровую традицию, влияние просветительно-классицистической парадигмы и установки, продиктованные влиянием сентиментализма и жанра романа. Системный анализ более пятидесяти произведений русской мемуаристики позволяет сделать вывод об определяющей роли жанровой номинации в составе мемуарного заглавия для выбора автором модели повествования, ракурса изображения событий и характеров, лейтмотивов и принципов организации сюжета. Составление и анализ репертуара заглавий мемуарных произведений XVIII – начала XIX вв. позволяют сделать вывод о принципах формирования и развития русской мемуаристики в целом.

Ключевые слова:

мемуары, заглавие, метатекст, древнерусская культурная традиция, просветительская парадигма, классицизм, сентиментализм, роман, жанровая номинация, авторский знак

Мемуарное заглавие не только называет текст и указывает на его принадлежность конкретному автору, но и является ориентированным на потенциального читателя знаком авторской рефлексии. Смысл мемуарного заглавия часто поддерживается, усиливается или проясняется предисловием и (или) эпиграфом. В тех случаях, когда мемуарное предисловие отсутствует, именно заглавие принимает на себя основную метатекстовую функцию.

В XVIII в. в русской культуре активно развивается жанр мемуаров, написание которых к концу столетия стало неотъемлемой частью жизни дворянина [\[1, 2\]](#).

Большинство русских мемуаров второй половины XVIII в. имеют оригинальное авторское заглавие. Отсутствие заглавия обусловлено, как правило, временем создания, формой мемуарных записей и целями мемуариста. Так, не имеют авторского заглавия автобиографические записки Г. П. Чернышева (начало 1740-х) и В. А. Нащокина (1759–1760) в форме подневных записей, или автобиография С. Р. Воронцова (1796–1797), содержащаяся в письме к графу Ф. В. Растопчину.

В большинстве случаев мемуарные заглавия XVIII века развернуты и информативны. Как правило, они состоят из нескольких элементов: указание на жанровую доминанту (записки, повесть, летопись и т.п.), информация об авторе, краткие сведения содержательного характера. Жанровая номинация (записки, жизнь, описание, жития, повесть, летопись), являющаяся обязательным элементом мемуарного заглавия, указывает на значимые для автора «претексты», задает необходимый мемуаристу ракурс восприятия его воспоминаний. Выполняя функцию знака культурно-литературной самоидентификации мемуариста, жанровая номинация, входящая в состав заглавия, одновременно определяют его точку зрения относительно выбора модели повествования, ракурса изображения событий и характеров, лейтмотивов и принципов

организации сюжета. Репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII в. разнообразен и отражает сознательную ориентацию авторов на определенные культурно-эстетические тенденции XVIII в.

В большей части заглавий русских мемуарных текстов встречается номинация «записки». Она становится своего рода опознавательным знаком мемуарного повествования, что особенно проявляется уже в XIX веке, когда все мемуарные тексты предшествующего столетия обозначаются в издающих их журналах («Русский архив», «Русская старина» и др.) именно как «записки». Но зарождение тенденции можно наблюдать уже в издательской практике конца XVIII в., когда, например, Н. М. Карамзин, публикуя в «Московском журнале» «Мемуары» К. Гольдони, называет их «Гольдониевыми записками», или Н. Облеухов озаглавливает как «Записки» переведенные им мемуары кардинала де Ретца.

Отметим, что при большом тематическом разнообразии «записками» в России второй половины XVIII в. назывались сочинения, претендующие на достоверность и имеющие целью «послужить на благо» современникам и будущим поколениям. Подобное понимание специфики записок сохранится и в изданиях русских мемуаров в XIX веке. Называя свои сочинения «записками» на протяжении всего столетия, мемуаристы акцентируют такие качества своих сочинений, как установка на достоверность, почти документальность повествования и объективность пишущего. При сопоставлении произведений заглавием «Записки», созданных в первой половине XVIII в., с текстами авторов более позднего периода обнаруживаются существенные различия в степени и способах проявления авторского «я».

Первые русские мемуары, озаглавленные как «записки», принадлежат современникам Петра I А. А. Матвееву, И. А. Желябужскому, С. Медведеву, Б. И. Куракину. В центре повествования стоят не сами авторы, а исторические события и личности. Мемуарист, обосновывая право писать подобные «записки», называет себя «самовидцем». Во второй половине XVIII в. установка на истинность и достоверность мемуарного повествования сохраняется, но на первый план выходит личность автора и его восприятие события, что сказывается, прежде всего, в изменении «формулы» заглавия. Традиционное сочетание жанровой номинации и имени автора с указанием в некоторых случаях объекта описания (личности или события) дополняется индивидуальными авторскими знаками (эпитетами, пояснениями, отражающими специфику авторской концепции и т.п.). Даже указание, что записки «своеручные» или «собственноручные», становится не только подтверждением достоверности записанного, но декларацией авторской воли и права на выражение собственного видения описываемых событий и понимания себя («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»). Сохраняя на всем протяжении XVIII в. репутацию документальности, номинация «записки» во второй половине столетия все чаще связывается с индивидуализацией авторских намерений в изображении себя как частного человека.

Иные жанровые номинации встречаются в мемуарных заглавиях значительно реже «записок» и преимущественно в произведениях второй половины XVIII в. Такие заглавия обращают на себя внимание выраженной декларативностью авторских намерений, так как становятся прямым указанием на определенную традицию (культурную, литературную, жанровую), близкую и понятную мемуаристу.

В отличие от «записок», на протяжении всего XVIII в. сохранивших тематическое и функциональное разнообразие, номинация «жизнь» применялась либо для обозначения историко-биографического сочинения, либо в названиях оригинальных и переводных

романов. Сопряжение традиций русской агиографии и западноевропейских жизнеописаний в опытах русских мемуаристов является закономерным следствием процессов, происходящих в русской литературе XVIII в. в целом. В заглавиях русских мемуаров номинация «жизнь» или ее варианты может соединяться с номинациями «странствие» или «путешествие», отсылающими к традиции хождений (хожений) в древнерусской литературе и западноевропейским описаниям паломничеств эпохи средних веков и Возрождения. Чаще всего подобная контаминация встречается в автобиографических произведениях служителей церкви и провинциального дворянства. Отраженное в таких заглавиях понимание жизненного пути как странствия, полного испытаний, характерно для христианской традиции. В произведениях светских авторов-мемуаристов XVIII в. житийно-паломническая литературная традиция переосмысливается, индивидуализируется и становится своеобразной формулой, описывающей личную историю автора.

Репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII в. отразил и влияние древнерусской летописной традиции. Форма летописи на начальном этапе становления русской мемуаристики оказалась наиболее понятной авторам, летопись была органичным ориентиром для мемуаристов XVIII в. Авторы мемуаров первой половины XVIII в. (И. М. Грязново, В. А. Нащокин, Г. П. Чернышев, С. И. Мордвинов, Н. Ю. Трубецкой и др.) ориентируются на знакомую им летописную форму погодных записей. Такие тексты, как правило, доводятся мемуаристами от воспоминаний о детстве до момента составления записок, вбирая в себя материал не только прошлого, но и современной моменту написания действительности. В некоторых случаях летописно-хронологическое повествование буквально охватывает всю жизнь автора и доводится им до последних месяцев (В. А. Нащокин, С. И. Мордвинов) или даже дней (И. И. Неплюев) жизни. Однако собственно номинация «летопись» в мемуарных заглавиях появляется не часто и только во второй половине столетия. Летописные по своей форме и манере повествования мемуары чаще озаглавливались авторами как «записки» или «повести».

Читатель второй половины XVIII в. был знаком и с древнерусскими повестями и произведениями европейской литературы, известными в российских изданиях как «повести». Повестями назывались оригинальные и переводные произведения, имеющие авантюрно-любовную романную природу. Немало издавалось философских или нравоучительных повестей. Репертуар опубликованных во второй половине XVIII в. в различных русских типографиях оригинальных и переводных произведений, именуемых повестями, весьма обширен. Но по традиции повесть в издательской и читательской практике XVIII в. понималась, прежде всего, как историческое сочинение, повествование об исторических событиях, имеющее достоверную основу, что функционально сближает номинации «повесть» и «записки» в мемуарных заглавиях. «Повесть» (и эквивалент – номинация «повествование») в мемуарных заглавиях часто дополняется характеристикой «истинная» или иными указаниями автора, подтверждающими принадлежность текста и достоверность записанного.

Номинация «жизнь» в мемуарных заглавиях XVIII в. часто встречается в сочетании с «приключением» или «похождением». На основании переводческой и издательской практики второй половины XVIII в. можно сделать вывод, что номинации «похождение» и «приключение» в русской литературной культуре второй половины столетия мыслятся как возможные эквиваленты друг друга. Чаще всего указанные номинации встречаются в заглавиях романов или переводных мемуаров. Общепринятое в Западной Европе обозначение мемуарных произведений – «memoires» – в русских изданиях, наряду с вариантом «записки», часто переводится как «похождение».

Однако близкие по значению и часто в обиходе взаимозаменяемые «похождение» и «приключение» по-разному осмыслялись русскими мемуаристами. «Приключение» употреблялось в значении «случай», «неожиданное, но реальное происшествие». «Похождение» соотносилось в большей степени с жизнеописанием, содержащим в том или ином виде рассказ о путешествии, что связано с этимологией слова, означавшего «странствие», «путешествие» и в контексте русской культуры соотносившегося с жанром хождений.

В мемуарных текстах, озаглавленных как «похождение», описываемые странствия-путешествия носят, как правило, вынужденный характер, обусловленный службой героя-мемуариста в армии, его участием в войнах, и являются одним из центральных (если не основным) планом повествования.

Номинация «похождение» в заглавиях русских мемуаров второй половины XVIII – начала XIX в. встречается в несколько раз чаще, чем «приключение». По нашим наблюдениям, мемуарное заглавие, построенное именно по такой формуле, принадлежит только А. Т. Болотову [3]. В других случаях мемуарные заглавия либо более многословны, либо сочетание «жизнь и приключение» не занимают главенствующей позиции, а, следовательно, нельзя говорить, что это является отражением определенной авторской концепции.

Восходящая к древнерусскому слову «ключитися» (происходить) номинация «приключение» не ставила под сомнение достоверность повествования (даже романного), указывая на то, что описывается только то, что случилось, произошло на самом деле. «Приключение» в заглавии настраивало читателя на невымышленную историю. «Похождение» в большей степени ассоциировалось в XVIII в. с романом [4, 5]. А. Т. Болотов, например, именно как роман воспринимает мемуары П. З. Хомякова «Похождение некоторого россиянина, истинная повесть им самим написанная». Болотов включает текст Хомякова в критический обзор «Мысли и беспристрастные суждения о романах...» и оценивает его достоинства и недостатки именно в таком жанровом контексте [6].

Очень разные по целям, стилю, степени эстетической оформленности и авторской осознанности мемуары второй половины XVIII в. отражают основные тенденции русской культуры, что видно по мемуарным заглавиям, маркирующим близость авторской установки к той или иной культурной традиции. Специфика культурной ситуации в России XVIII в. заключается в сосуществовании и взаимодействии генетически различных культурных моделей – древнерусской, просветительно-классицистической, сентименталистской.

Ориентация на древнерусскую культурную и жанровую традицию прослеживается в мемуарах, озаглавленных авторами как «жизнь» («житие», «описание жития»), «летопись», «повесть». В редких случаях мемуарный текст, ориентированный на древнерусскую житийно-летописную повествовательную традицию, имеет заглавие «Записки». Как, например, «Записки бедной и суетной жизни человеческой» камер-юнкера Екатерины I В. В. Головина – первое мемуарное произведение с заглавием «Записки...», хронологически относящееся ко второй половине XVIII в. [7]. Мемуарист ничего не сообщает о том, по какой причине он взялся за составление своей автобиографии, у «Записок...» Головина нет предисловия. Однако мемуарное заглавие очень красноречиво, и выполняет по отношению к основному тексту его мемуаров функцию метатекста, декларируя авторское понимание жизни (своей, в частности, и

человеческой жизни вообще). Номинация «записки» указывает на то, что перед читателем собственно мемуарное повествование, но образно-философская часть заглавия подготавливает к восприятию всего сочинения в определенном ключе.

Обобщенно-философский характер заглавия мемуаров Головина, без имени автора, отличает их от подобных сочинений предшествующего периода. Номинация «записки», традиционно указывавшая на достоверность исторического повествования, впервые применяется к тексту о частной жизни человека. Судя по заглавию, самого себя и свою историю мемуарист осмысляет в контексте формулы жизни по Екклесиасту – «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» [Еккл. 1:2, 14]. Сходным образом жизнь человека характеризуется и в посланиях апостола Петра [Петра 1 : 18] и других библейских текстах [Пс. 38:7], где сама по себе жизнь отдельного человека не столь важна, есть нечто большее и значительное. Заглавие, данное Головиным своим запискам, явно неслучайно и отражает результат авторских размышлений, задавая определенное направление читательскому восприятию всего сочинения.

Общая стилистика сочинения Головина подтверждает, что он осмыслял и описывал себя в религиозно-философских категориях древнерусской культуры. Автор называет себя «многогрешным и окаянным, бедным человеком» [7, с. 56]. Сюжет мемуаров выстраивается как описание его «бедной», т.е. несчастной, жизни и всевозможных злоключений, пережитых Головиным, когда он был отправлен, как и другие молодые дворяне, в Европу для постижения наук. Мемуарист ничего не сообщает о своем пребывании за границей, кроме сухих фактов: когда уехал, где был, когда и каким путем вернулся. Примечательно на этом фоне довольно подробное описание отъезда, осмысляемого автором как вынужденное и принудительное расставание с родиной, когда «и я грешник в первое мое несчастье определен» [7, с. 45].

Отъезд «за море в Голландию» предстает в мемуарах Головина началом всех бедствий, а его последствия для своей жизни мемуарист описывает как носитель древнерусского сознания. Отъезд (уход) из дома осознается им если не абсолютной катастрофой, то несчастьем, повлекшим за собой бесконечную череду бед и злоключений: смерть брата, собственная болезнь, потеря всего своего «бедного скарбишки», то ли затонувшего вместе с кораблем, то ли присвоенного «товарищами» по учебе за границей, царская опала из-за дела Монса и т.п. Интересно, что самый страшный эпизод своей биографии – двухлетний арест и пытки в застенках Бирона – Головин не упоминает, заканчивая повествование на описании погребения первой жены в 1733 г. Было ли это осознанным решением мемуариста, не желающего вспоминать пережитые ужасы, или, берясь за мемуары уже во время правления Елизаветы Петровны, Головин, возможно, хранит тайну, ему не принадлежащую, неясно. Но то, что эти события определенным образом повлияли на общую концепцию мемуаров не вызывает сомнения. Заглавие «Записок...» Головина, отражая авторскую рефлексию, задает основанный на древнерусской культурной традиции ракурс прочтения его сочинения, построенного как кумуляция событий «бедной жизни». Ю. М. Лотман, ссылаясь на «Родословную Головиных», составленную П. Казанским, приводит образ жизни Головина после всех описанных в его мемуарах злоключений в качестве примера до абсурда доходящей театрализации бытового поведения дворянина-помещика, называя «каждодневный быт» в поместье Головина «смесью ярмарочного балагана, народных заклинаний и заговоров и христианского обряда» [8, с. 547]. Исследователь приходит к выводу, что игровая театральность, которой окружил себя Головин, носила совершенно осознанный и преднамеренный характер. Согласившись с выводами ученого, добавим, что создав своеобразные, ежедневно повторяющиеся, ритуалы, Головин словно пытается уверить

самого себя и всех окружающих в том, что «бедная и суетная жизнь» может зависеть от воли «бедного и грешного» человека.

Весьма примечательное заглавие мемуаров помещика Курской губернии И. О. Острожского-Лохвицкого – «Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, то есть Годепорик или странствие в жизни сей» (1770-е гг.) – обратило на себя внимание издателя «Киевской старины» Ф. Г. Лебединского при первой, и до сих пор единственной, публикации воспоминаний: «Записки имеют свое особое, многословное заглавие, указывающее на автобиографический их характер. Под этим заглавием мы и предлагаем их текст, отказываясь объяснить, как сфабриковано и что буквально означает данное им автором однословное название: *Годепорик* (курсив издателя)» [\[9, с. 355\]](#).

Лебединский адаптирует заглавие мемуаров Острожского, назвав публикацию «Записки Ново-Оскольского дворянина И. О. Острожского-Лохвицкого». Оригинальное авторское заглавие, как видно из приведенного комментария, публике сообщается, но отказ от пояснения превращает его во что-то вторичное по отношению к самому тексту. В монографии «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.» Тартаковского заглавие текста Острожского также не комментируется, более того, его полный вариант в ключевом историко-типологическом исследовании русских мемуаров Тартаковским не указывается, исследователь ограничивается первой частью «многословного заглавия», т.е. «Описание жития, дел, бедствий и разных приключений...» [\[10, с. 51, 250\]](#). Аналогично поступает и В. В. Муравьева в диссертации посвященной агиографическим традициям в русской мемуаристике XVIII в. [\[11\]](#).

Странное слово «годепорик», сочетаемое в заглавии Острожского-Лохвицкого с «житием» и «странствием», является искажением греческого названия жанра путевых заметок «hodoeporicon» (буквально, «маршрут», «путь»), появившегося во времена первых христианских паломничеств. И если в древнерусской традиции подобная жанровая номинация не встречается, то в европейской литературе Средних веков и раннего Возрождения примеров таких текстов достаточно. Hodoeporicon традиционно относился к паломнической литературе и представлял собой своеобразный отчет о странствии. Одними из первых известных произведений в этом роде является «Годозпорикон» («Ходозпорикон») святого Виллибальда, повествующий о его паломничестве в Рим в 720–723 гг., и его же заметки о паломническом путешествии в Святую землю (723–727 гг.) и Константинополь (727–729 гг.). Выскажем предположение, что первые издатели мемуаров Острожского-Лохвицкого не смогли идентифицировать и интерпретировать заглавие, потому что такое обозначение паломнических странствий в русской литературной традиции не было «на слуху». Древнерусская литература знает жанр хождений (хождений), новая русская литературная культура XVIII в. осваивает жанровую номинацию «путешествие».

Одной из характерных особенностей жанра hodoeporicon является скрупулезное перечисление путешественником всех географических пунктов. Начав писать записки в двадцать с небольшим лет, Острожский-Лохвицкий тщательно ведет описание своего «странствия в жизни сей» почти полвека, вплоть до своей смерти в 1825 г. Было ли заглавие мемуаров составным с самого начала, или же вторая часть появилась позже, установить не представляется возможным. Однако очевидно, что именно вторая часть заглавия более концептуальна, нежели первая. Первая – перечислительная – имеет отношение к житийно-анналистической традиции автобиографических текстов. Вторая – обобщающая – отражает авторское осмысление собственной жизни в целом как

странствия, сопряженного с постоянными трудностями и страданиями. Благодаря развернутой во второй части заглавия метафоре жизни как пути «монотонно-неторопливый летописный рассказ» о происхождении рода и погодные автобиографические записи воспринимаются как законченное повествование.

Очевидную ориентированность на древнерусскую литературную традицию демонстрирует заглавие мемуаров военного инженера-топографа И. Г. Андреева «Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске» [\[12\]](#). Текст «Домовой летописи...», основанный на дневниковых записях автора, расположенных в хронологическом порядке, является одним из самых безыскусных мемуарных сочинений второй половины XVIII в. Хроникально организованное повествование Андреева в конце XVIII – начале XIX в. выглядит архаичным и тяжеловесным на фоне бурно развивающейся русской прозы, но подтверждает то значительное влияние, которое оказала летописная традиция на формирование жанра мемуаров в русской литературе.

Выступая в роли летописца, чье авторское «я», в отличие от текста Острожского, максимально «размыто», Андреев в начале своих мемуаров, вспоминая события детства, пишет то в 3-м, то в 1-м лице. Затем, перейдя к рассказу о годах службы, окончательно переходит на повествование от 1-го лица, вписывает события собственной жизни в историю рода, а ее, в свою очередь, постоянно стремится соотнести с историей государства. Удаленность от столицы, подчеркнутое в заглавии пребывание «на задворках» империи является одним из ключевых факторов, определивших структуру незатейливого повествования «Домовой летописи...». Провинциальный дворянин Андреев стремится показать, что и он сам, и его предки тесно связаны с общей государственной историей. Повествование он начинает с исторически значимого события – покорения Сибири Ермаком, как бы отмечая первую точку пересечения истории государства и истории рода Андреевых. Заданная в заглавии Андреева летописная модель повествования сказывается в сюжетной организации его текста, представляющей собой кумуляцию событий и фактов, перемежающихся дополнительными и, видимо, крайне важными, с точки зрения автора, подробностями. События не различаются по значимости, буквально цепляются дуг за друга в неизбирательной логике воспоминаний мемуариста.

Однако определенная работа Андреева над своим текстом на уровне композиции очевидна: «Домовая летопись...» разделена на две неравные части – в первой мемуарист повествует о «посторонних происхождениях фамилии нашей», во второй – описывает «жизнь свою беспристрастным образом», привнося в летописное повествование оттенок исповедальности. Задача первой части «Домовой летописи...» состояла в том, чтобы убедить потенциального читателя в достоинстве и государственной значимости рода дворян Андреевых. Вторая часть должна была, по словам самого мемуариста, представить «все содеянные мною пороки в молодых моих летах и во времени обращения моего в добрых делах, изъясняя, дать пример потомкам моим» [\[12, с. 74\]](#).

Задавая определенный ракурс восприятия мира и человека, ключевая для русской культуры XVIII в. просветительно-классицистическая парадигма ставила на первое место исполнение долга гражданина и «полезного сына отечества», определяла службу государству как смысл жизни личности. Сама государственная служба стала фактором, определяющим дворянское сознание XVIII в. В мемуарах второй половины XVIII в. история жизни мемуариста часто изображается как история его службы. Примерами

произведений такого рода могут служить «Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим» (1760-е) и «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим писанная» (1770–1773) [\[13, 14\]](#). В обоих текстах служба является центральным, организующим сюжет, мотивом и, по сути, эквивалентом жизни. Заглавия Шаховского и Неплюева, содержащие только жанровую номинацию, имя автора и подтверждение принадлежности текста именно ему, не выводят службу на первый план и не задают тем самым определенный ракурс восприятия. Но ни Шаховскому, ни Неплюеву, как людям, родившимся и воспитанным в петровскую эпоху, осознающим жизнь и службу как единое целое, подобные декларации не нужны. Служба для них является ключевым понятием системы ценностей и началом, определяющим саму жизнь.

Служба как маркер авторской позиции появляется в заглавиях более поздних по времени создания мемуаров дворян елизаветинской и екатерининской эпох. Так, в заглавиях «Записок М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году» (1771) и «Записок из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим» (1809) именно служба и чин автора выносятся на первый план. Выполняя метатекстовую функцию, заглавие в обоих случаях одновременно отделяет мемуарное произведение от любых других сочинений в этом роде, закрепляет авторское имя и статус и включает мемуариста в общий культурный и мировоззренческий контекст эпохи.

Заглавие «Записок...» Данилова [\[15\]](#), выводя на первый план имя и чин автора, полученный им по «челобитной» уже после выхода в отставку, и, акцентируя внимание на деле всей жизни мемуариста – «артиллерийской науке», фокусирует основные планы повествования.

Первый план повествования и его канва – история рода. После подробного и обстоятельного рассказа о происхождении рода Даниловых и предках мемуариста, Данилов сосредотачивается на истории собственной жизни, а лейтмотивом становится честная служба при Елизавете Петровне и Петре III. Второй план повествования связан с рассказом о перипетиях службы, где не имеющему выгодных связей офицеру приходится добиваться всего самому. Третий и, по сути, основной план повествования Данилова связан с его ролью в развитии артиллерийского дела в России – мемуарист был одним из первых русских фейерверкеров, изобретателем в области пиротехники, преподавателем артиллерии, автором учебника. Все три плана повествования Данилова последовательно раскрывают намеченные в заглавии аспекты и «сходятся» в финальном рассказе о получении мемуаристом майорского чина в 1765 году и отставке от службы уже в царствование Екатерины II.

Интенция заглавия «Записок...» Данилова (заслуженный чин) усиливается рассуждением о заслугах дворянина в начале мемуаров, подкрепленного цитированием фрагмента поэмы А. Поупа «Опыт о человеке»: «Когда ж твой будет род старинный, но бесславный, // Не добродетельный, бездельный и злонравный, // То хоть бы он еще потопа прежде жил, // Но лучше умолчать, что весь он подлый был, // И не внушать другим, что чрез толико время // Заслуг твое отнюдь не показало племя. // Кто сам безумец, подл и в лености живет, // Того не красит род, хотя бы Говард был дед» [\[15, с. 283\]](#). Свою жизнь Данилов описывает как совершенную противоположность образу «бесчестного» дворянина, созданного Поупом, акцентируя в заглавии и развивая на всем протяжении повествования мотивы честной службы и исполнения долга как смысла всего своего существования.

В заглавии «Записок из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина» отражается уже иное отношения автора к службе [\[16\]](#). Мемуарное заглавие, с одной стороны, в соответствии с общекультурным контекстом выводит ее на первый план, обозначая и чин мемуариста, а, с другой стороны, фиксирует антиномию «жизни и службы» и декларирует избирательность автора и его право на описание только «некоторых обстоятельств». Мемуарное заглавие Лопухина отражает изменения, происходящие в русской культуре постепенно, начиная с 60-х годов XVIII в., после подписания указа о вольности дворянства. Жизнь и служба дворянина, нераздельно воспринимавшиеся в русской культуре с петровских времен, постепенно начинают осмысляться как разные сферы бытия – личная и государственная. Отметим, что в преимущественно классицистической литературе второй половины XVIII в. антиномия жизни и службы не прослеживается. Герой, как правило, цельная личность, не разграничивающая себя-гражданина и себя-человека.

Мемуарное повествование Лопухина совершенно сосредоточено на личности автора. Он не описывает историю своего рода, как это делает, например, Данилов, не воссоздает подробно «политический» контекст своей службы, как Шаховской, не фиксирует тщательно детали окружающей его бытовой реальности. История, «жизни и службы» в «Записках...» Лопухина это история именно его жизни и его службы. Мемуарист больше сосредоточен на изложении своего понимания того и другого, на размышлении о сущностных вещах (законность суда и адекватность наказания, назначаемого за преступление, вина и прощение и т.п.), чем на описании перипетий своего председательства в Московской уголовной палате или взаимоотношений с сослуживцами. Обозначенные в мемуарном заглавии Лопухина «жизнь и служба» в тексте «Записок...» определяют друг друга как внутреннее и внешнее. Декларируя в заглавии «Записок...» жизнь и службу как две стороны – внутреннюю (процессы самопознания и самосовершенствования) и внешнюю (факты) – своей биографии, Лопухин обращает внимание будущих читателей именно на то, что честное исполнение служебного долга основано на стремлении к идеалу в жизни, и «предполагает, что наиболее эффективно воздействуют на читателя примеры добродетельного поведения» [\[17, с. 168\]](#).

В конце XVIII в., в период становления и расцвета сентиментализма, при изменившемся понимании человека и способов его литературного изображения, мемуарные заглавия все чаще отражают тенденцию к индивидуализации повествования, обособлению своей истории от истории общественной. Порой заглавия в мемуаристике маркируют еще не проявившиеся в литературе культурные тенденции.

«Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год» (1794) является закономерным следствием отмеченных общекультурных и мировоззренческих перемен [\[18\]](#). Номинация «жизнь» указывает на знакомство сибирского мемуариста Т. П. Калашникова с европейской биографической литературой, жизнеописаниями великих людей. На этом культурном фоне заглавие мемуаров надворного советника, нерчинского, а затем иркутского чиновника казенной палаты, Т. П. Калашникова выглядит максимально индивидуализировано и декларативно. Автор не только характеризует собственную манеру письма, указывая, что пишет «простым слогом», но и превращает заглавие мемуаров провинциального чиновника в своего рода декларацию прав «маленького человека», используя в отношении себя эпитет «незнаменитого». Декларированная в заглавии «незнаменитость» мемуариста и его предков компенсируется в автобиографическом сочинении Калашникова соотношением собственной жизни с общеисторическим контекстом эпохи. Отмеченное

выше указание Калашникова на безыскусность повествования («простым слогом описанная») также является знаком авторской рефлексии и отражает общекультурные изменения, связанные с перестройкой всей мировоззренческой системы эпохи. Автор не столько снимает с себя «ответственность» за несовершенства стиля и т.п., сколько обращает внимание потенциального читателя на то, что перед ним «безыскусная» история обычного человека, достойная, тем не менее, быть записанной уже потому, что человек этот существовал на самом деле, честно служил, любил своих детей и пр.

В русле основных культурных тенденций конца XVIII столетия следует рассматривать и мемуары выходца из клерикальной среды И. Г. Добрынина [\[19\]](#). Начав писать в 35 лет, мемуарист заканчивает свое сочинение почти в восьмидесятилетнем возрасте в 1823 году. Его заглавие – «Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске» – отражает общую для литературной культуры конца XVIII в. тенденцию к исповедальности.

Как отмечает в предисловии к публикации «Истинного повествования...» в «Русской старине» М. И. Семевский, Добрынин был «весьма близко знаком с современной ему переводной и оригинальной русской словесностью» и «усвоил себе все приемы даровитых писателей» [\[20, с. 119-120\]](#). Основания говорить о начитанности мемуариста Семевскому дают прямые отсылки к «Исповеди» Руссо и «Чистосердечному признанию в делах моих и помышлениях» Фонвизина в самом тексте «Истинного повествования...». В § XLIV второй части Добрынин пишет: «Славной, но больше того известно, Жан-Жак Руссо, в книге исповеди своей, показал свою откровенность, даже до таких своих действий, которые ни ему, ни читателям ни к чему не служат, кроме соблазна; а наш почтеннейший Фон-Визин, по-видимому из подражания Жан-Жаку, назвав одно из своих сочинений "исповедью", исповедывается, что он "сочинил оперу, и для прочтения оной представлен был к государыне императрице Екатерине II"; как будто это такой грех, который стоит больше исповеди, нежели фастовства. Для чего же и мне не подражать сим славным людям? Стану и я исповедываться, с тем только от них различием, что моя исповедь, действительно, во грехе, а не в празднословии соблазнительном Жан-Жак Руссо и не в фастовстве – Фон-Визина» [\[19, с. 302-303\]](#). Далее Добрынин подробно описывает обстоятельства, при которых он, губернский стряпчий, соблазнился взяткой, анализируя причины, побудившие его к этому.

Обозначенное в заглавии «истинное повествование» помещается автором в контекст исповедальных произведений в духе сентиментализма и одновременно противопоставляет индивидуально авторское понимание истинности и исповедальности уже сложившемуся в литературе «канону». Противопоставляя свое раскаяние в «настоящем» грехе надуманным, по его словам, исповедям Руссо и Фонвизина, мемуарист обозначает оппозицию исповеди литературной и исповеди как «истинного повествования» о содеянном.

Сомневаясь в искренности литературного «слога», Добрынин довольно часто иронично сопоставляет предполагаемое литературное описание чего-либо и то, как это предпочитает делать он сам. Так, например, он рассуждает о том, как нужно писать о смерти Екатерины II: «Несчастье, которое стихотворцы стали бы изъяснять: взошла мрачная туча и среди-дневной свет покрыла ночьюю темнотою. Страшные жерлы ея разродились в горизонте, произвели хладное и ужасное во всей империи наводнение. <...> Но все таковыя изъяснения были бы не что иное, как тень вместо тела, следовательно, нет тут нужды ни в бурях, ни в тучах, ни в молниях, ни в громах, а довольно сказать: умерла государыня императрица Екатерина II, в ноябре месяце 1796

года по тридцатичетырехлетнем царствовании» [\[19, с. 315–316\]](#).

Установка заглавия на «истинное повествование» подкрепляется авторским предисловием и развивается рассуждениями внутри текста. Литературная исповедь понимается мемуаристом как маска, скрывающая истинное лицо автора. Сравнение себя с Руссо и Фонвизинным и постоянная самоирония становятся для Добрынина своеобразным инструментом самопроверки.

В этом смысле интересно заглавие мемуаров «Жизнь и похождение Г. С. С. Б. Повесть справедливая, писанная им самим» (ок. 1800). Автор «интригует» читателя, зашифровывая в заглавии начальными буквами информацию о своем имени и статусе. Но, как отмечает в предисловии к первой публикации Б. Л. Модзалевский, «этот шифр легко поддался разбору при ознакомлении с самым содержанием повествования: *“Господин Статский Советник Батурина”* [курсив издателя]» [\[21, с. 45\]](#). Скрывая собственное имя и делая пометку о том, что «все собственные имена и прозвания должны быть назначены только одними начальными буквами» [\[22, с. 48\]](#), автор намекает на то, что все участники описываемых событий могут быть узнаны читателем. Соккрытие имени становится одновременно и знаком достоверности и приемом повествования. Установку на литературность, присущую заглавию Батурина, отметил уже Модзалевский: «Намеренное скрытие в заглавии своего имени, а также некоторая литературная или книжная изысканность этого самого заглавия <...> дают нам повод предположить, что автор, составляя свои правдивые воспоминания, преследовал не только мемуарную, чисто-историческую задачу, но имел в виду и цели литературные» [\[21, с. 48\]](#).

Полный текст записок Батурина, как свидетельствуют его первые издатели, не сохранился, но Модзалевский отмечает, что «повествование его, в последней своей части, было почти современно описываемым событиям и довело рассказ о них до самых последних лет жизни автора» [\[21, с. 47\]](#). Неизвестно, писал ли мемуарист предисловие к своему тексту, объяснял ли каким-то образом свои намерения, но заглавие его произведения весьма примечательно своей откровенной литературностью.

Проанализировав репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII – начала XIX в., мы обнаружили, что секуляризованная и европеизированная литературная культура XVIII в., частью которой, безусловно, является мемуаристика, не создает абсолютно новые повествовательные формы, а воспринимает их от предшествующих традиций – русской и европейской – и осваивает, трансформируя и контаминируя в соответствии с новым мировоззрением. Являясь частью общекультурного пространства эпохи, мемуаристика развивается по тем же самым принципам, реагируя на основные культурные тенденции, соединяя древнерусские и европейские традиции, что позволяет авторам найти наиболее адекватный именно их пониманию истории собственной жизни язык описания.

Библиография

1. Аурова Н. Н. Образ жизни русского дворянина XVIII в. (по материалам домашних библиотек) // Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.: Экономика. Общественный строй. Культура. М.: РАН Институт российской истории, 2007. С. 247–261.
2. Сертакова И. Н. Повседневная культура России XVIII века [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии: электрон. науч. изд. 2010. Вып. 2 (17). URL: <http://www>.

analiculturolog.ru/archive/item/215-article_27.html (27. 07. 2023).

3. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков. В 3-х томах. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. 1.
4. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 1 (XVIII век). СПб.: Тип. Т-ва Печ. и Изд. дела «Труд», 1909.
5. Веселова А. Ю. А. Т. Болотов и П. З. Хомяков. Роман или мемуары? // XVIII век. СПб.: Наука, 2002. Сб. 22. С. 19–199.
6. Болотов А. Т. Мысли беспристрастные суждения о романах как оригинальных, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // Литературное наследство. [XVIII век]. Т. 9/10. М.: Жур.-газ. Объединение, 1933. С. 194–221.
7. Головин В. В. Записки бедной и суетной жизни человеческой // Казанский П. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского, собранная Бакалавром М. Д. Академии Петром Казанским. М.: Тип. С. Селивановского, 1844. С. 44–57.
8. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 537–573.
9. Острожский-Лохвицкий И. О. Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, то есть Годепорик или странствие в жизни сей // Киевская старина. – 1886. – № 2 (Февраль). С. 350–369.
10. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – начала XIX в. От рукописи к книге. М.: Наука, 1991.
11. Муравьева В. В. Традиции русской агиографии в мемуаристике XVIII века: дисс. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.], 2004.
12. Андреев И. Г. Домовая летопись дворян Андреевых по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 4. Отд. 5. С. 63–176.
13. Шаховской Я. П. Записки Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. Ч. I. М.: Тип. И. Глазунова, 1821.
14. Неплюев И. И. Записки. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893.
15. Данилов М. В. Записки Михаила Васильевича Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы) / Сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Худож. лит., 1991. С. 282–350.
16. Лопухин И. В. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990.
17. Драгайкина Т. А. Повествовательные стратегии «Записок...» И. В. Лопухина // Нарративные стратегии славянских литератур. Повествовательные формы средневековья и нового времени. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2009. С. 156–169.
18. Калашников Т. П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // Русский архив. – 1904. Вып. 3. С. 147–183.
19. Добрынин Г. И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872.
20. Семевский М. И. Записки Добрынина // Русская старина. 1871. Февраль. С. 119–121.

21. Модзалевский Б. Л. Записки П. С. Батурина (1780–1798) // Голос минувшего. 1913. № 1–3. С. 45–48.
22. Батурин П. С. Жизнь и похождение Г. С. С. Б. Повесть справедливая // Голос минувшего. 1913. № 1–3. С. 45–78.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ заглавий как сильной позиции текста всегда конструктивен и важен для более точного понимания произведения. В заголовочном комплексе кодируется тема, манифестируется отчасти сюжет, идейная нагрузка. Представленная работа касается анализа заглавий русских мемуаров XVII – начала XIX веков. Автор достаточно удачно сопоставляет данный уровень с понятием метатекст. Стоит согласиться, что «мемуарное заглавие не только называет текст и указывает на его принадлежность конкретному автору, но и является ориентированным на потенциального читателя знаком авторской рефлексии. Смысл мемуарного заглавия часто поддерживается, усиливается или проясняется предисловием и (или) эпитафией. В тех случаях, когда мемуарное предисловие отсутствует, именно заглавие принимает на себя основную метатекстовую функцию». Исследователь нарочито обозначает, что «в большинстве случаев мемуарные заглавия XVIII века развернуты и информативны», «как правило, они состоят из нескольких элементов: указание на жанровую доминанту (записки, повесть, летопись и т.п.), информация об авторе, краткие сведения содержательного характера. Жанровая номинация (записки, жизнь, описание, жития, повесть, летопись), являющаяся обязательным элементом мемуарного заглавия, указывает на значимые для автора «претексты», задает необходимый мемуаристу ракурс восприятия его воспоминаний. Выполняя функцию знака культурно-литературной самоидентификации мемуариста, жанровая номинация, входящая в состав заглавия, одновременно определяют его точку зрения относительно выбора модели повествования, ракурса изображения событий и характеров, лейтмотивов и принципов организации сюжета». Примечательно, что функционал заглавий раскрывается по всей работе, это является обязательным компонентом научного сочинения. Статья грамотно выстроена, точка зрения автора объективна; на мой взгляд, в работе достаточно аргументов, иллюстративного материала. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом. Например, «первые русские мемуары, озаглавленные как «записки», принадлежат современникам Петра I А. А. Матвееву, И. А. Желябужскому, С. Медведеву, Б. И. Куракину. В центре повествования стоят не сами авторы, а исторические события и личности. Мемуарист, обосновывая право писать подобные «записки», называет себя «самовидцем». Во второй половине XVIII в. установка на истинность и достоверность мемуарного повествования сохраняется, но на первый план выходит личность автора и его восприятие события, что сказывается, прежде всего, в изменении «формулы заглавия», или «иные жанровые номинации встречаются в мемуарных заглавиях значительно реже «записок» и преимущественно в произведениях второй половины XVIII в. Такие заглавия обращают на себя внимание выраженной декларативностью авторских намерений, так как становятся прямым указанием на определенную традицию (культурную, литературную, жанровую), близкую и понятную мемуаристу» и т.д. Тема работы раскрывается последовательно, цель достигается полномерно; считаю, что поставленный ряд задач автор вполне удачно решен. Материал имеет как практический, так и теоретический характер; его можно продуктивно использовать в вузовской

практике. Примечательно для работы выверенность суждений: например, «форма летописи на начальном этапе становления русской мемуаристики оказалась наиболее понятной авторам, летопись была органичным ориентиром для мемуаристов XVIII в. Авторы мемуаров первой половины XVIII в. (И. М. Грязново, В. А. Нащокин, Г. П. Чернышев, С. И. Мордвинов, Н. Ю. Трубецкой и др.) ориентируются на знакомую им летописную форму погодных записей. Такие тексты, как правило, доводятся мемуаристами от воспоминаний о детстве до момента составления записок, вбирая в себя материал не только прошлого, но и современной моменту написания действительности» и т.д. Автор по ходу работы рассматривает и природу жанра, определяя его существенные приметы и черты (режим сопоставлений): «однако близкие по значению и часто в обиходе взаимозаменяемые «похождение» и «приключение» по-разному осмыслялись русскими мемуаристами. «Приключение» употреблялось в значении «случай», «неожиданное, но реальное происшествие». «Похождение» соотносилось в большей степени с жизнеописанием, содержащим в том или ином виде рассказ о путешествии, что связано с этимологией слова, означавшего «странствие», «путешествие» и в контексте русской культуры соотносившегося с жанром хождений». Таким образом, методология рецензируемого труда крайне актуальна, современна, а главное – продуктивна. Не исключается, наоборот, акцентно разобрана роль автора в мемуарной литературе. Позиция относительно этого точна: «выступая в роли летописца, чье авторское «я», в отличие от текста Острожского, максимально «размыто», Андреев в начале своих мемуаров, вспоминая события детства, пишет то в 3-м, то в 1-м лице. Затем, перейдя к рассказу о годах службы, окончательно переходит на повествование от 1-го лица, вписывает события собственной жизни в историю рода, а ее, в свою очередь, постоянно стремится соотнести с историей государства. Удаленность от столицы, подчеркнутое в заглавии пребывание «на задворках» империи является одним из ключевых факторов, определивших структуру незатейливого повествования «Домовой летописи...» и т.д. Труд самостоятелен, оригинален, интересен; в работе объемно раскрыта сущность темы, определены правильные магистрали оценки мемуарных заглавий. Итого созвучен с основной частью: «проанализировав репертуар мемуарных заглавий второй половины XVIII – начала XIX в., мы обнаружили, что секуляризованная и европеизированная литературная культура XVIII в., частью которой, безусловно, является мемуаристика, не создает абсолютно новые повествовательные формы, а воспринимает их от предшествующих традиций – русской и европейской – и осваивает, трансформируя и контаминируя в соответствие с новым мировоззрением. Являясь частью общекультурного пространства эпохи, мемуаристика развивается по тем же самым принципам, реагируя на основные культурные тенденции...». Основные требования издания учены, список источников полновесен. Рекомендую статью «Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чилингарян К.П., Сорокина Л.С. В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур // Филология: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155

В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур

Чилингарян Камо Павелович

ORCID: 0000-0002-3863-8603

доцент, кафедра иностранных языков Высшей Школы Управления, Российский университет дружбы народов им. П.Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, оф. 707

✉ chilingaryan_kp@pfur.ru

Сорокина Людмила Станиславовна

ORCID: 0009-0006-4656-3214

старший преподаватель, кафедра Иностранных языков Высшей Школы Управления, Российский Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, оф. 707

✉ camilla49@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.3.70155

EDN:

KESMHO

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является поиск оптимального метода анализа глубинных структур с использованием фреймовой семантики. Изучение семантических ролей, сходство и различие в подходах как Ч. Филлмора, так и Б. Левин – М. Р. Ховав позволяют более детально и точно анализировать структуру предложения, выявлять глубинные падежи и определять смысловые отношения между словами. Исследование

этих аспектов является ключевым для понимания языковых конструкций и их интерпретации. Изучение различных подходов позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности, что является ключевым для полного осмысления языковых конструкций. Интерес к анализу текстов в области искусственного интеллекта, машинного обучения и компьютерной лингвистики, понимание смысловых отношений между словами – поможет создать более точные и эффективные алгоритмы обработки текстов. Один из методов исследования является семантический анализ предложений на основе корпусных данных. Этот метод включает в себя изучение различных языковых конструкций в контексте их употребления в реальных текстах, что позволяет выявить общие паттерны и правила употребления этих языковых единиц в разных ситуациях. Научная новизна исследования заключается в том, что авторами определено сходство подходов Ч. Филлмора и Б. Левин с М. Раппапорт Ховав к пониманию поверхностных и глубинных структур языка. Их работы, несмотря на различия в методологии и терминологии, совместно позволяют углубленно исследовать взаимосвязь между значениями глаголов и структурой аргументов. В результате исследования выявлены закономерные взаимосвязи между глубинными падежами и семантическими ролями в предложениях различных типов, а также выделены ключевые моменты, которые необходимо учитывать при анализе глубинных структур для более точного определения семантических ролей аргументов: семантика фреймов и тематические сетки. Разногласия и альтернативные точки зрения способствуют постоянному развитию и совершенствованию лингвистических теорий. Такие дебаты, в итоге, приводят к более глубокому пониманию реализации аргументов и открывают возможности для продолжения исследований в этой области. И Ч. Филлмор, и Б. Левин с М. Раппапорт Ховав внесли значительный вклад в понимание поверхностных и глубинных структур языка, хотя их подходы и терминология могут различаться.

Ключевые слова:

глубинный падеж, синтаксическая структура языка, генеративная лингвистика, семантика фреймов, реализация аргументов, падежная грамматика, искусственный интеллект, естественный язык, корпус, тематические роли

Введение

Актуальность исследования обусловлена различными подходами и интерпретацией к «глубинным структурам». Достаточно долго точка зрения Ч. Филлмора относительно «глубинных падежей» не вызывала споров, но в начале нового столетия некоторые его постулаты подверглись критическому осмыслению. В представленной работе авторы пытаются найти точки соприкосновения основных критиков «глубинных падежей». Выводы могут применяться в различных областях, а изучение различных подходов позволяет сравнить их эффективность и определить наиболее подходящий метод для конкретных задач. Сравнительный анализ подходов к "глубинным структурам" позволяет исследователям понять преимущества и ограничения каждого подхода, что помогает оптимизировать использование методов и разрабатывать новые подходы с учетом сильных и слабых сторон существующих решений. Семантика фреймов Филлмора позволяет более полно понять семантическую интерпретацию, охватывая богатые контекстуальные и ситуационные аспекты значения, а VerbNet Левин и Раппапорт обеспечивают более детальный анализ моделей, специфичных для глаголов. Разногласия и альтернативные точки зрения способствуют постоянному развитию

лингвистических теорий и открывают новые перспективы для дальнейших исследований в этой области.

В области искусственного интеллекта (ИИ) и компьютерной лингвистики подходы падежной грамматики, глубинных падежей, VerbNet и реализации аргументов играют решающую роль в улучшении нашего понимания обработки языка и понимания естественного языка. Эти лингвистические структуры обеспечивают систематический способ анализа синтаксических и семантических структур предложений, помогая компьютерам более эффективно понимать и генерировать человеческий язык.

Актуальность этих подходов в контексте современных технологий невозможно переоценить. В условиях быстрого развития искусственного интеллекта и растущей зависимости от компьютеров для выполнения различных задач способность точно анализировать и интерпретировать естественный язык имеет важное значение. Применяя принципы падежной грамматики, глубоких падежей, VerbNet и реализации аргументов, исследователи и разработчики могут повысить точность и эффективность систем обработки естественного языка, делая их более способными понимать нюансы человеческого общения.

Актуальность этого вопроса очевидна в растущем спросе на технологии искусственного интеллекта, способные понимать и генерировать человеческий язык. На пути от виртуальных помощников, таких как Siri и Alexa, до сервисов языкового перевода и чат-ботов, существует явная потребность в системах искусственного интеллекта, способных эффективно обрабатывать и генерировать естественный язык. Включив в эти системы знания из падежной грамматики, глубинных падежей, VerbNet [\[12\]](#) и реализации аргументов, разработчики могут повысить их производительность, сделать их более удобными и эффективными.

Для эффективного использования этих лингвистических структур в области искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики, необходимо выполнить определенные предварительные условия. Исследователи и разработчики должны иметь четкое понимание лингвистической теории и вычислительных методов, а также знание языков программирования и алгоритмов машинного обучения. Кроме того, для обеспечения успешной интеграции этих подходов в системы ИИ необходим совместный подход с участием экспертов в области лингвистики, информатики и искусственного интеллекта.

Предоставляя учащимся знания и навыки для применения этих лингвистических рамок в реальных приложениях, преподаватели могут подготовить следующее поколение профессионалов в области ИИ для удовлетворения потребностей научно-технической отрасли. Признавая актуальность этих рамок и инвестируя в необходимые исследования и образование, можно удовлетворить потребности научно-технической отрасли и проложить путь к дальнейшему развитию языковой обработки и технологий искусственного интеллекта.

В данном исследовании авторы ставили перед собой следующие **задачи**: – изучить различные подходы к глубинным падежам и описать существующие различия в подходах двух представителей когнитивного подхода (Ч.Филлмора и Б.Левин–М.Х.Раппапорт), выделить существенные различия и/или сходства, принимая во внимание, соответственно, точки зрения на семантику фреймов и Verbnets, проанализировать и ответить на вопрос: являются ли различные точки зрения этих ученых соприкасающимися.

Один из **методов исследования** анализа глубинных падежей, фреймовости и семантических ролей является семантический анализ предложений на основе корпусных данных. Этот метод включает в себя изучение различных языковых конструкций в контексте их употребления в реальных текстах, что позволяет выявить общие паттерны и правила употребления этих языковых единиц в разных ситуациях. Такой анализ может помочь раскрыть закономерности в структуре предложений и интерпретировать их семантику. Сравнительно-сопоставительный анализ подходов Ч. Филлмора и Левин - Ховав позволяет провести сопоставление сходств и различий в понимании структуры языка. Использование этих методов позволяет сканировать языковые данные и выявить скрытые смысловые отношения.

Предметом исследования является поиск оптимального метода анализа глубинных структур с использованием фреймовой семантики. Изучение семантических ролей, сходство и различие в подходах как Ч. Филлмора, так и Б. Левин - М. Р. Ховав позволяют более детально и точно анализировать структуру предложения, выявлять глубинные падежи и определять смысловые отношения между словами. Исследование этих аспектов является ключевым для понимания языковых конструкций и их интерпретации. Изучение различных подходов позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности, что является ключевым для полного осмысления языковых конструкций. Интерес к анализу текстов в области искусственного интеллекта, машинного обучения и компьютерной лингвистики, понимание смысловых отношений между словами - поможет создать более точные и эффективные алгоритмы обработки текстов.

Материалом исследования послужили работы И. В. Бондаренко (2011), Carter, R.J. (1978), Palmer M., Kingsbury P, Gildea D. [23], а также электронные ресурсы FrameNet [11] <https://framenet.icsi.berkeley.edu>, VerbNet. <http://verbs.colorado.edu/~mpalmer/projects/verbnet.html>, WordNet [13] <http://wordnet.princeton.edu>

Теоретическую базу исследования составляют работы таких ученых, как Ч. Филлмор (1981, 1986), Хомский Н. (1965), Levin, B. [19],[21], Levin, B. and Hovav M.R. (2005), Г.Ф. Лутфуллина (2022), Вяч. Вс. Иванов, (2004), Е.А. Красина (2018), С.В. Рядинская (2006), Labov W. (1973) С.Ю. Кравченко (2015), М.В. Марковой (2013). В качестве альтернативных точек зрения ученых использовались труды А. Goldberg (2003), А. McIntyre (2005), Р. Джекендоффа (2002). В работе Лутфуллиной Г.Ф. [5] поднимается вопрос о пяти типологических критериев падежной грамматики, в то время как Вяч. Вс. Иванов [2] рассматривает языки третьего тысячелетия с точки зрения семантики и значений, влияющих на структуру падежей. С.В. Рядинская [7] делает заключение о вневременном наборе семантико-синтаксических функций («ролей») для именных компонентов. Важным аспектом исследования явились работы Макинтайра и Джекендоффа, в которых поднимаются вопросы, связанные с концептуальными и эмпирическими проблемами, и Голдберг, которая уделяет внимание роли конструктивных шаблонов. В работе авторы также ссылаются на диссертацию одного из авторов данного исследования Чилингаряна К.П. [10], в которой утверждается, что «падеж – это реляционная и функциональная категория, поскольку именные формы простого предложения и их основные функции – быть субъектом или объектом, будучи вовлеченными в сферу глагольного предиката, по своей природе, оказались функционально-семантическими, т.е. глубинными смыслами, а поверхностные формально-грамматические структуры, как правило, сопровождают глубинные смыслы и

структуры».

Практическая значимость исследования состоит в его применении в различных областях, включая компьютерную и прикладную лингвистику и психологию. Идеи грамматических конструкций отражают семантические отношения и взаимодействия между словами в предложении. Это может быть полезно для разработки более точных описаний языковых структур и систематического анализа значений слов, для автоматического перевода, синтеза речи, анализа текстов и других задач обработки языка. Работа призвана стать источником информации для лингвистов, преподавателей и студентов, интересующихся ролью глубинных падежей в синтаксической структуре языка. Студентам необходимо глубокое понимание грамматики и языковых структур для эффективного общения и академических успехов. Преподаватели полагаются на эти знания при разработке содержательных уроков и оценок, отвечающих потребностям своих учеников. Исследователи используют глубокий анализ конкретных случаев для изучения сложных явлений и открытия новых идей в своих областях исследования. В целом, использование этих инструментов и методов играет важную роль в удовлетворении потребностей научного сообщества и содействии прогрессу в академических исследованиях. Анализ глубинных падежей может иметь важное значение в различных предметных областях, таких как психология, социология, образование и бизнес.

Обсуждение и результаты

Говоря о падежной грамматике Филлмора [\[8, с. 369-495\]](#) нужно подчеркнуть, что она подразумевает иерархическую организацию глубинных структур. Грамматика Филлмора, известная как "падежная грамматика", является одним из ключевых теоретических основ, используемых в анализе глубинных структур. Она основана на понятии тематических ролей, которые определяются на основе семантики предложения и отражают взаимодействие между глаголом и его актантом. Филлмор считает, что глубинные падежи являются инструментом для выражения этих тематических ролей и отражают структуру событий в предложении.

Как замечает Г.Ф. Лутфуллина (Лутфуллина, 2022, с. 2376), в работе Ч. Филлмора рассматривается «применение пяти типологических критериев падежной грамматики, а именно: наличия специальных форм и согласования, учета анафорических процессов и процессов коммуникативного выделения, включая возможность выбора порядка слов». По мнению М. А. Рыбакова (2012, с. 39), в современном английском языке семантические роли и/или функции в пределах предложения проявляют себя как глубинные падежи. В русском языке господствует общепринятая точка зрения с выделением шести падежей.

В свою очередь, Бет Левин и Малка Раппапорт Ховав [\[20\]](#) предлагают более детальный и комплексный подход к анализу глубинных структур. Они учитывают не только семантику предложения, но и контекстуальные и лексико-семантические особенности. Их концепция включает понятие "прототипического аргумента", который является наиболее значимым элементом в предложении и определяет его глубинную структуру. Более подробно прототипический подход описан в статье С. Ю. Кравченко (2015). Как отмечает С. Ю. Кравченко [\[3, с.117-119\]](#), ссылаясь на работу В. Лабова [\[18, р. 342\]](#), «процесс категоризации «является таким фундаментальным и очевидным фактом лингвистической деятельности», что сами свойства категории обычно считаются само собой разумеющимися и потому не исследуются.

Субъектно-объектная организация предложения языков номинативного типа, по определению Филлмора, (1981, с. 430) опирается на падежные значения и функции субъекта и объекта. Вяч. Вс. Иванов отмечает, что «В большинстве языков, где есть падежи, ими обозначаются основные актанты (отношения между глаголом-предикатом и его аргументами – субъектом, разными объектами, адресатом и т. п.)» (Иванов, 2004, с. 79). Аналогичную точку зрения разделяет Ч. Филлмор [\[15, p. 163–82\]](#).

Теория глубинных структур все еще требует доказательства, так как она связана с другими «материями». Н. Хомский [\[9, с. 465–576\]](#), основоположник генеративной лингвистики, в противовес дескриптивной, основывается на описании языка в виде формальных моделей определенного типа. Исходным типом последних являются генеративные грамматики. Каждый носитель языка использует генеративную (генерирующую) грамматику, чтобы с ее помощью построить высказывание либо понять его. По мнению И.В. Бондаренко [\[1, с. 141–149\]](#), «для генеративной лингвистики существенны языковая компетенция и употребление языка».

Глубинный падеж в лингвистике, разработанный Ч. Филлмором, представляет собой категорию семантического рода, используемую для описания отношения глубины или вложенности между субъектом и объектом в предложении. Глубинный падеж указывает на то, что субъект предложения более глубоко или «интимно» связан с действием или состоянием, выраженным глаголом, чем объект. Это отношение выражается с помощью специфических синтаксических и семантических признаков.

Примеры использования глубинного падежа:

1. «Мама пекла торт для детей». - Здесь субъект «мама» более глубоко связана с действием «пекла торт», чем объект «дети», поскольку «мама» выполняет действие непосредственно, а «дети» являются получателями результатов этого действия.
2. «Доктор сделал операцию пациенту». - В этом предложении субъект «доктор» связан с действием «сделал операцию» гораздо более глубоко, чем объект «пациент», поскольку «доктор» выполняет действие, а «пациент» является получателем этого действия. (Данные примеры авторы составили на примере фреймовой грамматики Ч. Филлмора).

Глубинный падеж помогает описывать отношения между частями предложения и понимать, как различные аспекты семантики и синтаксиса взаимодействуют между собой. Он является важным инструментом в рамках когнитивного исследования языка.

Как отмечают Рядинская С.В. и Мигачев В.А., (2006, с. 181–183) трудами Ч. Филлмора возникла «падежная грамматика» или ролевая грамматика, которая является методом «описания семантики предложения как системы семантических валентностей через связи «главного глагола» с ролями, диктуемыми значением этого глагола и исполняемыми именными составляющими». У каждого падежа – свои глаголы или каждому глаголу соответствует определенный набор падежей, причем каждому из падежей соответствует определенный участник ситуации.

Генеративная модель Филлмора FrameNet представляет собой лингвистическую семантическую модель, основанную на понятии "фрейма", то есть структуры, представляющая собой организованное знание о каком-то концепте или ситуации и связанные с ними роли участников. Он состоит из слотов, которые заполняются семантическими ролями и аргументами. Эта модель строится на идее, что семантика слова или выражения определяется контекстом, в котором оно употребляется. Модель строит грамматические и семантические связи между фреймами и фразами, позволяя

автоматически извлекать семантическую информацию из текстов.

Падежная грамматика Ч. Филлмора – это модель грамматического анализа, которая считается расширением традиционной номинативной грамматики и предлагает более подробное описание синтаксической структуры предложения.

Процесс генерации модели Филлмора включает следующие этапы:

Сбор данных: собираются большие объемы текстов, в которых происходит автоматическое выделение фреймов и их атрибутов.

Аннотация фреймов: эксперты ручным образом аннотируют семантические фреймы и их атрибуты в текстах.

Построение словаря: создается словарь, который связывает слова и выражения с соответствующими фреймами и значениями.

Создание грамматических шаблонов: определяются грамматические шаблоны, которые связывают фреймы с соответствующими словами и выражениями.

Тестирование и настройка модели: модель тестируется на новых данных и настраивается на основе полученных результатов.

Филлмор разработал систему из семи падежей, которые отражают *семантические роли различных аргументов в фрейме*. Эти падежи включают:

A0 (агентивный) - выражает агенса или инициатора действия.

A1 (пациенсивный) - выражает пациенса или объект, на котором совершается действие.

A2 (реципиентивный/профитный) - выражает реципиента или получателя действия.

A3 (эффективный/инструментивный) - выражает инструмент или средство, с помощью которого совершается действие.

A4 (стилиций) - выражает место или контекст, в котором происходит действие.

A5 (чрезвычайный) - выражает аспект действия, связанный с временем или обстоятельствами.

AM (модификаторный) - выражает дополнительную информацию о действии или его участниках.

Метод падежной грамматики Филлмора помогает анализировать структуру предложений на семантическом уровне и позволяет более точно определить роли и отношения между его составляющими. Эта модель активно применяется в семантическом анализе и компьютерной лингвистике. В отличие от традиционной падежной системы русского языка, падежная система Филлмора базируется на семантическом подходе, то есть падежи определяются по смыслу, а не по грамматическим правилам.

Сравнивая лингвистические подходы Филлмора и его сторонников, с одной стороны, и Левин и Раппапорт, с другой стороны, мы сталкиваемся с двумя различными, но взаимодополняющими взглядами на языковой анализ. Семантика фреймов Филлмора утверждает, что слова и фразы вызывают умственные структуры или «фреймы», которые помогают интерпретировать значение. Этот подход сильно подчеркивает контекст и роль активации фреймов в понимании языка.

И наоборот, подход VerbNet Левин [19] акцентирует внимание конкретно на глаголах и их синтаксических моделях. Классифицируя глаголы по семантическим группам на основе их поведения, VerbNet обеспечивает полное понимание того, как глаголы используются в различных контекстах. В то время как «Семантика фреймов» Филлмора предлагает более широкий взгляд на семантическую интерпретацию, VerbNet Левин предлагает подробный анализ поведения глаголов. Вместе эти подходы способствуют целостному и детальному пониманию языка, отвечая на различные исследовательские вопросы.

К. Шулер [24] подчеркивает, что VerbNet — это лексический ресурс, предоставляющий информацию о синтаксическом и семантическом поведении английских глаголов. Его цель — охватить различные способы использования глаголов в предложениях, включая их структуру аргументов и тематическую роль. Этот ресурс связан с другими лингвистическими ресурсами, такими как PropBank. PropBank — это ресурс на основе корпуса, который связывает отдельные экземпляры глаголов в тексте с соответствующими семантическими «фреймами» (рамками). Он предоставляет конкретную информацию о ролях, которые аргументы глагола могут играть в предложении. Этот термин относится к конкретному корпусу М. Пальмер (Palmer et al., 2005). PropBank образовался соединением двух слов - аннотированный словесными предложениями и их аргументами, — «банк предложений». PropBank ориентирован на глаголы, тогда как FrameNet основан на более абстрактном понятии фреймов, которое обобщает описания для похожих глаголов (например, «описать» и «охарактеризовать»), а также существительных и других слов (например, «описание»). По мнению SCISPACE (<https://typeset.io/questions/what-is-prop-bank-4j89vfzl49>), PropBank — это аннотированный вручную корпус, используемый для разметки семантических ролей (semantic role labeling - SRL), который предоставляет информацию о предикатах и аргументах для языка. Он включает в себя невербальные предикаты, такие как прилагательные, предлоги и многословные выражения, и охватывает широкий спектр областей, жанров и языков. Цель PropBank — уловить семантическую роль аргументов в предложении, что помогает понять значение и отношения между словами. Для создания и обновления файлов набора фреймов PropBank используется специальный редактор Cornerstone, который упрощает процесс и поддерживает несколько языков. Claire Bonial и др., в работе PropBank Annotation Guidelines (https://www.researchgate.net/publication/266177244_PropBank_Annotation_Guidelines, 2010) уточняют, что PropBank — это корпус, в котором аргументы каждого предиката аннотированы их семантическими ролями по отношению к предикату. В дополнение к аннотациям семантических ролей, аннотации PropBank требуют выбора senseid (также известного как «набор фреймов» или идентификатор набора ролей -rolesetid) для каждого предиката.

Объединив информацию из классов FrameNet, VerbNet и PropBank, исследователи могут лучше понять, как глаголы используются в естественном языке и как их семантические и синтаксические свойства связаны друг с другом.

Бет Левин и Малка Раппапорт Ховав внесли значительный вклад в область реализации аргументов. Они разработали теоретическую основу, которая исследует, как глаголы и связанные с ними аргументы структурируются в предложениях.

В своей работе Левин и Раппапорт Ховав (2005) предполагают, что значение глагола определяет типы аргументов, которые ему требуются, и то, как они реализуются синтаксически. Они утверждают, что у глаголов есть набор тематических ролей или «тематических сеток» (theta grids), которые представляют потенциальные аргументы,

связанные с глаголом. Эти роли включают, среди прочего, агенсов, пациенсов, инструменты и место. М.В. Маркова в своем исследовании^[6] утверждает, что «существует корреляция между изменением смысла глагола и его синтаксическим поведением. <...> Модель управления задает порядок слов в предложении, что не учтено в теории семантики фреймов. Теория реализации аргументов Б. Левин и М.Р. Ховав подчеркивает взаимодействие между значением глагола и синтаксическими структурами, которые позволяют выражать эти значения. Они исследуют, как разные глаголы имеют разные требования к количеству и типу аргументов, которые они могут принимать, а также к синтаксическим конструкциям, в которых они могут появляться.

Их исследование дает ценную информацию о природе структуры аргументов и повлияло на различные области лингвистики, включая синтаксис, семантику и компьютерную лингвистику. Исследуя, как сочетаются глаголы и их аргументы, эта работа проливает свет на фундаментальные процессы, лежащие в основе речеобразования и понимания языка.

Несмотря на то, что и Ч. Филлмор, и Б. Левин с М. Раппапорт Ховав внесли значительный вклад в изучение реализации аргументов и роли глаголов в структуре предложений, между ними есть некоторые различия в подходах.

В падежной грамматике Филлмора (Филлмор, 1981) основное внимание уделяется грамматическим падежам, связанным с именными фразами, и тому, как они связаны с глаголом. Теория Филлмора подчеркивает важность синтаксических и семантических ролей, и он предложил идею «глубинных падежей», которые представляют собой основные семантические отношения между глаголом и его аргументами.

Подход же Б. Левин и М. Р. Ховав основан на грамматике падежей Филлмора, но также включает в себя дополнительные идеи. Далее они анализируют соответствие между тематическими ролями, связанными с глаголами, и грамматическими реализациями этих ролей. Их теория учитывает различные синтаксические конструкции, в которых могут появляться глаголы, и то, как эти конструкции влияют на реализацию аргументов.

В работе Б. Левин и Р. Ховав также делается акцент на значении глагола и концептуальной структуре, лежащей в основе реализации аргументов. Они утверждают, что значение глагола играет решающую роль в определении синтаксических и семантических свойств связанных с ним аргументов.

В классификации глаголов по Левин (Levin, 1993) выделяются следующие основные классы:

- 1) Глаголы движения (Verbs of Motion): описывают перемещение или изменение местоположения (например, идти, бежать, лететь).
- 2) Глаголы когнитивной сферы (Cognitive Verbs): относятся к процессам познания, мышления и восприятия (например, думать, знать, представлять).
- 3) Глаголы перехода (Transitional Verbs): обозначают физическую трансформацию одного объекта в другой (например, превращать, преобразовывать).
- 4) Глаголы благожелательности (Verbs of Welfare): описывают действия, направленные на улучшение благополучия других людей или животных (например, помогать, помочь, обеспечить).
- 5) Глаголы коммуникации (Verbs of Communication): связаны с передачей информации и

выражением мыслей (например, говорить, спрашивать, рассказывать).

6) Глаголы восприятия (Verbs of Perception): описывают процессы восприятия мира через чувства (например, видеть, слышать, чувствовать).

7) Глаголы изменения состояния (Verbs of Change of State): обозначают перемены в состоянии объекта, такие как появление, исчезновение или превращение (например, стать, оказаться, исчезнуть).

Классификация глагольных классов по Левин представляет собой попытку описания различных семантических типов глаголов, их основных значений и связанных с ними признаков. Она помогает структурировать и систематизировать лексический материал в рамках лексикографических и лингвистических исследований.

Приходим к выводу, что хотя и Филлмор, и Левин с Раппапорт Ховав внесли свой вклад в наше понимание реализации аргументов, подход последних основан на работе Филлмора и включает в себя дополнительные идеи, особенно относительно значения глагола и взаимодействия между значением и синтаксисом.

В рамках падежной грамматики Ч. Филлмора «падеж» относится к грамматической маркировке или категоризации именных фраз (NP) на основе их синтаксической и семантической роли в предложении. Понимание падежа Филлмором отличается от традиционных представлений о падеже, встречающихся в других лингвистических системах, таких как именительный (nominative), винительный (accusative), или дательный (dative) падежи в традиционной латинской или немецкой грамматике.

По мнению Филлмора, падеж определяется не только морфологической формой именной группы, но и ее функцией в конкретном предложении. Он предложил концепцию «глубинных падежей», которая представляет собой основные семантические отношения между глаголом и его аргументами. Эти глубинные падежи затем могут быть реализованы в различных грамматических формах, таких как предлоги, порядок слов или другие синтаксические конструкции. Автор статьи полагает, что термины «поверхностный» и «глубинный» падежи, различают уровень реализации формы как явления и уровень компетенции (интерпретации) содержания как сущности. «<...> падеж – это реляционная и функциональная категория, поскольку именные формы простого предложения и их основные функции – быть субъектом или объектом, и будучи вовлеченными в сферу глагольного предиката, по своей природе, оказались функционально-семантическими, т. е., глубинными смыслами, а поверхностные формально-грамматические структуры, как правило, сопровождают глубинные смыслы и структуры». (Чилингарян, 2022, с. 159). Е.А. Красина [\[4, с. 126\]](#) упоминает, что «современные методы и разработанные на их основе теории опираются на принцип интегрального описания языка с учетом взаимодействия плана выражения и плана содержания <...>; глубинные (семантические) и поверхностные (синтаксические) структуры Н. Хомского.

Филлмор выделил набор основных глубинных падежей, которые соответствуют различным тематическим ролям, связанным с глаголами. Эти глубинные падежи включают, среди прочего, агенса, пациенса, эксперценцера, тему и инструмент. Выбор глубинного падежа для конкретного аргумента зависит от значения глагола и семантической роли, которую выполняет аргумент.

Например, в предложении «Джон пнул мяч» «Джон» будет ассоциироваться с глубинным падежом агенса, а «мяч» — с глубинным падежом пациенса. Конкретная реализация

этих глубинных падежей может варьироваться в зависимости от языка и его грамматического строя.

Структура падежной грамматики Филлмора позволяет анализировать отношения между глаголами и их аргументами на основе их семантической роли. Она подчеркивает идею о том, что выбор падежа не определяется исключительно морфологической инфлексией (изменением), но мотивируется основным значением и структурой предложения.

Если структура падежной грамматики Ч. Филлмора сосредоточена в первую очередь на концепции глубинных падежей и их реализации в различных грамматических формах, Б. Левин и М. Р. Ховав расширили эту идею и еще больше развили понимание падежа.

Левин и Раппапорт Ховав расширили анализ падежа, включив в него более детальное исследование значения глагола и его влияния на реализацию аргументов. Они предложили понятие «тематических сеток» или «тематических ролей», которые представляют потенциальные аргументы, связанные с глаголом, и их конкретные синтаксические и семантические свойства.

В своей работе Левин и Раппапорт Ховав исследовали, почему разные глаголы имеют разные требования к количеству и типу аргументов, примыкающие к ним. Они рассмотрели конкретные синтаксические конструкции, в которых появляются глаголы, и то, как эти конструкции влияют на падежную реализацию их аргументов.

Кроме того, они исследовали взаимодействие между значением глагола, тематическими сетками, а также синтаксическими и семантическими свойствами аргументов. В их анализе учитывались не только традиционные понятия падежной маркировки, но и другие синтаксические особенности и конструкции, способствующие реализации аргумента, такие как предлоги, порядок слов и синтаксические чередования.

Включив более комплексный подход к падежу, Левин и Ховав обеспечили более глубокое понимание того, как падеж определяется как значением глагола, так и синтаксическими структурами, которые позволяют выражать эти значения. Их работа расширила сферу анализа падежей и способствовала нашему пониманию реализации аргументов в более широком смысле.

В своей работе Б. Левин и М. Р. Ховав опирались на идеи Ч. Филлмора о классах глаголов и расширили анализ, представив структуру перекрестной классификации, которая учитывает как значение глагола, так и структуру аргументов.

Как и Филлмор, Левин и Раппапорт Ховав признали, что глаголы можно разделить на классы на основе их общих свойств. Однако Левин и Ховав пошли дальше, предложив более детальную систему классификации, учитывающую не только тематические роли, связанные с глаголами, но и синтаксические структуры, в которых эти роли реализуются.

Система перекрестной классификации Левин и Р. Ховав включает в себя классификацию глаголов на более конкретные классы на основе количества и типа аргументов, которые они принимают, а также синтаксических конструкций и чередований, в которых они участвуют. Они исследуют разнообразное поведение глаголов в различных структурах аргументов и выявляют закономерности реализации аргументов, характерных для конкретных классов глаголов.

Этот подход отличается от глагольных классов Филлмора, которые в первую очередь основывались на семантических ролях и глубинных падежах. Система перекрестной классификации Левин и Ховав объединяет как семантические, так и синтаксические

особенности, обеспечивая более полный анализ поведения глаголов и структуры аргументов.

Включив перекрестную классификацию глаголов, работа Левин и Ховав позволяет более детально понять взаимосвязь между значением глагола, структурой аргументов и синтаксическими чередованиями. Оно подчеркивает вариативность и гибкость реализации глаголов в различных синтаксических конструкциях, обогащая наше понимание сложного взаимодействия между глаголами, аргументами и структурой предложения.

Ссылаясь на работу Картера [\[14, с. 61–92\]](#) и Уилкса [\[25, с. 759–761\]](#) Б. Левин (Левин, 2009) говорит, что «значения глаголов представляют собой интерпретации событий», что действительно отличается от подхода Филлмора, хотя есть некоторые пересекающиеся идеи.

В рамках падежной грамматики Ч. Филлмора основное внимание уделяется взаимосвязи между значениями глаголов и структурой аргументов предложения. Филлмор подчеркивает роль глубинных падежей и их реализацию в различных синтаксических конструкциях. Хотя Филлмор осознавал важность значения глагола в определении структуры аргумента, его основное внимание было сосредоточено на грамматических и синтаксических аспектах реализации падежа.

С другой стороны, идея о том, что «значения глаголов представляют собой интерпретации событий», подчеркивает более широкий взгляд на то, как значения глаголов связаны с концептуальным представлением событий. Это понятие, часто связываемое с работами Левин и Ховав, предполагает, что значения глаголов не только определяют синтаксическую структуру, но также формируют концептуализацию или интерпретацию событий.

Левин и Ховав утверждают, что значения глаголов включают в себя процесс интерпретации, который отражает то, как события мысленно представляются и воспринимаются. Они исследуют, как разные глаголы могут выделить или подчеркнуть определенные аспекты события, такие как способ, результат или участников. Эта интерпретационная перспектива рассматривает когнитивные и интерпретативные аспекты значений глаголов за пределами их синтаксической реализации.

Таким образом, хотя работа Филлмора больше сфокусирована на грамматических и синтаксических аспектах реализации падежей, представление о том, что «значения глаголов представляют собой интерпретации событий», расширяет перспективу, включив в нее когнитивные и интерпретативные аспекты значений глаголов и их влияние на концептуализацию событий.

В лингвистике часто возникают здоровые дебаты и дискуссии вокруг различных теорий и концепций, включая работы Бет Левин и Малки Раппапорт Ховав. Наряду с очень важной работой Левин и Ховав, есть и другие исследователи, имеющие другие точки зрения и альтернативные предложения. Вот несколько примеров ученых, которые высказали альтернативные точки зрения или критику:

Рэй Джекендофф [\[16\]](#) выразил некоторое несогласие с подходом Левин и Ховав к реализации аргументов. Он выступал за другую теоретическую основу, которая подчеркивает роль концептуальной структуры и концептуальной семантики, которая отличается от точки зрения Левин и Ховав о тематических сетках, специфичных для глаголов.

Точку зрения Рэя Джекендоффа можно рассматривать как находящуюся где-то между идеями Левин и Раппапорт Ховав и Ч. Филлмора, поскольку она включает в себя элементы обоих подходов, одновременно представляя свои собственные идеи.

Джекендофф, как и Левин и Раппапорт Ховав, подчеркивает роль концептуальной структуры в реализации аргументов. Он подчеркивает важность рассмотрения концептуальных представлений и семантических ролей, связанных с глаголами и их аргументами. Это согласуется с идеей Левин и Ховав о значениях глаголов и интерпретации событий.

Однако Джекендофф также отмечает элементы падежной грамматики Филлмора, в частности – глубинные падежи и их реализацию в различных синтаксических конструкциях. Он рассматривает взаимосвязь между структурой аргументов и синтаксической структурой, признавая влияние как концептуальных, так и грамматических факторов.

Подводя итог, точку зрения Рэя Джекендоффа можно рассматривать как комбинацию идей Левин/ Раппапорт Ховав и Филлмора. Она включает элементы концептуальной структуры и значения аргумента, а также рассматривает синтаксические и грамматические аспекты реализации падежа.

Эндрю Макинтайр [\[22\]](#) бросает вызов концептуальным и эмпирическим подходам Левин и Раппапорт Ховав к структуре аргументации. Он выступал за более гибкую модель, которая учитывает более широкий спектр факторов, таких как контекст и дискурс, при определении структуры аргументов, а не полагается исключительно на тематические сетки, специфичные для глаголов.

Точку зрения Эндрю Макинтайра можно рассматривать как более близкую к подходу Левин и Раппапорт Ховав, чем к подходу Филлмора, хотя он и критикует некоторые аспекты работы Левин и Ховав, соглашаясь при этом с их общей структурой.

Макинтайр поднимает вопросы, связанные с концептуальными и эмпирическими проблемами подхода Левин и Ховав к структуре аргументации. Он выступает за более гибкую модель, которая учитывает более широкий спектр факторов, таких как контекст и дискурс, при определении структуры аргументации.

Хотя Макинтайр критикует некоторые аспекты подхода Левин и Ховав, такие как опора на конкретные тематические сетки, специфичные для глаголов, его собственные предложения по-прежнему идут в канве более широкой структуры рассмотрения значения глагола и контекстуальных факторов, которые формируют структуру аргументации. Это совпадает с взглядом Левин и Раппапорт Ховав о взаимодействии между значением глагола, структурой аргументов и концептуализацией событий.

Напротив, структура падежной грамматики Филлмора уделяет больше внимания грамматическим и синтаксическим аспектам реализации падежа, что отличается от призыва Макинтайра к более гибкому и контекстно-зависимому подходу.

Таким образом, точка зрения Макинтайра является самой близкой к идеям Левин и Р. Ховав, поскольку он, используя их структуру, предлагает альтернативные идеи.

Адель Голдберг [\[17\]](#) предложила иные взгляды на структуру аргументов и значение глаголов, сосредоточив внимание на роли конструктивных шаблонов и на том, как структура аргументов возникает в результате взаимодействия между глаголами и

конструкциями. Ее работа представляет собой точку зрения, отличную от Левин и Ховав по тематическим сеткам, специфичные для глаголов.

Точку зрения Адель Голдберг можно рассматривать как более близкую к подходу Филлмора, поскольку она имеет некоторые общие черты с его идеями, но в то же время представляет свою собственную точку зрения.

Работа Гольдберг подчеркивает роль конструктивных шаблонов в формировании структуры аргументации. Она утверждает, что структура аргументов возникает в результате взаимодействия между глаголами и лингвистическими конструкциями, в которых они появляются. Это согласуется с особым вниманием Филлмора к синтаксическим и грамматическим аспектам реализации падежа.

Как и Филлмор, Голдберг признает важность как значения глагола, так и синтаксических конструкций при определении структуры аргументов. Она исследует, как конструкции, специфичные для глаголов, и конструктивные схемы влияют на реализацию аргументов.

Однако подход Голдберга также вводит некоторые новые концепции и идеи. Она подчеркивает важность учета продуктивности и обобщения конструкций, а также роли конструктивного значения в реализации аргумента. Ее работа расширяет понимание структуры аргументов за пределы отдельных свойств, специфичных для глаголов, и включает более широкие обобщения о взаимодействии между глаголами и конструкциями.

Таким образом, хотя точка зрения Адель Голдберг имеет некоторое сходство с точкой зрения Филлмора, особенно в рассмотрении роли синтаксических конструкций в структуре аргументов, она также вводит свои собственные отличительные идеи, такие как конструктивные шаблоны и обобщение моделей реализации аргументов.

Заключение

Таким образом, мы приходим к **выводам**, что разногласия и альтернативные точки зрения способствуют постоянному развитию и совершенствованию лингвистических теорий. Такие дебаты, в итоге, приводят к более глубокому пониманию реализации аргументов и открывают возможности для продолжения исследований в этой области. И Ч. Филлмор, и Б. Левин с М. Раппапорт Ховав внесли значительный вклад в понимание поверхностных и глубинных структур языка, хотя их подходы и терминология могут различаться. С точки зрения сравнительного анализа, хотя и Филлмор, и Левин с Раппапорт Ховав исследуют взаимосвязь между значениями глаголов и структурой аргументов, подход последних расширяет структуру Филлмора. Включение Левин и Раппапорт Ховав тематических сеток/рамок и рассмотрение ими разнообразных синтаксических конструкций, в которых могут появляться глаголы, обеспечивает более полный анализ, включающий как поверхностные, так и глубинные структуры. Их работа подчеркивает взаимодействие между значением глагола, структурой аргументов и синтаксической реализацией этих структур, объясняя сложную природу языковой организации. Подходы Филлмора и Левин/Ховав внесли значительный вклад в наше понимание языка.

В работе Филлмора по падежной грамматике особое внимание уделяется поверхностным структурам, особенно синтаксическим и грамматическим аспектам реализации падежа. Он сосредотачивается на сопоставлении глубинных падежей и их поверхностных выражений, рассматривая морфологические и синтаксические формы, реализующие эти падежи. Структура падежной грамматики Филлмора направлена на то, чтобы уловить

взаимосвязь между значениями глаголов и связанными с ними аргументами в поверхностной структуре предложений. С одной стороны, подход Филлмора, известный как семантика фреймов, основывается на том, как слова и фразы вызывают мысленную структуру или «рамку», которая помогает нам интерпретировать значение. Этот подход подчеркивает важность контекста в понимании языка и фокусируется на том, как слова используются в определенных контекстах и как эти контексты формируют их значение. Он охватывает богатые контекстуальные и ситуационные аспекты значения.

С другой стороны, подход Левин и Раппапорт, известный как VerbNet, сосредоточен конкретно на глаголах и их синтаксических моделях. Они классифицируют глаголы по семантическим классам на основе их поведения, предоставляя ценный ресурс для понимания того, как глаголы используются в различных контекстах, обеспечивают более детальный анализ того, как глаголы взаимодействуют со своими аргументами и как это взаимодействие влияет на общий смысл. Левин и Р. Ховав, опираясь на идеи Филлмора, также рассматривают взаимосвязь между значениями глаголов и структурой аргументов. Однако они вводят концепцию «тематических сеток» или «тематических ролей» для представления потенциальных аргументов, связанных с глаголами. Их анализ выходит за рамки поверхностных структур и исследует, как значения глаголов и тематические роли взаимодействуют с синтаксическими и семантическими свойствами аргументов. Они рассматривают разнообразные способы реализации глаголов в различных синтаксических конструкциях, охватывая как поверхностные, так и глубинные аспекты языковой структуры.

Дальнейшие работы по изучению наследия Филлмора и Левин / Раппапорт в области семантики и падежей представляют огромный интерес для лингвистического сообщества. Открываются перспективы для продвижения лексико-грамматического анализа языка в изучении глубинных падежей и структуры глагола, а также взаимосвязи между глаголом, именем существительным, агенсом и пациенсом.

Следующий этап исследований может быть направлен на разработку компьютерных моделей для обработки естественного языка с использованием языков программирования и искусственного интеллекта. Эти модели позволят проводить лексико-грамматический анализ языка на более глубоком уровне и выявлять скрытые закономерности в структуре предложений. Применение методов компьютерной лингвистики и машинного обучения для автоматического извлечения и анализа значений глубинных падежей в больших корпусах текста способствует установлению более точных статистических закономерностей и связей между глаголами, аргументами и глубинными падежами. Разработки в этой области также являются важной составляющей профессионального подхода к исследованию. Важным направлением исследования может стать анализ семантических отношений между различными частями речи и их влияние на понимание текста компьютерными системами. Исследования в области семантики и падежей могут привести к созданию новых методов обработки естественного языка и улучшению качества языковых моделей для компьютеров. Дальнейшие исследования работ Филлмора и Левин / Раппапорт представляют собой важный шаг в развитии лингвистики и компьютерных технологий.

Также стоит упомянуть, что развитие исследований в области когнитивной лингвистики и нейролингвистики может дать новое понимание о том, как глубинные падежи связаны с когнитивными процессами и представлением значения в мозге.

Однако, важно отметить, что дальнейший анализ и разработка в этой области требуют тщательного сопоставления и синтеза различных лингвистических подходов и данных.

Это позволит создать более полную картину и лучше понять, как глубинные падежи функционируют в разных языках и коммуникативных контекстах. Исследование глубинных падежей по Филлмору и Левин/Раппапорт представляет значимые перспективы для дальнейших исследований в области лексико-грамматического анализа языка.

Библиография

1. Бондаренко И. В. Влияние генеративной лингвистики Н. Хомского на мировое языкознание // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. №2.
2. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
3. Кравченко С. Ю. Прототипический подход и процесс категоризации Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 1. С. 117-119.
4. Красина Е. А. Системность в науке о языке: системная лингвистика и семиотическая модель языка Г. П. Мельникова / Е. А. Красина // Ученые записки УО "ВГУ им. П. М. Машерова": сборник научных трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 25. – С. 125-128.
5. Лутфуллина Г.Ф. Падежное оформление субстантивов аспектуальной семантики начальной фазы в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. №7.
6. Маркова М. В. Автоматическая семантическая разметка предложений английского языка // Альманах современной науки и образования. – 2013. – №6 (73). – 65 с.
7. Рядинская, С.В. Падежная грамматика Ч. Филлмора и современное понимание ролевой семантики глагола / С.В. Рядинская, В.А. Мигачев; БелГУ // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометод. контекст: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Белгород, 17-18 мая 2006 г. / Белгор. ун-т потреб. кооперации.-Белгород, 2006.-С. 181–183.
<http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/7269>
8. Филлмор Ч. Дело о падеже /пер. с англ. Е.Н. Савиной // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. С. 369-495.
9. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. – М., 1965. – Вып. IV. – С. 465–576.
10. Чилингарян К.П. Грамматика падежа как структурно-семантический инструмент типологии номинативных языков, дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук / Федеральное Государственное Автономное Образовательное Учреждение высшего образования "Российский университет дружбы народов". 2022
11. Онлайн-версия ресурса FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu>
12. Онлайн-версия ресурса VerbNet. URL:
<http://verbs.colorado.edu/~mpalmer/projects/verbnet.html>
13. Официальный информационный ресурс проекта WordNet. URL:
<http://wordnet.princeton.edu>
14. Carter, R.J. (1978) "Arguing for Semantic Representations", *Recherches Linguistiques de Vincennes* 5-6, 61-92.
15. Fillmore, Ch. J. 1986. Varieties of conditional sentences. *Eastern States Conference on Linguistics (ESCOL)* 3.163-82.
16. Jackendoff, Ray S. *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution* / Ray Jackendoff. – Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2002. – XIX, 477 с.

17. Goldberg, A. E. (2003). "Constructions: a new theoretical approach to language". *Trends in Cognitive Sciences*. 7 (5): 219-224.
18. Labov W. (1973) The Boundaries of Words and Their Meanings // New Ways of Analyzing Variation in English. Washington (D. C.), P. 340-373.
19. Levin, B. (1993). English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation. The University of Chicago Press. Chicago and London.
20. Levin, B., Hovav M.R. (2005). Argument Realization, Research Surveys in Linguistics, Cambridge University.
21. Levin, B. (2009). Lexical Semantics of Verbs II: The Structure of Event Structure. Course LSA 116 UC Berkeley.
22. McIntyre, A. (2005). The Semantic and Syntactic Decomposition of *get* : An Interaction Between Verb Meaning and Particle Placement , *Journal of Semantics*, Vol. 23, Issue 4, Nov.2005, P. 401–438, <https://doi.org/10.1093/jos/ffh019>
23. Palmer M, Kingsbury P, Gildea D (2005). "The Proposition Bank: An Annotated Corpus of Semantic Roles". *Computational Linguistics*. 31 (1): 71–106.
24. Schuler, K. K. (2005). VerbNet: A Broad-Coverage, Comprehensive Verb Lexicon. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania.
25. Wilks, Y. (1987) "Primitives", in S.C. Shapiro, ed., *Encyclopedia of AI*, Volume 2, Wiley, 759-76.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации работа, безусловно, актуальна, нова, самостоятельна. Автор обращает внимание на т.н. глубинные структуры, формирование фреймовой семантики. В начале труда отмечено, что «в области искусственного интеллекта (ИИ) и компьютерной лингвистики подходы падежной грамматики, глубинных падежей, VerbNet и реализации аргументов играют решающую роль в улучшении нашего понимания обработки языка и понимания естественного языка. Эти лингвистические структуры обеспечивают систематический способ анализа синтаксических и семантических структур предложений, помогая компьютерам более эффективно понимать и генерировать человеческий язык». Стоит согласиться, что «актуальность исследования обусловлена различными подходами и интерпретацией к «глубинным структурам». Достаточно долго точка зрения Ч. Филлмора относительно «глубинных падежей» не вызывала споров, но в начале нового столетия некоторые его постулаты подверглись критическому осмыслению. В представленной работе авторы пытаются найти точки соприкосновения основных критиков «глубинных падежей». Выводы могут применяться в различных областях, а изучение различных подходов позволяет сравнить их эффективность и определить наиболее подходящий метод для конкретных задач». Текст имеет полновесно законченный вид, материал максимально информативен, целостен; предметная область соотносится с одной из рубрики издания. Материалом исследования послужили работы И. В. Бондаренко (2011), Carter, R.J. (1978), Palmer M., Kingsbury P, Gildea D. [23], а также электронные ресурсы FrameNet [11] <https://framenet.icsi.berkeley.edu>, VerbNet. <http://verbs.colorado.edu/~mpalmer/projects/verbnet.html>, WordNet [13] <http://wordnet.princeton.edu>. Считаю, что тема работы раскрывается последовательно,

планомерно; теоретический ценз направлен на следующие труды – «теоретическую базу исследования составляют работы таких ученых, как Ч. Филлмор (1981, 1986), Хомский Н. (1965), Levin, B. [19],[21], Levin, B. and Novav M.R. (2005), Г.Ф. Лутфуллина (2022), Вяч. Вс. Иванов, (2004), Е.А. Красина (2018), С.В. Рядинская (2006), Labov W. (1973) С.Ю. Кравченко (2015), М.В. Марковой (2013). В качестве альтернативных точек зрения ученых использовались труды А. Goldberg (2003), А. McIntyre (2005), Р. Джекендоффа (2002)». Материал имеет как практический, так и теоретический характер: «практическая значимость исследования состоит в его применении в различных областях, включая компьютерную и прикладную лингвистику и психологию. Идеи грамматических конструкций отражают семантические отношения и взаимодействия между словами в предложении. Это может быть полезно для разработки более точных описаний языковых структур и систематического анализа значений слов, для автоматического перевода, синтеза речи, анализа текстов и других задач обработки языка. Работа призвана стать источником информации для лингвистов, преподавателей и студентов, интересующихся ролью глубинных падежей в синтаксической структуре языка». Иллюстративный фон достаточен: «Примеры использования глубинного падежа: 1. «Мама пекла торт для детей». - Здесь субъект «мама» более глубоко связана с действием «пекла торт», чем объект «дети», поскольку «мама» выполняет действие непосредственно, а «дети» являются получателями результатов этого действия. 2. «Доктор сделал операцию пациенту». - В этом предложении субъект «доктор» связан с действием «сделал операцию» гораздо более глубоко, чем объект «пациент», поскольку «доктор» выполняет действие, а «пациент» является получателем этого действия. (Данные примеры авторы составили на примере фреймовой грамматики Ч. Филлмора)». Диалог имеет ступенчатый характер, часть позиций воспринимается критически, часть принимается как данность: «В своей работе Левин и Раппапорт Ховав (2005) предполагают, что значение глагола определяет типы аргументов, которые ему требуются, и то, как они реализуются синтаксически. Они утверждают, что у глаголов есть набор тематических ролей или «тематических сеток» (theta grids), которые представляют потенциальные аргументы, связанные с глаголом. Эти роли включают, среди прочего, агентов, пациенсов, инструменты и место. М.В. Маркова в своем исследовании [6] утверждает, что «существует корреляция между изменением смысла глагола и его синтаксическим поведением. <...> Модель управления задает порядок слов в предложении, что не учтено в теории семантики фреймов». Считаю, что данный материал можно использовать при изучении дисциплин лингвистической направленности. Выводы по тексту соотносятся с основной частью. Автор манифестирует, что «также стоит упомянуть, что развитие исследований в области когнитивной лингвистики и нейролингвистики может дать новое понимание о том, как глубинные падежи связаны с когнитивными процессами и представлением значения в мозге. Однако, важно отметить, что дальнейший анализ и разработка в этой области требуют тщательного сопоставления и синтеза различных лингвистических подходов и данных. Это позволит создать более полную картину и лучше понять, как глубинные падежи функционируют в разных языках и коммуникативных контекстах. Исследование глубинных падежей по Филлмору и Левин/Раппапорт представляет значимые перспективы для дальнейших исследований в области лексико-грамматического анализа языка». Основные требования издания учтены; цель как таковая достигнута, поставленные спектр задач решен. Рекомендую статью «В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

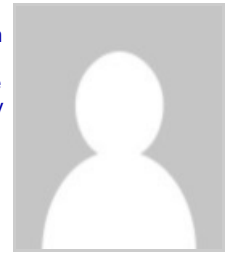
Linguistics of intertext. Quotations in Julio Cortázar's fiction (based on the material of the Spanish language)

Ryzhakov Vadim Sergeevich

Assistant, Department of Theory and Practice of Translation and Communication, Moscow Pedagogical State University

119991, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, building 1

✉ vadimryzhakov@mail.ru

Abstract. In modern humanities the range of issues, related to manifestations of intertextuality in texts of different language systems, their interpretation by the recipient, as well as the use of intertexts by authors of verbal and non-verbal texts, is still of great interest to researchers. Moreover, the intertext plays a significant role in modern text-creating. This makes important studying the structural characteristics of intertextual units with the aim of developing the technic of creation one's own intertexts as well as translating intertexts of others. So, the object of the present research are the intertextual units in the postmodernist writings, the subject are their linguistic characteristics. As the material the author has chosen the fiction by Julio Cortázar, which is particularly rich in intertexts.

In order to delineate the existing definitions of intertextuality according to the "broad" and "restricted" approaches and precise our own vision of this phenomenon the author applied the methods of the cognitive sciences and semiotics. The general linguistic methods, such as description and observation, have been used in the analysis of the structure of the chosen intertextual units.

The scientific originality of the research consists in the description of the linguistic particularities of different types of quotes in Cortázar's fiction. During the analysis, quotations based on literal reproduction of the original format of the intertextually borrowed saying and citations that change it have been defined. The author pays particular attention to the analysis of the attribution, considered the key structural component of an intertextual unit. The results of the research may form the basis of the further researches of the linguistics of intertext. It may also be of practical interest to the authors using intertextual units in their own texts, as well as to translators of Cortázar's and other postmodernist writers' fiction.

Keywords: quotations, intertextual unit, fiction writing, Julio Cortázar, postmodernism, intermediality, intertext, intertextuality theory, allusions, linguistics

References (transliterated)

1. Bushev A.B. Lingvistika intertekstual'nosti i intermedial'nosti // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykoznanie: Referativnyi zhurnal. 2019. S. 76-95.
2. Il'gova D.A. Vizual'naya poeziya KhKh veka v kontekste intermedial'nosti: dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. M., 2022. 178 s.
3. Linnichenko S.I. Intertekstual'nost' kak sovremennaya lingvokognitivnaya praktika: novye sposoby yazykovogo vyrazheniya v literature nemetskogo postmoderna // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2021. T. 27. № 2. S. 103-111.

4. Moril'yas Zh. Russkii geroi na argentinskoj zemle. Vospriyatie, vliyanie i perevody F.M. Dostoevskogo v Argentine // Literatura dvukh Amerik. 2021. № 11. S. 198-224.
5. Pryuvo Zh., Sedykh A.P., Buzinova L.M. Tekst, kontekst, intertekst: sintez smysloporozhdeniya // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2018. T. 4. № 3. S. 21-35.
6. Ryzhakov V.S. Intertekstual'nost': fenomenologicheskii i ponyatiinyi analiz i klassifikatsiya tipov intertekstov // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [Elektronnyi resurs]. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.83> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
7. Ryzhakov V.S. Kognitivnye i semioticheskie podkhody k ponimaniyu fenomena intertekstual'nosti // Prepodavatel' XXI vek. 2023. № 4. Chast' 2. S. 437-447.
8. Ryzhakov V.S. Lingvisticheskie osnovy teorii intertekstual'nosti // Litera. 2024. № 1. S. 57-64.
9. Stratienko Yu.A. Skazochnye pretsedentnye fenomeny v angloyazychnom mediadiskurse: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Voronezh, 2020. 301 s.
10. Fateeva N.A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: «KomKniga», 2007. 280 s.
11. Biblioteca Nacional de España [Elektronnyi resurs]. URL: <https://datos.bne.es/obra/XX1953439.html?date=DESC&version=XX1953441> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
12. Çolak, M. Intertextuality, pastiche and parody in postmodern cinema // Pamukkale University Journal of Social Sciences Institute. Issue 49. 2022. Pp. 261-274.
13. Cortázar J. Anillo de Moebius [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.literatura.us/cortazar/moebius.html> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
14. Cortázar J. Divertimento [Elektronnyi resurs]. URL: <https://guao.org/sites/default/files/biblioteca/Divertimento.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
15. Cortázar J. Examen [Elektronnyi resurs]. URL: <https://literaturaeimaginarios.files.wordpress.com/2016/05/julio-cortc3a1zar-el-examen.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
16. Cortázar J. El Perseguidor [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/docs/119-2014-02-19-Cortazar.ElPerseguidor.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
17. Cortázar J. Los Premios [Elektronnyi resurs]. URL: <https://guao.org/sites/default/files/biblioteca/Los%20premios.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
18. Cortázar J. Rayuela [Elektronnyi resurs]. URL: <https://web.seducoahuila.gob.mx/biblioweb/upload/Cortazar,%20Julio%20-%20Rayuela.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
19. Gabbay C. Julio Cortázar's Lyricism: Intertextuality and the Literary "Other": Thesis submitted for the degree of "Doctor of Philosophy". Jerusalem, 2012. 372 p.
20. Gallegos Rivera J.C. Hibridez y fractalidad: rasgos posmodernos en la literatura de Alberto Chimal // Mocrotexualidades. Revista Internacional de microrrelato y minificción. 2023. No. 14. Pp. 40-55.
21. Golam Shahariar Md. Intertextuality in Arts and Literature: A Postmodern Phenomenon // South Asian Research Journal of Arts, Language and Literature. Volume 5, Issue 6. 2023. Pp. 190-195.

22. Guadu A. Intertextuality as an Inherent Tool for the Composition and Interpretation of Texts: A Theoretical Reappraisal // International Journal of Literature and Arts. 2023. Vol. 11, No. 3. Pp. 91-103.
23. Hope S. Kristeva par Kristeva: les enjeux de l'intertextualité: Thesis submitted for the degree of "Doctor of Philosophy". Tuscaloosa (Alabama), 2016. 227 p.
24. Jiménez J. Platero y yo [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.suneo.mx/literatura/subidas/Juan%20Ram%C3%B3n%20Jim%C3%A9nez%20%20Platero%20y%20yo.pdf> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
25. Koberska T., Panfilova T., Kryhina O., Ren J., Zinkevich V. Historical Evolution of Knowledge: Interpretation of Truth in Postmodernism // Postmodern Openings. 2021. No. 12. Pp. 215-227.
26. Munari A. The double nature of "source criticism": Between philology and intertextuality // Forum Italicum. 2019. Vol. 53 (1). Pp. 27-52.
27. Nicolás V. Andrés García Cerdán: El árbol del lenguaje. Sobre la poesía de Julio Cortázar // Diablotexto Digital. 2021. No. 10. Pp. 424-426.
28. Rios Castano V. Cortázar, el lector que escribe // Les Ateliers du Séminaire Amérique Latine. 2020. Vol. 16. pp. 109-132.
29. Sabato E. R. Antes del fin. Barcelona: Seix Barral, 1998. 192 p.
30. San Agustín. Las Confesiones [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.augustinus.it/spagnolo/confessioni/index2.htm> (data obrashcheniya: 27.02.2024).
31. Taiwo E.F. Intertextuality in the Works of Ancient Roman Poets // Ibadan Journal of Humanistic Studies [Elektronnyi resurs]. 2019. Vol 29. No. 1. URL: <https://www.ajol.info/index.php/ibjhs/article/view/200161> (data obrashcheniya: 27.02.2024)

Phraseological microsystem "Deviant human behavior" in Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages

Grozyan Nina Fedorovna

Doctor of Philology

Associate Professor Department of Russian and Ukrainian Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295015, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, lane Educational, 8

✉ n.f.grozyan@mail.ru

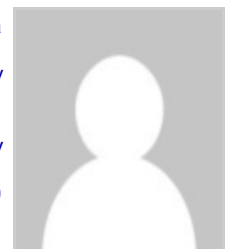
Prudnikova Tatiana Ivanovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian and Ukrainian Philology, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

295047, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Heroes of Stalingrad str., 9, sq. 60

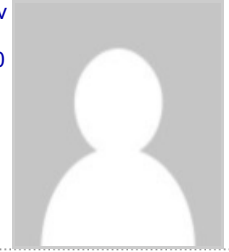
✉ t.i.prudnikova@inbox.ru

Ibragimova Venera Fevzievna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian and Ukrainian Philology, Crimean Engineering and Pedagogical

Abstract. The article is devoted to the ideographic and semantic characteristics of phraseological units. The subject of the study is the phraseological units of the Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages, denoting deviant human behavior. The purpose of the article is to identify from the phraseological composition of the Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages a group of phraseological units, the common semantic feature of which has an extralinguistic nature (all of them denote deviant human behavior), and to describe the semantic features of these phraseological units, taking into account the achievements of modern phraseological and psychological sciences.

The scheme of ideographic classification of the language proposed by Professor Y. F. Pradid and tested in the works of his students was used in the work. The ideographic classification has the following structure: synonymic series → semantic group → semantic field → thematic group → thematic field → ideographic group → ideographic field → archipole. Two thematic groups are distinguished in the thematic field of phraseological units "Deviant human behavior": "Criminal human behavior", "Criminally non-punishable (non-contrary) immoral human behavior". The theoretical and methodological basis of the research was the works of domestic and foreign scientists in the field of phraseology and psychology. A descriptive method was used when writing the article. The scientific novelty of the research is determined by a comprehensive approach to the analysis of the complex mechanism of the phraseological microsystem "Deviant human behavior" in Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages. The complex application of ideographic and semantic aspects allowed us to obtain new results regarding the essence and semantic organization of this layer of phraseological units, the place of the phraseological microsystem "Deviant human behavior" in the structure of the phraseological system of the Russian, Ukrainian and Crimean Tatar languages. The ideographic and semantic analysis of phraseological units combined into the phraseological microsystem "Deviant human behavior" gave grounds to conclude that the structure of this thematic field corresponds to the categorization of deviant behavior presented in psychological science.

The analysis of phraseological units denoting deviant human behavior will contribute to further linguistic research of phraseological ideography, the development of a general typology of research methods for phraseological microsystems in ideographic and semantic aspects.

Keywords: synonymous series, semantic field, thematic group, deviant human behavior, phraseological unit, Ukrainian language, phraseological microsystem, ideography, Russian language, Crimean Tatar language

References (transliterated)

1. Pradid Yu. F. Frazеologichna ideografiya : problematika doslidzhen' / Yu. F. Pradid. K.; Simferopol': Dolya, 1997. 252 s.
2. Emirova A. M. Russkaya frazeologiya v kommunikativnom aspekte / A. M. Emirova. Tashkent: FAN, 1988. 91 s.
3. Morkovkin V. V. Opyt ideograficheskogo opisaniya leksiki / V. V. Morkovkin. M.: Iz-vo Moskovskogo un-ta, 1977. 168 s.

4. Sokolovskaya Zh. P. «Kartina Mira», Sistemnost', Modelirovanie i Leksicheskaya semantika / Zh. P. Sokolovskaya. Simferopol': Krymskoe uchebno-pedagogicheskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 2000. 176 s.
5. Psikhologiya: slovar' / Pod obshch. red. A. V. Petrovskogo i M. G. Yaroshevskogo. – M.: Politizdat, 1990. 494 s.
6. Psikhologicheskii slovar' / Pod red. V. P. Zinchenko, B. G. Meshcheryakova. – M.: Pedagogika-Press, 1998. 440 s.
7. Grozyan N. F. Do pitannya doslidzhennya tematicnoi grupi frazeologichnikh odinit's' «Kriminal'no ne karana (neprotipravna) amoral'na povedinka lyudini» v psikhosemantichnomu aspekti / N. F. Grozyan // Gumanitarnii visnik DVNZ «Pereyaslav-Khmel'nits'kii derzhavnyi pedagogichnii universitet imeni Grigoriya Skovorodi». Pereyaslav-Khmel'nits'kii, 2006. Vipusk 9. S. 138-142.
8. Grozyan N. F. Semantichne pole frazeologichnikh odinit's' «Korislivist' lyudini» v ukraïns'kii movi: ideografichnii i psikhosemantichnii aspekti / N. F. Grozyan // Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Zaporizhzhya, 2006. S. 67-73.
9. Grozyan N. F. Frazeologichni zasobi virazhennya deviantnoi povedinki lyudini v ukraïns'kii movi / N. F. Grozyan // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. Simferopol', 2002. №32. S. 30-34.
10. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / sost. L. A. Voinova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fedorov. M.: Sov. entsiklopediya, 1967. 543 s.
11. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka / Sost. A. I. Fedorov. T. 2: N-Ya. M.: Tsitadel', 1997. 391 s.
12. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka / Sost. A. I. Fedorov. T. 1: A-M. M.: Tsitadel', 1997. 396 s.
13. Frazeologichnii slovník ukraïns'koï movi. K.: Naukova dumka, 1993.
14. Kurkchi U. Krymskotatarsko-russkii frazeologicheskii slovar' / U. Kurkchi. Simferopol': Izdatel'stvo «Krymuchpedgiz», 2011. 296 s.
15. Zhukov V. P. Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka / V. P. Zhukov, M. I. Sidorenko, V. T. Shklyarov. M.: Rus.yaz., 1987. 448 s.
16. Emirova A. M. Russko-krymskotatarskii uchebnyi frazeologicheskii slovar' / A. M. Emirova. Simferopol': Dolya, 2004. 178 s.
17. Petrenko V. F. Osnovy psikhosemantiki / V. F. Petrenko. M.: MGU, 1997. 400 s.

Russian and Chinese national personalities: based on the material of phraseological units, proverbs and sayings with the concept of "property"

Sun Xuna

Postgraduate student, Department of Russian Language and Linguoculturology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ 1161799398@qq.com

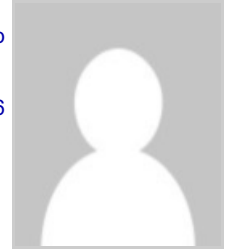
Vorobyev Vladimir Vasilyevich

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language and Linguoculturology, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ ryss_yur_rudn@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the linguistic and cultural description of the national personality in Russian and Chinese. The subject of this study is the Russian and Chinese language personality. The object represents national cultural similarities and differences. Russian National personality (RNL) and Chinese national personality (CNL) are studied on the basis of phraseological units, proverbs and sayings of the Russian and Chinese languages, which reflect the concept of "property", the purpose of the study is to identify universal, national-specific and typological linguistic and cultural features of the Russian national personality (RNL) and the Chinese national personality (CNL). The practical significance of the work lies in the fact that the linguistic and cultural analysis of phraseological units, proverbs and sayings devoted to property can be used in educational activities in courses of linguistic and cultural studies. The provisions and conclusions of the study can be applied in lexicographic practice in compiling dictionaries of phraseological units, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language, spreading Chinese culture in Russia. To solve the problem, the following research methods are used: the method of continuous sampling of material from dictionaries of the Russian and Chinese languages, the method of thematic classification and systematization of linguistic material, the method of linguistic and cultural commentary and the comparative-contrastive method. The article for the first time considers the problem of Russian and Chinese national personalities, which had not previously been described in the linguistic and cultural aspect, analyzes for the first time the essential monetary values of RNL and CNL, indicates their stereotypical ideas and attitudes towards money, poverty, wealth, benefit, greed and debt. This is the scientific novelty of this study. The research shows that phraseological units, proverbs and sayings with the concept of "property" recorded in Russian and Chinese lexicographic sources differ in quantity and content. Russian and Chinese personalities view the representation of property in different ways. Unlike the Russian people, who pay more attention to the spirit, feelings and emotions, the inner world of the individual, rather than money and material well-being, the Chinese people are characterized by a consciousness of wealth, greed, a commercial streak and a desire for profit. Both RNL and CNL are distinguished by such spiritual characteristics as thrift and economy. They are not characterized by extravagance.

Keywords: cultural values, character traits, Sayings, Proverbs, Phraseological Units, Concept of property, Chinese national personality, Russian national personality, linguoculturology, dominants

References (transliterated)

1. Russell B. The Problem of China. London: G. Allen & Unwin Ltd., 1922. 56 s.
2. Abramova N.A. Kitaiskii etnos: ot traditsii k sovremennosti. Chita: chitGU, 2006. 110 s.
3. Vasilyuk I.P. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie natsional'noi (russkoi) yazykovoi lichnosti: na materiale aforistiki. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2004. 20 s.
4. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. M.: RUDN, 2008. 338 s.
5. Vorob'ev V.V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty lingvokul'turologii. diss. ...d-ra filol.

- n. Moskva, 1996. 170 s.
6. Gotlib O.M., Mu Khuain. *Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'*. Okolo 3500 vyrazhenii. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 596 s.
 7. Guruleva T.L. *Rechevoi portret kitaiskoi yazykovoi lichnosti*. M.: ITTs, 2017. 157 s.
 8. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda: v 3 t.* M.: Rus. kn., 1993. 49 s.
 9. E Lan, Chzhu Lyanchzhi. *Khrestomatiya po kul'ture Kitaya*. Pekin: Izdatel'svo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov, 2011. 262 s.
 10. Zhukov V.P. *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok*. M.: Rus.yaz., 1998. 69 s.
 11. Zykova I.V. *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty*. M.: Gnozis, 2017. 752 s.
 12. Kovshova M.L., Gudkov D.B. *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov*. M.: Gnozis, 2018. 192 s.
 13. Letova A.D. *Lingvokul'turologicheskii kontsept "Angliiskaya natsional'naya lichnost'" v sopostavitel'no-kontrastivnom opisanii aforistiki*. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2004. 200 s.
 14. Li Leizhun. *Kul'tura Kitaya*. Shankhai: Shankhaiskoe izdatel'stvo inostrannykh yazykov. 2015. 341 s. 李磊荣. *中国文化简明教程*. 上海:上海外语教育出版社, 2015. 341.
 15. Mikhel'son A.D. *Bol'shoi tolkovo-frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka*. M.: Si ETS : Buka, 2008. 110 s.
 16. Nedosugova A.B. *Lingvokul'turologicheskoe opisanie natsional'noi lichnosti v russkom i kitaiskom yazykakh*. diss. ...k. filol. n. Moskva, 2003. 224 s.
 17. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. 27-e izd., ispr. M.: Oniks, 2011.-13751 s.
 18. Rapoport N.V. *Lingvokul'turologicheskii kontsept "Frantsuzskaya natsional'naya lichnost'": Na materiale aforistiki*. diss. ...k. filol. n. Ufa, 1999. 226 s.
 19. Sun' Syuina, Chzhan Chenmin. *O kitaiskoi natsional'noi lichnosti // Voprosy istorii*. 2023. № 12. S. 180-183.
 20. Tan' Aoshuan. *Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'*. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. 271 s.
 21. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 288 s.
 22. Tishkov A. *Kitaiskie narodnye pogovorki, poslovitsy i vyrazheniya*. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962. 29 s.
 23. Tolmats K.V. *Kitaisko-russkii frazeologicheskii slovar'*. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 34 s.
 24. Khao Tszintszyan, Li Tszin, Chzhan Syufan. *Frazeologicheskii slovar' Sin'khua*. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo. 2009. 121 s. 郝景江, 李靖, 张秀芳. *新华成语词典*. 北京:商务出版社, 2009. 121.
 25. Chzhan Chenzhan. *Kharakter, svyatoi pokrovitel' sud'by // Vestnik Tandu*. 1996. № 1. S. 63-91. 张丞让. *性格, 命运的守护神*. 唐都学刊, 1996. 63-91.
 26. Sha Lyan'syan. *Kitaiskii natsional'nyi kharakter*. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo universiteta Zhen'min'. 2012. 7 s. 沙莲香. *中国民族性*. 北京: 中国人民大学出版社, 2012. 7

Features of translation of English-language horror filmonyms into Russian and German

PhD in Philology

Associate professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University

622031, Russia, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57

✉ dondik2006@yandex.ru

Yuzhaninova Elena Vladimirovna

PhD in Pedagogy

Associate professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University

622031, Russia, Sverdlovsk region, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57

✉ elena-yuzh@yandex.ru

Abstract. The subject of the research of the article is the general features and specific features of the translation of horror discourse filmonyms from English into Russian and German. The object of the study is the original English-language and translated Russian- and German-language filmonyms of horror discourse. In our work, we will be interested in strategies and techniques for translating English-language horror discourse filmonyms, since the horror film genre is one of the most popular at the moment, and a large number of films are being released in English. When translating movie titles, a translator faces a number of difficulties and must solve them by choosing a translation technique and strategy. Often, the translation of a filmonym is accompanied by a shift in its leading function, or a change in the type of filmonym according to the peculiarities of its perception by the viewer. The work uses the continuous sampling method, comparative linguistic analysis of parallel filmonyms, as well as quantitative data processing methods. The research material was a sample including 150 original English-language horror-discourse filmonyms and their translation options into Russian and German. The scientific novelty of the study lies in the fact that the features of the translation of film names are studied in a comparative aspect using the example of Russian- and German-language horror discourse based on the material of the titles of films released over the past two decades. A methodology is being developed for a comparative study of the features of translating film names into different languages.

As a result of the analysis, it was concluded that the domestication strategy of filmonyms is high-frequency; for German-language translated filmonyms, the use of a forenization strategy is much more typical. A feature of the German film distribution is the high frequency of combining two translation strategies, when the first forenized part of the filmonym is combined with domestication in the second part of the movie title after the dash sign. Due to the fact that German translated film names undergo less transformations, they are less characterized by a functional shift compared to translated film names in the Russian film distribution. When translated into Russian, preference is given to tonal-type filmonyms, which corresponds to the peculiarities of the horror genre.

Keywords: forenization, domestication, pragmatic aspect of translation, translation audience, horror discourse, filmonym, translation technique, translation strategy, translation, adaptation

References (transliterated)

1. Gaut B. A Philosophy of Cinematic Art. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
2. Dondik L. Yu. Kommunikativnye strategii v fil'monimakh rossiiskogo i frantsuzskogo kinodiskursa // Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: Istoriya i filologiya. 2021. № 1. S. 35-

45.

3. Gorshkova V. E. Nazvanie fil'ma kak edinitsa perevoda i sostavlyayushchaya obraza-smysla // Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. 2014. № 10. S. 37-48.
4. Fedotova I. P. Struktura lingvisticheskoi sistemy fil'ma // Vestnik NNGU. 2016. № 3. S. 37-48.
5. Sukhanova E. A. Problemy taksonomii i kharakternye cherty horror-diskursa // Vestnik OGU. 2016. № 1. S. 64-70.
6. Solganik G. Ya. K opredeleniyu ponyatii «tekst» i «mediatekst» // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 10: «Zhurnalistika». 2005. № 2. S. 7-15.
7. Dondik L.Yu. Ctrategii perevoda angloyazychnykh fil'monimov na russkii yazyk // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 1. S. 37-50. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69490 EDN: INCSCW URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_69490.html (data obrashcheniya: 10.02.2024).
8. Sukhanova E. A. Tipologiya i kharakternye cherty khorror-diskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 3(6). S. 139-142.
9. Dondik L. Yu. Sopostavitel'noe issledovanie strategii perevoda avtorskikh neologizmov v romane fentezi // Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki. 2019. № 4(5). S. 46-57.
10. Sdobnikov V. V. Strategiya perevoda: obshchee opredelenie // Vestnik IGLU. 2011. № 1. 172 s.
11. Komissarov, V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Moskva : Vysshaya shkola, 1990. – 253 s.
12. Kalegina T. E. Osobennosti perevoda nazvanii fil'mov Gollivuda s angliiskogo na nemetskii i russkii yazyki // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. № 3. 2019. S. 30-57.
13. Seruya T. Rereading Schleiermacher : Translation, Cognition and Culture. London, New-York: Springer, 2016. 303 p.
14. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London and New York : Routledge, 2004. 353 p.
15. Yang W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation // Journal of Language Teaching and Research. 2010. № 1. P. 77-80. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.472.1452&rep=rep1&type=pdf> (data obrashcheniya: 22.01.2024)

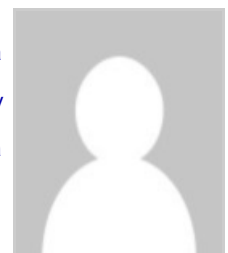
Syntactic characteristics of literary texts of the XIX century in the aspect of interlanguage translation

Bozhanova Kseniia Sergeevna

Postgraduate student, Department of Contrastive Linguistics, Moscow State Pedagogical University

88 Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119571, Russia

✉ ks.bozhanova@mpgu.su

Abstract. The subject of the study is to identify the syntactic characteristics that form the syntax features of the literary works of Russian literature of the XIX century. During the research, similarities and differences of syntactic units of the originals and translations of the novels "Anna Karenina" and "Poor People" were established, as well as the national specifics of their structural, grammatical and functional semantic organization were analyzed. The

purpose of the study is to identify the syntactic characteristics that form the syntax features of the literary works of Russian literature of the XIX century. To achieve this goal, a comparative analysis of the original novels by L.N. Tolstoy "Anna Karenina" and F.M. Dostoevsky "Poor People" and their translations into English, made by K. Granett in 1901 and S.D. Hogarth in 1867, respectively, was carried out. The comparative method made it possible to establish similarities and differences of syntactic constructions in the originals of the novels "Anna Karenina", "Poor People" and their translations. The method of linguistic analysis makes it possible to identify syntactic constructions and linguistic units characteristic of literary texts of the XIX century. By means of the contextual analysis method, the dependence of the meaning of these units on the context is analyzed. Within the framework of the study, similarities and differences of syntactic units of originals and translations of the named literary texts were established, as well as the national specifics of their structural, grammatical and functional semantic organization were analyzed. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to systematically describe syntactic features based on the texts of works of the XIX century written by different authors. The results and materials of the research can be used in the training of specialists in the field of translation, in teaching linguistic disciplines, as well as in the development of theoretical materials on the theory and practice of translation, intercultural communication, syntax, stylistics and linguoculturology. When comparing the originals and translations of novels, cases were identified when the emotional emphasis laid by the author is shifted or lost in the English-language text. One of the reasons is the discrepancy between the grammatical norms and structures of the Russian and English languages.

Keywords: simple sentences, truncation, structural incompleteness, parcelling, language repetition, translation techniques, translation, syntactic characteristics, complex sentences, comparative analysis

References (transliterated)

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: Flinta: Nauka, 2009. 301 s.
2. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 237 s
3. Berezhan S.G. K voprosu o sinonimii iskonnykh i zaimstvovannykh slov // Metody sravnitel'no-sopostavitel'nogo izucheniya sovremennykh romanskikh yazykov; pod red. M.A. Borodinoi i M.S. Gurychevoi. M.: Nauka 1966. S. 51-68.
4. Belyaeva M.V. O nachalakh diskursivnogo sintaksisa nemetskogo yazyka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie». 2010. № 1 (5). S. 33-38.
5. Vannikov, Yu.V. Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoi rechi. – M., 1978.
6. Varykhalova A.V. XIII Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh uchenykh «Dialog yazykov i kul'tur: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty». Tver', 29 aprelya 2021 g.
7. Dostoevskii F.M. «Bednye lyudi». Myu:Izdatel'stvo AST, 2024.
8. Ivanchikova, E.A. Sintaksis khudozhestvennoi prozy M.: «Librokom», 2010. – 288 s.
9. Kalashnikova G.F. Mnogokomponentnye slozhnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. Khar'kov: Vishcha shkola, 1979. 160 s.
10. Kobrina N. A., Malakhovskii L. V. Angliiskaya punktuatsiya. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1961.
11. Krylova M. N. Sintaksicheskaya stilistika // Nauka segodnya: fakty, tendentsii,

- prognozy: Mat-ly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Vologda: Marker, 2016. S. 145-146.
12. Kulikova Z. P. Povtor kak sredstvo ekspressivnosti i garmonizatsii poeticheskikh tekstov M. Tsvetaevoy i R. M. Ril'ke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D, 2007. 191 s.
 13. Lekant P.A. Sovremennyy russkii literaturnyy yazyk. Myu: V.shk., 2001.
 14. Logvinenko I. A. Formal'nyi parallelizm v poeticheskom proizvedenii (na osnove stikhotvorenii B. L. Pasternaka).
URL:[http://www.academia.edu/6519743/Formal'nyi_parallelizm_v poeticheskom proizvedenii](http://www.academia.edu/6519743/Formal'nyi_parallelizm_v_poeticheskom_proizvedenii) (data obrashcheniya: 17.07.2023).
 15. Lotman Yu. M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2000.
 16. Min'yar-Beloruhev R.K. Kak stat' perevodchikom? M.: «Gotika», 1999. 176 s.
 17. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar'. URL: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lsbkmt58j5190080948> (data obrashcheniya: 07.02.24).
 18. Peshkovskiy A.M. nauchnye dostizheniya russkoy uchebnoy literatury v oblasti obshchikh voprosov sintaksisa /A.M. Peshkovskiy. M.: Direkt-Meda, 2014.
 19. Potebnya A. A. Estetika i poetika. M.: Iskusstvo, 1976.
 20. Raizman E. A. Osobennosti sintaksisa / E. A. Raizman // Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya: materialy XLI nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Gosudarstvennogo raketnogo tsentra imeni akademika V. P. Makeeva, Miass, 28 aprelya 2017 goda. – Miass: Geotur, 2017. – S. 245-251.
 21. Rozental' D.E. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov.
URL:<http://rusyaz.niv.ru/doc/linguisticterms/fc/slovar195.htm?ysclid=lkbbxbz7mr83253868> (data obrashcheniya: 07.02.24).
 22. Tolstoy L.N. «Anna Karenina»: Roman v vos'mi chastyakh. Chasti 1-4. L.: Khudozh. lit. 1982. 448 s.
 23. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar'. URL: [Frazeologicheskii slovar' Fedorova \(gufo.me\)](http://gufo.me) (data obrashcheniya: 07.02.2024).
 24. Shiryaev E.N. Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke. M.: Nauka, 1986.
 25. Cambridge Dictionary. URL: [Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus](https://dictionary.cambridge.org/) (data obrashcheniya: 07.02.2024).
 26. Dostoevsky F.M. Poor Folk (translated by C. J. Hogarth). URL: <https://booksdrive.org/wp-content/uploads/2022/07/Poor-folk-by-Fyodor-Dostoyevsky-pdf-free-download.pdf> (data obrashcheniya 07.02.2024)
 27. Idioms. URL: [The Free Dictionary](https://www.thefreedictionary.com/) (data obrashcheniya: 07.02.2024).
 28. Tolstoy L. Anna Karenina (translated by Constance Garnett).
URL:https://www.kkoworld.com/kitablar/Lev_Tolstoy_Anna_Karenina-eng.pdf (data obrashcheniya: 07.02.2024).
 29. URL: [Oksfordskaya zap'yataya – pravila ispol'zovaniya - Lingua-Airlines.ru](https://lingua-airlines.ru/) (data obrashcheniya: 07.02.2024).

The place and role of Chinese themes in Russian literature of the XIX – early XX centuries

Shagbanova Khabiba Sadyrovna

Doctor of Philology

Assistant professor, Professor of the Department of General Humanitarian Disciplines, Law Institute (St. Petersburg)

199106, Russia, Saint Petersburg, Gavanskaya str., 6

✉ khabiba_shagbanova@list.ru

Abstract. The article presents the artistic perception of Chinese culture in the Russian literature of the XIX – early XX centuries. The author sets out to show a generalized image of China in the works of Russian prose writers and poets in a given historical period of time. The relevance of the research lies in the increased interest of modern linguistic science in the problems of intercultural dialogue. It is noted that the study of Chinese subjects in Russian literature is of indisputable interest for understanding the peculiarities of intercultural communication between Russia and China. The multifaceted Chinese culture is revealed through the eyes of Russian writers of the past centuries, who were attracted by Chinese images, plots, and motives. The history of Russian-Chinese relations is traced in the mirror of advanced Russian culture of the XIX – early XX centuries. The tendency to understand China as a unique civilization distinct from the European one, which had already emerged at that time, stands out. It is stated that the substantial development of ideas about China in Russian literature, at the time interval of interest to the researcher, is directly related to the emerging socio-political situation in the Russian Empire, the emergence of alternatives, both in terms of determining the further vector of social development, taking into account the problem of "West – Russia – East", i.e. the emerging situation of internal choice, self-determination and awareness by the ruling circles of the urgent need to work out a further path for the development of Russian statehood, taking into account the borrowing, on the one hand, of the Western, on the other – of the eastern model. This, in the author's opinion, explains the interest of representatives of Russian literature in the culture of the East, spiritual and moral values, philosophical reflections on the nature of goodness and justice, which had a centuries-old tradition in China.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, Russian symbolism, Eastern culture, Russian culture, Chinese motifs, image of China, Chinese context, Silver Age, Russian literature, sociocultural differences

References (transliterated)

1. Berdyaev N.A. Russkii dukhovnyi renessans nachala XX veka i zhurnal «Put'» // Put'. 1935. № 49. – S. 3-22.
2. Bunina A.P. Pekinskoe ristalishche: Basn': (Posvyashchennaya nekotorym iz pochtennykh chlenov Rossiiskoi Imperatorskoi akademii, udostoivshikh menya lestnago svoego odobreniya) («Kogda-to v Pekine vel'mozhny starshiny ...») // Vestnik Evropy. 1810. Ch. 49. № 4.
3. Vospominaniya o serebryanom veke: Sbornik / Sost., avt. predisl. i komment. V. Kreid. – M.: Respublika, 1993. – 558 s.
4. Egorov B.F. Russkaya literatura XIX – nachala XX veka (obzornaya lektsiya dlya studentov filologicheskogo fakul'teta) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2015. T. 25. Vyp. 3. – S. 170-186.
5. Kolobaeva L.A. Russkii simvolizm. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2000. – 294 s.
6. Kuras L.V., Kal'mina L.V., Mikhalev A.V. Kapitany rossiiskoi vostochnoi politiki: rubezh XIX-XX vv. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – 111 s.

7. Makovskii S.K. Na Parnase «Serebryanogo veka». – Myunkhen: Izdatel'stvo Tsentral'nogo ob'edineniya polit. emigrantov iz SSSR (TsOPE), 1962. – 364 s.
8. Mandel'shtam O.E. Devyatnadsatyi vek. 1922 / O poezii: sb. statei. – L.: Academia, 1928. – S. 61-70.
9. Mikhailov O.N. Russkaya literatura XX veka (do 1917 g.) / Kratkaya literaturnaya entsiklopediya v 8 tt. / gl. red. A.A. Surkov / T. 6: Priskazka – «Sovetskaya Rossiya». – M: Sovetskaya entsiklopediya, 1971. – 1140 s.
10. Nikonov V. Sovremennyi mir i ego istoki. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2015. – 880 s.
11. Otsup N.A. Serebryanyi vek // Chisla. Parizh. 1933. № 7-8. – S. 174-178.
12. Otsup N.A. Sovremenniki. – Parizh, 1961. – 230 s.
13. Pis'mo iz man'chzhurskoi armii // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1905. № 1.
14. Posle sdachi Port-Artura // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1905. № 162.
15. Pchelintseva K.F. Obraz Kitaya v russkoi literature i obshchestvennoi mysli KhIKh–KhKh vv.: spetskurs dlya inostrannykh studentov. Ch. 1. – Volgograd: Peremena, 2005. – 179 s.
16. Pei Tszyamin'. Vostok (Kitai) v russkoi literature Serebryanogo veka: avtoref. diss. ... kan. fil. nauk. – M., 2023. – 22 s.
17. Samoilov N.A. Kitai v geopoliticheskikh nastroyaniyakh rossiiskikh avtorov kontsa XIX – nachala XX / Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: Materialy Vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. T. 3. Blagoveshchensk, 15-17 maya 2002 g. – Blagoveshchensk: AmGU, 2002. – S. 452-455.
18. Solov'ev S.M. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya / poslesl. P.P. Gaidenko, s. 382-422. – M.: Respublika, 1997. – 429 s.
19. Khozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina / Biblioteka literatury Drevnei Rusi / RAN. In-t russkoi literatury (Pushkinskii dom) / pod red. D.S. Likhacheva i dr. T. 7: Vtoraya polovina XV veka. – SPb.: Nauka, 1999. – 581 s.
20. Tszya Yu. Obraz realii Kitaya v russkoi literature do serediny KhKh veka // Inostrannaya filologiya. Sotsial'naya i natsional'naya variativnost' yazyka i literatury. Materialy VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa / red. E.V. Polkhovskaya. – Simferopol': IT «ARIAL», 2019. – S. 227-232.
21. Yaponiya i Man'chzhuriya // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1905. № 108.

"Metaphor-personification" in V.G. Korolenko's Siberian short stories (based on the material of the Yakut cycle)

Filippova Ayyana Alexsanovna

Postgraduate student, Department of Yakut Literature, Maxim Kirovich Ammosov Northeastern Federal University

42 Kulakovskiy str., Yakutsk, 677000, Russia

✉ fiayalex11@yandex.ru

Basharina Zoya Konstantinovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Yakut Literature, Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

10/1 Ostrovskiy str., Yakutsk, 677021, Russia

✉ zbasharina@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the metaphor-personification involved in the creation of V.G. Korolenko's Siberian short stories. The research material was metaphors-personifications extracted by the continuous sampling method from the stories "Makar's Dream", "Sokolinets", included in the Yakut cycle of Siberian stories. The appeal to the metaphor-personification is justified by the fact that it plays a huge role in the construction of an artistic work. V. Korolenko's stories represent a rich material for research, as he developed his own individual author's metaphors based on impersonation. Metaphorization based on personification is a kind of creative handwriting of Korolenko. His works are rich in artistic means of expression, such as metaphor, personification, comparison, metonymy, hyperbole, which gives him a special original author's style. The methodological and theoretical basis of the research is the work of G.N. Pospelov, A.B. Esin, L.S. Kulik. The work also takes into account the main theoretical works of leading modern Yakut scientists: O.I. Ivanova, K.I. Platonova, I.S. Yemelyanov. Creativity Korolenko is of great interest among modern researchers. Many aspects of his work in literary criticism have already been studied. But in this study, the authors make an attempt to study the functioning of metaphor-personification in his Siberian stories, in particular, in the Siberian stories (Yakut cycle). During the study, it was revealed that V.G. Korolenko skillfully uses the technique of anthropomorphism in his stories. With the help of metaphor, personification and other artistic means of expression, he enlivens and humanizes nature. Korolenko always serves as the personification of the forces of nature to reveal a person's state of mind, thoughts and feelings. Thanks to metaphor-personification, the world around us comes to life. Thus, the lines between the animate and inanimate world are erased.

Keywords: comparison, metonymy, stylistic tropes, anthropomorphism, personification, metaphor, Siberian stories, Korolenko, russian literature, hyperbola

References (transliterated)

1. Basharina Z.K. Aktual'nye problemy literaturnogo protsessa Yakutii v XXI veke: uchebnoe posobie. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2020. – 220 s.
2. Basharina Z.K. Vzaimodeistvie russkoi i yakutskoi literatur v XX veke (istoriya i problemy vzaimosvyazei): monografiya. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2013. – 280 s.
3. Boeskorov G.K. Masterstvo N.E. Mordinova. Yakutsk. kn. izd-vo, 1973. – 240 s.
4. Vvedenie v literaturovedenie: Ucheb. dlya filol. spets. un-tov / G.N. Pospelov, P.A. Nikolaev, I.F. Volkov i dr.; Pod red. G.N. Pospelova. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shk., 1998. – 528 s.
5. Vvedenie v literaturovedenie: uchebnik / Pod. obshch. red. M. Krupchanova. Moskva: Oniks, 2005. – 416 s.
6. Esin A.B. Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie. M.: Flinta, 2017. – 248 s.
7. Ivanova O.I. Vliyanie yakutskoi deistvitel'nosti na evolyutsiyu konstantnykh motivov v tvorchestve V.G. Korolenko: monografiya / O.I. Ivanova. Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2013. – 144 s.
8. Korolenko V.G. Povesti i rasskazy. M., «Khudozh. lit.», 1978. – 366 s.
9. Korolenko V.G. Sakha sirin tuhunan / V. G. Korolenko; [Nikolai uonna Avksentii Mordinovtar tylb.]. Yakutskai: Sakha sirineegi kinige izd-vata, 1954. – 362 s.
10. Kulik L.S. Sibirskie rasskazy V.G. Korolenko. Kiev, 1961. – 60 s.
11. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem / pod red. A.N. Baranova. – M.: Editorial, URSS, 2004. – 241 s.

12. Platonova K.I. Sredstva i priemy leksicheskoi ekspressii v sibirskikh rasskazakh V.G. Korolenko: Monografiya. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo un-ta, 2003. – 170 s.

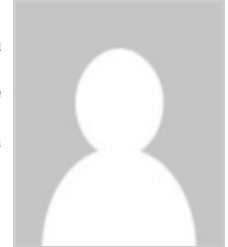
Mythological heroes, historical figures and characters of world literature in the works of Margaret Atwood

Naydenova Roksana Romanovna

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Literature Institute

30/2 Baikalskaya str., Moscow, 107207, Russia

✉ rokso-moon@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in this article is Margaret Atwood's literary game, which includes work with myths, world history and literature. Margaret Atwood (b. 1939) is a well-known modern Canadian writer, poet, literary critic and critic. Her works include the novel *The Handmaid's Tale* (1985) and its sequel, *The Testaments* (2019), as well as the fantasy trilogy *The Mindless Addam* (2003-2013). No matter what M. Atwood writes about, her works are always a story, a complex and multilevel narrative, in the center of which stands the figure of the narrator. Having begun her literary activity in the heyday of postmodernism, M. Atwood combines many features of this trend in her work: literary play, rethinking archetypal images and traditions, deconstruction. Taking as a basis the achievements of foreign and domestic researchers of M. Atwood's work, as well as research in the field of literary studies by M. Atwood herself, we describe how M. Atwood studies, analyzes and recreates well-known patterns on a new basis – in Canadian literature. The main conclusions of the study are: 1) Being a representative of young Canadian literature without a well-formed cultural and literary layer, M. Atwood borrows from the global literary tradition, as well as mythology and folklore, heroes and images that she seeks to "instill" on new Canadian soil. 2) M. Atwood's deconstruction is not the destruction, analysis of an established tradition, but, on the contrary, an attempt to create it through appropriation and assimilation of other people's traditions. 3) M. Atwood, as a rule, takes ancient Greek and European myths and fairy tales as a basis. 4) Working with the characters of wandering plots and textbook works (Shakespeare), M. Atwood often resorts to overturning the established idea of characters, creating doppelgängers and "werewolves".

Keywords: unreliable storyteller, literary character, archetype, folklore, myth, literary game, Canadian identity, Canadian literature, Margaret Atwood, doppelgänger

References (transliterated)

1. Grankina, E. V. Transformatsiya mifa o Penelope v aspekte gendernogo analiza v romane Margaret Etvud "Penelopiada" // Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating: Materials of the III international scientific conferenc, Prague, 07–08 noyabrya 2018 goda. – Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. – S. 35-37.
2. Komarovskaya, T. E. Avtorskie strategii v romane M. Etvud "Pokhititel'nitsa zhenikhov" // Antropologiya vremeni : sbornik nauchnykh statei. – Grodno : Grodnenskii gosudarstvennyi universitet imeni Yanki Kupaly, 2017. – S. 287-292.
3. Naidenova, R. R. Poisk Kanadskoi identichnosti v tvorchestve Margaret Etvud // Nauchnye trudy molodykh uchenykh-filologov : Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii

- molodykh uchenykh-filologov, Moskva, 13–16 oktyabrya 2021 goda. Tom XXI. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu Agentstvo "Litera", 2022. – S. 84–89. – EDN CHLYQK.
4. Naidenova R. R. Protofeminizm Margaret Etvud // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. №11 (866).; 7 str.
 5. Naidenova, R. R. Rol' dvoynika v postroenii narrativa u Margaret Etvud // Motiv, fabula, syuzhet v literature i iskusstve: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 23 aprelya 2022 goda. Tom Vypusk 25. – Sankt-Peterburg: Lema, 2022. – S. 55–59. – EDN LOYAH0. 5 str.
 6. Naidenova Roksana Romanovna. Sostyazanie Penelopy i Eleny Troyanskoi v «Penelopiade» i drugikh romanakh Margaret Etvud // Nauka i shkola. 2022. №6.
 7. Rizvanova D. I., Khrushcheva O. A. Spekulyativnaya fantastika kak zhanr sovremennoi literatury / D. I. Rizvanova, O. A. Khrushcheva // Donetskies chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Donetsk, 17–18 noyabrya 2020 goda / Pod obshchei redaktsiei S.V. Besspalovoi. – Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet, 2020. – S. 227–229.
 8. Atwood, Margaret. "In Search of Alias Grace: On Writing Canadian Historical Fiction." The American Historical Review, vol. 103, no. 5, [Oxford University Press, American Historical Association], 1998, pp. 1503–16.
 9. Frank Davey. Atwood's Gorgon Touch [Seven books of poetry, from Double Persephone to You Are Happy]. From Studies in Canadian Literature 2, no. 2 (Summer 1977): 146–63.
 10. McCombs, Judith. "'UP IN THE AIR SO BLUE': VAMPIRES AND VICTIMS, GREAT MOTHER MYTH AND GOTHIC ALLEGORY IN MARGARET ATWOOD'S FIRST, UNPUBLISHED NOVEL." The Centennial Review, vol. 33, no. 3, Michigan State University Press, 1989, pp. 251–57.
 11. Rothschild M. Margaret Atwood Interview // URL: <https://progressive.org/magazine/margaret-atwood-interview/> (data obrashcheniya: 27.04.2022).
 12. Stanley, Sandra Kumamoto. "The Eroticism of Class and the Enigma of Margaret Atwood's 'Alias Grace.'" Tulsa Studies in Women's Literature, vol. 22, no. 2, University of Tulsa, 2003, pp. 371–386.

The pragmalinguistic aspect of the choice of speech units in the author's strategies of literary monuments of the XV – XVI centuries.

Gaibaryan Ol'ga Ervandovna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Theory and History of World Literature, Southern Federal University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ gaibaryan@sfedu.ru

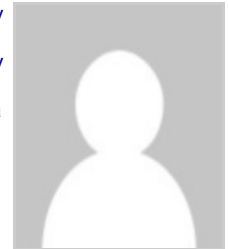
Myasishchev Georgii Igorevich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov-On-Don, Gagarina, 1, office 8603a

✉ georgy-2583@yandex.ru

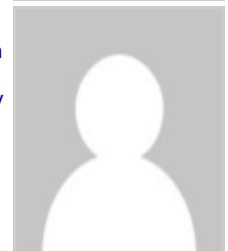

Kosyh Aleksei Olegovich

Student, Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ dgtu.kafedraos@yandex.ru

Popov Aleksandr Maksimovich

Student, Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ myasisheva.marine@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the texts of literary monuments of the XV – XVI centuries. The object of the research is the author's strategies, which are studied from the perspective of two modern areas of science: cognitive and pragmatic linguistics. The audience's reaction to the author's conviction is determined by the communicative factors of the impact of speech on the reader's consciousness and is determined by the vital connection of language and thinking. Therefore, the issues of speech impact (a pragmatic problem) and cognition in natural language (a problem of cognitive linguistics) should be considered in synthesis. This approach, according to the authors, makes it possible to study the subject side of the study most fully and achieve the goals set. The purpose of the study is to consider the possibility of classifying the speech units of texts of literary monuments of the XV – XVI centuries from the standpoint of the synthesis of cognitive and functional-pragmatic ways of studying the text. The tasks are to substantiate the possibility of synthesizing linguistic-cognitive and functional-pragmatic methods of studying author's strategies, as well as the classification of speech units of the text of monuments of the XIV – XVI centuries according to the author's strategies. The research methods are conceptual analysis and functional diagnostic method of pragmalinguistics. The ability to categorize concepts allows you to cluster them based on certain similarities and present them as units (clusters) based on the main feature. The functional nature of the choice of units acting as influencing tools that form the reader's attitude to the text, the author, the ideas of a particular author or a group as a whole. The novelty of this work lies in the possibility of combining the approaches of cognitive linguistics and functional pragmalinguistics to the study of author's strategies, which has not been widely practiced by researchers before. The achieved results allow us to conclude that this synthetic approach can be applied to research in the field of textual psychology, author's strategies, the author's speech image, and speech portraiture. The strategies identified in the texts act as clusters of concepts, which in turn constitute the main functional and pragmalinguistic tools that implement the author's intentions and ensure the perlocative effect of the text.

The cognitive-pragmatic component of the author's impact strategies is structured mainly around the ideological and religious struggle. In second place are public- and private-business relations, which often mix into a single conceptual and pragmatic space.

Keywords: medieval literature, author's intentions, perlocative effect, speech units, speech portrait, Cognitive linguistics, ancient Russian texts, concept analysis, author's strategy, functional pragmalinguistics

References (transliterated)

1. Kondrat'eva O. N. Metodika opisaniya kontseptov v drevnikh tekstakh // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2006. №2.
2. Askol'dov S.A. Kontsept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya / Pod obshch. red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 1997. S. 267-279.
3. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike yazyka. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. 104 s.
4. Kubryakova E.S. Ob ustanovkakh kognitivnoi nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoi lingvistiki / Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. №1. S. 6-17.
5. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1993. T. 52. Vyp. 1. №1. S. 3-9.
6. Popova Z.D., Sternin I. A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh: «Istoki», 2001. 191 s.
7. Khristianova N.V., Katsitadze I.M., Dzyubenko A.I. Issledovanie prichinnykh vyskazyvaniy s pozitsii funktsional'noi i skrytoi pragmalingvistiki // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2015. №3.
8. Dittrikh A. G. Sovremennye oblasti pragramlingvisticheskikh issledovaniy // Voprosy sovremennoi lingvistiki. 2023. №4.
9. Matveeva G. G., Lesnyak M. V., Zyubina I. A. Personal'nost' i kollektivnost' v nemetskom parlamentskom diskurse: osobennosti rechevogo vozdeistviya v fokuse skrytoi i funktsional'noi pragmalingvistiki // Politicheskaya lingvistika. 2015. №3.
10. Matveeva Galina Grigor'evna, Samarina Irina Vladimirovna, Seliverstova Lyudmila Nikolaevna Dva napravleniya v sovremennoi pragmalingvistike // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2009. №1-2.
11. Laryushkin S. A. Otrazhenie natsional'nogo samosoznaniya v bogoslužebnykh tekstakh russkogo srednevekov'ya // Vestnik RKhGA. 2022. №3-1.
12. Kovaleva T. I. K izucheniyu struktury agiograficheskikh fragmentov, sodержashchikh videniya (Slovo ob Isakii Pechernike i Zhitie Aleksandra Svirskogo) // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2022. №3.
13. Serganova D.A. Pobuditel'nost' kak klyuchevoi komponent avtorskoi modal'nosti v drevnerusskoi oratorskoi proze XI-XIII vekov // Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki. 2022. №3 (46).
14. Gromov M. N. Metodologiya izucheniya drevnerusskogo iskusstva i kul'tury // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2022. №65.
15. Ptentsova A. V. Ot' idet' do konechnago svoda: semantika služebnykh slov ati(at') i oti(ot') v original'nykh drevnerusskikh pamyatnikakh (na materiale natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2023. №2.
16. RGADA, f. 1209, op. 1224i, st. 81, № 15.
17. RGADA, f. 210, op. 4, d. 188, l. 403.
18. RGADA, f. 1209, op. 1224, kn. 39952, ll. 114-118ob.

19. RGADA, f. 1209, op. 1225i, st. 183, № 23.

20. RGADA, f. 1209, op. 1224i, st. 3, № 41.

Tempo-rhythmic characteristics of spontaneous speech of speakers of certain types of mental accentuations of personality in states of psychoemotional tension

Zhabin Dmitrii Vladimirovich

PhD in Philology

Associate Professor of the German Philology Department, Voronezh State University

394018, Russia, Voronezh region, Voronezh, pl. Lenin str., 10, office 26a

✉ dmitry.zhabin@mail.ru

Abstract. The subject of psycholinguistic research is the formal signs of spontaneous sounding speech of the speaker in conditions of emotional tension. In our opinion, indicators of emotional tension of speech in perception are, first of all, formal means of sounding speech at the level of rhythm, tempo, speech failures, which are in relation to complementarity with the semantic content of the phrase and signal the degree of tension of speech. Thus, the state of emotional tension is transmitted by a complex of formal signs of sounding speech. As an example of the psychological factor of emotional tension, we considered court hearings in criminal cases. The object was audio recordings of spontaneous sounding speech of native speakers of the Russian language in a situation that determines the state of emotional tension of the speaker. The novelty of the research lies in the use of qualitative experimental methods in the analysis of spontaneous sounding speech in a situation of emotional tension. Obtaining objective results becomes possible on the basis of auditory linguistic analysis, which allows with a certain degree of reliability to assess the emotional state of the speaker (deviation from the norm, anxiety, tension, the presence and type of emotions, for example, excitement, surprise, fear / anger, etc.), psychophysiological state (abnormality, the presence of pathology), finally, establish boundary criteria for determining a stress disorder for a particular mental type. Of particular interest is the appeal to the psychological typologization of the personality of K. Leonhard, which makes a reliable analysis not only of the characteristics of the character (the so-called psychological phenotype of the personality), but also of his temperament (the psychological basis of the personality).

Keywords: speech failures, the pace of speech, rhythmic group, sounding speech, formal signs of speech, mental accentuation of personality, emotional tension, stress, auditory analysis, tempo-rhythmic signs

References (transliterated)

1. Sel'e G. Stress bez distressa. – M.: Progress, 1982. – 125 s.
2. Schapiro M. The russian system of stress. // Rus. Linguistics. – 1986. – Vol. 10, № 2. – P. 183-204.
3. Zhabin D.V. Rechevaya kharakteristika sostoyaniya stressa: monografiya. – Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2013. – 155 s.
4. Nosenko E.L. Osobennosti rechi v sostoyanii emotsional'noi napryazhennosti. – Dnepropetrovsk: Dnepropetr. gos. unt, 1975. – 132 s.
5. Potapova R.K. Yazyk, rech', lichnost' / Potapova R.K., Potapov V.V. – M.: Yaz. slavyan.

kul'tury, 2006. – 496 s.

6. Sedov K.F. Neiropsikholingvistika: ucheb. posobie / Sedov K.F. – M.: Labirint, 2007. – 224 s.
7. Leongard K. Aktsentuirovannye lichnosti. – Moskva: Feniks, 1989. – 358 s.
8. Bruner J.S. Von der Kommunikation zur Sprache – Überlegungen aus psychologischer Sicht // Kindliche Kommunikation. Theoretische Perspektiven, empirische Analysen, methodologische Grundlagen / Martens K. (Hg.). – Frankfurt a/M., 1979. – P. 9-60.
9. Perkell J.S. Phonetic features and the physiology of speech production // Language Production / B. Butterworth (ed.). – L.: Academic Press. 1980. – P. 9-13.
10. Wiese R. Psycholinguistik der Sprachproduktion // Textproduktion / Antos G., Krings H.P. (Hg.). – Tübingen. – P. 197-219.
11. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov: [Okolo 7000 terminov] / Akhmanova O.S. – 2-e izd. – M.: Sov. entsiklopediya, 1969. – 608 s.
12. Auer P. Rhythmus und Tempo konversationeller Alltagssprache / Auer P., Couper-Kuhlen E. // Zs. für Literaturwissenschaft und Linguistik 96. – 1994. – P. 78-106.
13. Janker P.M. Sprechrhythmus, Silbe, Ereignis. München // Forschungsberichte des Instituts für Phonetik und Sprachliche Kommunikation der Universität München. – 1995. – Bd. 33.
14. Martin J.G. Rhythmic (Hierarchical) versus serial structure in speech and other behavior // Psychol. Rev. – 1972. – P. 489-509.
15. Völtz M. Das Rhythmusphänomen // Zs. für Sprachwissenschaft. – 1994. – Bd 10. – P. 284-296.
16. Weithase I. Über einige Grundfragen des sprachlichen Rhythmus // Wiss. Z. Univ. Jena. – 1955. – Bd 4. – P. 331-340.
17. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V.N. Yartseva. – M.: Sov. entsiklopediya, 1990. – 685 s.
18. Velichkova L.V. Lingvistika i psikholingvistika: problemy opredeleniya edinit / Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. 1, Gumanit. nauki. – Voronezh, 1996. – Vyp. 2. – S. 31-45.
19. Stock E. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen / Stock E., Velickiva L. // Hallische Schriften zur Sprachwissenschaft und Phonetik. – Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2002. – Bd 8. – 260 S.
20. Norman B.Yu. Grammatika govoryashchego. – SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. gos. un-ta, 1994. – 227 s.

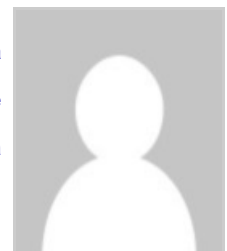
Narrative strategy of life story in the literature of Margaret Atwood

Naydenova Roksana Romanovna

Postgraduate student, Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Literature Institute

30/2 Baikalskaya str., Moscow, 107207, Russia

✉ rokso-moon@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the narrative strategy of life description in the work of Margaret Atwood. Margaret Atwood (b. 1939) is a well-known modern Canadian writer, poet, and literary critic. The work of M. Atwood is considered in three main directions: the search for Canadian identity in the works of M. Atwood; the women's question and

theories of feminism in the works of M. Atwood and speculative (conceptual) fiction in the works of M. Atwood. It is these three areas that the largest number of scientific papers about the Canadian writer are devoted to. Based on the life and creative path of M. Atwood, these three highways are justified. But behind them, the basis of the writer's work is lost – the narrative structure, to the study of which M. Atwood devoted many of her literary works. Based on the best practices of foreign and domestic narrative researchers, as well as on the research of M. Atwood herself, in this article we describe how a multi-level narrative of biography unfolds in the writer's fiction, implying a division into narrative layers. Each narrative layer is responsible for a certain time: the past, the present and the timelessness. The relevance and novelty of this article lies in an attempt to describe the narratives of M. Atwood, in isolation from the three main paths, and highlight the features of the narrative of the biography, which is key to the author's works. Thanks to the strategy of biography, the Canadian writer explores the nature of human memory, thinking, and fantasy. By placing the main character, the narrator, at the center of the narrative, M. Atwood allows her characters to independently analyze their own actions, their past, which brings her characters closer to real people. The characters of the writer, like real people, have general ideas about how a story should be built, a story and use literary techniques in talking about themselves. But, gradually opening up, the characters are the narrators of M. Atwood turns to a frank conversation, discarding literary decorations.

The approach to the work of M. Atwood from the point of view of narrative, narratology helps to open new facets in the work of the famous author, to emphasize and actualize many artistic features of M. Atwood's books. Atwood, who remain in the shadows with a cultural and ideological approach.

Keywords: hero-storyteller, the strategy of life story, the narrative layer, storytelling, an unreliable storyteller, narrative strategy, narratology, narrative, Canadian literature, Margaret Atwood

References (transliterated)

1. Vovk, E. Yu. (2021). Roman "Zavety" M. Etvud kak primer postmodernistskoi antiutopii // Aktual'nye voprosy romano-germanskoi filologii i lingvodidaktiki: Sbornik nauchnykh trudov. Lipetsk : Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo. S. 7-10.
2. Mamurkina O. V. Teoriya narrativa v sovremennom literaturovedenii // Tsarskosel'skie chteniya. – 2011. – № 15. – S. 226-230.
3. Obdalova O. A. Ponyatie "narrativ" kak fenomen kul'tury i ob"ekt diskursivnoi deyatelnosti / O. A. Obdalova, Z. N. Levashkina // Yazyk i kul'tura. – 2019. – № 48. – S. 332-348.
4. Rep'evskaya M. V. Podkhody k izucheniyu narrativa. Vestnik YuUrGU, № 25, 2012. S. 136-137.
5. Rizvanova D. I., Khrushcheva O. A. Spekulyativnaya fantastika kak zhanr sovremennoi literatury / D. I. Rizvanova, O. A. Khrushcheva // Donetskies chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Donetsk, 17–18 noyabrya 2020 goda / Pod obshchei redaktsiei S.V. Besspalovoi. – Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet, 2020. – S. 227-229.
6. Tyupa V. I. Zhanrovaya priroda narrativnykh strategii // Filologicheskii klass. – 2018. – № 2(52). – S. 19-24.

7. Kharitonov O. A. Neklassicheskaya kompozitsiya povestvovaniya v obshcheesteticheskom kontekste / O. A. Kharitonov // Filologos. – 2021. – № 2(49). – S. 89-94.
8. Atwood, Margaret. "Negotiating with the Dead : A Writer on Writing." (2003).
9. Berryman C. "Atwood's Narrative Quest." The Journal of Narrative Technique, vol. 17, no. 1, Department of English Language and Literature, Eastern Michigan University, 1987, pp. 51-56.
10. Stanley S. K. "The Eroticism of Class and the Enigma of Margaret Atwood's 'Alias Grace.'" Tulsa Studies in Women's Literature, vol. 22, no. 2, University of Tulsa, 2003, pp. 371-386.

Titles of Russian memoirs of the XVIII - early XIX century as a meta-textual element of the narrative

Farafonova Oksana Anatol'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature; Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

630126, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, Vilyuyskaya str., 28, building 3, room 308

✉ oxana.faroks@yandex.ru

Abstract. The subject of the research presented in the article is the metatextual function of the titles of Russian memoirs of the XVIII – early XIX centuries. The object of the study is all known and published texts of Russian memoirs of the specified historical period. The author analyzes in detail in this aspect the memoirs of V. V. Golovin, I. O. Ostrozhsky-Lokhvitsky, I. G. Andreev, Y. P. Shakhovsky, I. I. Neplyuev, I. V. Lopukhin, M. V. Danilov, T. P. Kalashnikov, G. I. Dobrynin, P. S. Baturin, etc. authors. Special attention is paid to the analysis of the memoir title as a result of the author's reflection and the author's mark addressed to the reader, reflecting the tendency to individualize the narrative about oneself and the desire of the memoirist authors for a holistic understanding and literary formalization of the text of memoirs. The research methodology is based on the principles of comparative studies and comparative historical analysis. The corpus of the memoirs under study is placed in the general cultural context of the epoch, which allows us to talk about the principles of formation and development of Russian memoiristics in the XVIII century. The memoir titles reflect which aesthetic and value paradigm the memoirist was oriented towards when writing about his past. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the memoir title is considered as the main element of the meta-text ensemble "title – preface – epigraph – afterword". The genre nomination necessarily present in the memoir title (notes, chronicle, novel, life, life) is understood as a sign of the memoirist's cultural and literary self-identification aimed at a potential reader. The article identifies the following trends: orientation towards the ancient Russian cultural and genre tradition, the influence of the educational and classicist paradigm and attitudes dictated by the influence of sentimentalism and the genre of the novel. A systematic analysis of more than fifty works of Russian memoiristics allows us to conclude that the defining role of the genre nomination in the composition of the memoir title is for the author to choose a narrative model, an angle of the image of events and characters, leitmotifs and principles of plot organization. Compilation and analysis of the repertoire of titles of memoir works of the XVIII – early XIX centuries allow us to conclude about the principles of formation and development of Russian memoiristics as a whole.

Keywords: sentimentalism, classicism, the educational paradigm, ancient Russian cultural tradition, metatext, The title, memoirs, novel, genre nomination, the author's mark

References (transliterated)

1. Aurova N. N. *Obraz zhizni russkogo dvoryanina XVIII v. (po materialam domashnikh bibliotek)* // Rossiiskaya real'nost' kontsa XVI – pervoi poloviny XIX v.: Ekonomika. Obshchestvennyi stroi. Kul'tura. M.: RAN Institut rossiiskoi istorii, 2007. S. 247–261.
2. Sertakova I. N. *Povsednevnyaya kul'tura Rossii XVIII veka* [Elektronnyi resurs] // Analitika kul'turologii: elektron. nauch. izd. 2010. Vyp. 2 (17). URL: http://www.analiculturolog.ru/archive/item/215-article_27.html (27. 07. 2023).
3. Bolotov A. T. *Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannaya im samim dlya svoikh potomkov. V 3-kh tomakh.* M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2013. T. 1.
4. Sipovskii V. V. *Ocherki iz istorii russkogo romana. T. I. Vyp. 1 (XVIII vek).* SPb.: Tip. T-va Pech. i Izd. dela «Trud», 1909.
5. Veselova A. Yu. A. T. Bolotov i P. Z. Khomyakov. Roman ili memuary? // XVIII vek. SPb.: Nauka, 2002. Sb. 22. S. 19–199.
6. Bolotov A. T. *Mysli bespristrastnye suzhdeniya o romanakh kak original'nykh, tak i perevedennykh s inostrannykh yazykov Andrey Bolotova* // Literaturnoe nasledstvo. [XVIII vek]. T. 9/10. M.: Zhur.-gaz. Ob'edinenie, 1933. S. 194–221.
7. Golovin V. V. *Zapiski bednoi i suetnoi zhizni chelovecheskoi* // Kazanskii P. Rodoslovnaya Golovinykh, vladel'tsev sela Novospasskogo, sobrannaya Bakalavrom M. D. Akademii Petrom Kazanskim. M.: Tip. S. Selivanovskogo, 1844. S. 44–57.
8. Lotman Yu. M. *Poetika bytovogo povedeniya v russkoi kul'ture XVIII veka* // Iz istorii russkoi kul'tury. T. IV (XVIII – nachalo XIX veka). M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 537–573.
9. Ostrozhskii-Lokhvitskii I. O. *Opisanie zhitiya, del, bedstvii i raznykh priklyuchenii, to est' Godeporik ili stranstvie v zhizni sei* // Kievskaya starina. – 1886. – № 2 (Fevral'). S. 350–369.
10. Tartakovskii A. G. *Russkaya memuaristika XVIII – nachala XIX v. Ot rukopisi k knige.* M.: Nauka, 1991.
11. Murav'eva V. V. *Traditsii russkoi agiografii v memuaristike XVIII veka: diss. ... kand. filol. nauk.* M.: [b. i.], 2004.
12. Andreev I. G. *Domovaya letopis' dvoryan Andreevykh po rodu ikh, pisannaya kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 godu. Nachata v Semipalatsinske* // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh. 1870. Kn. 4. Otd. 5. S. 63–176.
13. Shakhovskoi Ya. P. *Zapiski Yakova Petrovicha Shakhovskogo, pisannye im samim.* Ch. I. M.: Tip. I. Glazunova, 1821.
14. Neplyuev I. I. *Zapiski.* SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1893.
15. Danilov M. V. *Zapiski Mikhaila Vasil'evicha Danilova, artillerii maiora, napisannye im v 1771 godu (1722–1762)* // Bezzvremen'e i vremenshchiki: Vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720-e – 1760-e gody) / Sost., vstup. st., komment. E. Anisimova. L.: Khudozh. lit., 1991. S. 282–350.
16. Lopukhin I. V. *Zapiski iz nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby deistvitel'nogo tainogo sovetnika i senatora I. V. Lopukhina, sostavlennye im samim.* Reprintnoe vosproizvedenie. M.: Nauka, 1990.

17. Dragaikina T. A. Povestvovatel'nye strategii «Zapisok...» I. V. Lopukhina // Narrativnye strategii slavyanskikh literatur. Povestvovatel'nye formy srednevekov'ya i novogo vremeni. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2009. S. 156–169.
18. Kalashnikov T. P. Zhizn' neznamenitogo Timofeya Petrovicha Kalashnikova, prostym slogom opisannaya s 1762 po 1794 god // Russkii arkhiv. – 1904. Vyp. 3. S. 147–183.
19. Dobrynin G. I. Istinnoe povestvovanie ili Zhizn' Gavriila Dobrynina, im samim pisannaya v Mogileve i v Vitebske SPb.: Pechatnya V. I. Golovina, 1872.
20. Semevskii M. I. Zapiski Dobrynina // Russkaya starina. 1871. Fevral'. S. 119–121.
21. Modzalevskii B. L. Zapiski P. S. Baturina (1780–1798) // Golos minuvshogo. 1913. № 1–3. S. 45–48.
22. Baturin P. S. Zhizn' i pokhozhdenie G. S. S. B. Povest' spravedlivaya // Golos minuvshogo. 1913. № 1–3. S. 45–78.

In search of an optimal method for analyzing deep structures: frame semantics and classification of argumentative structures

Chilingaryan Kamo Pavelovich

Associate professor, Department of Foreign Languages, Higher School of Management at Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

10 Mklukho-Maklaya str., office 707, Moscow, 117198, Russia

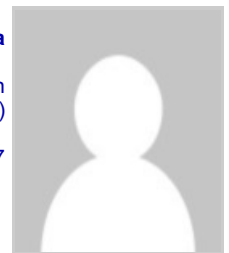
✉ chilingaryan_kp@pfur.ru

Sorokina Lyudmila Stanislavovna

Senior lecturer, Higher School of Management, RUDN University named after Patrice Lumumba (Foreign languages department)

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10, office 707

✉ camilla49@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the search for the optimal method of analyzing deep structures using frame semantics. The study of semantic roles, similarities and differences in the approaches of both C. Fillmore and B. Levin – M. R. Hovav make it possible to analyze the structure of a sentence in more detail and accurately, identify deep cases and determine semantic relations between words. The study of these aspects is key to understanding language constructs and their interpretation. The study of various approaches makes it possible to identify both common features and unique features, which is key for a complete understanding of language constructions. An interest in text analysis in the field of artificial intelligence, machine learning and computational linguistics, and an understanding of the semantic relationships between words will help create more accurate and efficient text processing algorithms. One of the research methods is the semantic analysis of sentences based on corpus data. This method includes the study of various linguistic constructions in the context of their use in real texts, which allows us to identify common patterns and rules for the use of these linguistic units in different situations. The scientific novelty of the study lies in the fact that the authors have determined the similarity of the approaches on how to understand the surface and deep structures of language of Ch. Fillmore and B. Levin and M. Rappaport. Their work, despite differences in methodology and terminology, together allow for in-depth investigation of the relationship between the meanings of verbs and the structure of arguments. As a result of the study, the natural relationships between deep cases and

semantic roles in sentences of various types are revealed, and key points that need to be taken into account when analyzing deep structures for a more accurate definition of the semantic roles of arguments are highlighted: frame semantics and thematic grids. Disagreements and alternative points of view contribute to the constant development and improvement of linguistic theories. Such debates eventually lead to a deeper understanding of the implementation of the arguments and open up opportunities for further research in this area. Both C. Fillmore and B. Levin and M. Rappaport have made significant contributions to understanding the surface and deep structures of language, although their approaches and terminology may differ.

Keywords: corpus, natural language, artificial intellect, case grammar, implementation of arguments, frame semantics, generative linguistics, deep case, syntactic structure of language, thematic roles

References (transliterated)

1. Bondarenko I. V. Vliyanie generativnoi lingvistiki N. Khomskogo na mirovoe yazykoznanie // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2011. №2.
2. Ivanov Vyach. Vs. Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 208 s.
3. Kravchenko S. Yu. Prototipicheskii podkhod i protsess kategorizatsii Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 3. Ch. 1. S. 117-119.
4. Krasina E. A. Sistemnost' v nauke o yazyke: sistemnaya lingvistika i semioticheskaya model' yazyka G. P. Mel'nikova / E. A. Krasina // Uchenye zapiski UO "VGU im. P. M. Masherova": sbornik nauchnykh trudov. – Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2018. – T. 25. – S. 125-128.
5. Lutfullina G.F. Padezhnoe oformlenie substantivov aspektual'noi semantiki nachal'noi fazy v angliiskom i russkom yazykakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. №7.
6. Markova M. V. Avtomaticheskaya semanticheskaya razmetka predlozhenii angliiskogo yazyka // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2013. – №6 (73). – 65 s.
7. Ryadinskaya, S.V. Padezhnaya grammatika Ch. Fillmora i sovremennoe ponimanie rolevoi semantiki glagola / S.V. Ryadinskaya, V.A. Migachev; BelGU // Inostrannye yazyki v professional'nom obrazovanii: lingvometod. kontekst: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf., Belgorod, 17-18 maya 2006 g. / Belgor. un-t potreb. kooperatsii.- Belgorod, 2006.-S. 181–183. <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/7269>
8. Fillmor Ch. Delo o padezhe /per. s angl. E.N. Savinai // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. M.: Progress, 1981. S. 369-495.
9. Khomskii N. Logicheskie osnovy lingvisticheskoi teorii // Novoe v lingvistike. – M., 1965. – Vyp. IV. – S. 465–576.
10. Chilingaryan K.P. Grammatika padezha kak strukturno-semanticheskii instrument tipologii nominativnykh yazykov, diss. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk / Federal'noe Gosudarstvennoe Avtonomnoe Obrazovatel'noe Uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Rossiiskii universitet druzhby narodov". 2022
11. Onlain-versiya resursa FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu>
12. Onlain-versiya resursa VerbNet. URL: <http://verbs.colorado.edu/~mpalmer/projects/verbnet.html>

13. Ofitsial'nyi informatsionnyi resurs proekta WordNet. URL: <http://wordnet.princeton.edu>
14. Carter, R.J. (1978) "Arguing for Semantic Representations", *Recherches Linguistiques de Vincennes* 5-6, 61-92.
15. Fillmore, Ch. J. 1986. Varieties of conditional sentences. *Eastern States Conference on Linguistics (ESCOL)* 3.163-82.
16. Jackendoff, Ray S. *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution* / Ray Jackendoff. – Oxford [etc.]: Oxford univ. press, 2002. – XIX, 477 s.
17. Goldberg, A. E. (2003). "Constructions: a new theoretical approach to language". *Trends in Cognitive Sciences*. 7 (5): 219-224.
18. Labov W. (1973) *The Boundaries of Words and Their Meanings* // *New Ways of Analyzing Variation in English*. Washington (D. C.), R. 340-373.
19. Levin, B. (1993). *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. The University of Chicago Press. Chicago and London.
20. Levin, B., Hovav M.R. (2005). *Argument Realization*, *Research Surveys in Linguistics*, Cambridge University.
21. Levin, B. (2009). *Lexical Semantics of Verbs II: The Structure of Event Structure*. Course LSA 116 UC Berkeley.
22. McIntyre, A. (2005). The Semantic and Syntactic Decomposition of *get* : An Interaction Between Verb Meaning and Particle Placement , *Journal of Semantics*, Vol. 23, Issue 4, Nov.2005, P. 401–438, <https://doi.org/10.1093/jos/ffh019>
23. Palmer M, Kingsbury P, Gildea D (2005). "The Proposition Bank: An Annotated Corpus of Semantic Roles". *Computational Linguistics*. 31 (1): 71–106.
24. Schuler, K. K. (2005). *VerbNet: A Broad-Coverage, Comprehensive Verb Lexicon*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania.
25. Wilks, Y. (1987) "Primitives", in S.C. Shapiro, ed., *Encyclopedia of AI*, Volume 2, Wiley, 759-76.